

РЗЗ 145

КОЛУМБ

Г. РЕВЗИН

1900г. *Амурский*
К О Л У М Б

Г. РЕВЗИН

20 *116/*
выпуск

Отв. редактор ИОСИФ ГЕНКИН

журнально-газетное
объединение
Москва
1937

ХРИСТОФОР КОЛУМБ

МУК "Централизованная
система муниципальных
библиотек г. Омска"

185424 - 1

«Золото — удивительная вещь. Кто обладает им, тот господин всего, чего он хочет. Золото может даже открыть душам дорогу в рай».

(Из письма Колумба с Ямайки)

ВВЕДЕНИЕ

Торговые пути на Восток

ордова и Константинополь были в годы раннего средневековья главными центрами, связывавшими Европу с азиатским Востоком.

Сарацины слыли опытными и отважными мореплавателями; их суда бороздили во всех направлениях воды Средиземного моря, южный берег которого был мусульманским. По другую сторону Суэцкого перешейка торговый флот сарацин проложил пути из портов Красного моря и Персидского залива до Индии, Суматры, Явы. Легкие арабские парусники и веселые суда плавали вдоль берегов Южной Азии, проникали в китайские воды, добирались до Кантона.

В Каире и Багдаде скрещивались великие торговые пути мусульманского Востока. Торговцы, стекавшиеся на базары этих городов со всех концов известного тогда мира, покупали и сбывали здесь шелковые и бумажные ткани, слоновую кость, пряности и благовония, бриллианты, жемчуг, сапфиры, доставляемые из глубины Азии, и европейские шерстяные, льняные ткани, стекло, вино, свинец, кораллы и несметное число рабов и рабынь, свнухов, пополнявших мусуль-

манские гаремы, вывезенных из Греции, Кавказа, Руси и всего северного христианского побережья Средиземного моря.

Сарадины очень ревниво охраняли свою морскую торговлю от конкурентов. Попытки итальянских портовых городов включиться в выгодную восточную торговлю подавлялись жестокими набегами арабских корсаров, гнездившихся на островах, прилежавших к Апеннинскому полуострову. Только Византия могла под охраной Дарданелл и Босфора широко торговать с Востоком и Киевской Русью по сухопутным и речным дорогам.

Три великих торговых пути вели от берегов Средиземного моря в восточные страны — в далекие края, рисовавшиеся воображению людей средневековья лежащими на грани света, полными несказанных чудес и несметных богатств.

Южный путь был водным почти на всем своем протяжении. Торговые люди везли свои товары сушей только через узкий Суэцкий перешеек — из египетского порта Форамы до порта Клисмы на Красном море. Из Клисмы морской путь пролегал сначала по раскаленной горловине Красного моря, а затем вдоль берегов Аравии до портов Индии. Это был относительно короткий и, пожалуй, самый дешевый путь. Удорожался он лишь высокими поборами египетских султанов.

Средний путь начинался у устья реки Оронта в Малой Азии. Отсюда караваны двигались сушей по густозаселенным и богатым малоазиатским землям, через цветущие города Антиохию и Алеппо к Евфрату и, далее, на судах по Тигру в Персидский залив и Индийский океан. Средний путь был, следовательно, наполовину сухопутным. Этот путь так же, как и Южный, упирался восточным концом в древние

морские дороги из Индии в Китай, на которых господствовали индийские и китайские, а впоследствии арабские купцы.

Далеко к северу от этих двух дорог пролегал Великий Северный путь, пересекавший Азию с запада на восток. Нескончаемой лентой тянулся он от Таны до Камбалу (от Азова до Бейпина). От Таны дорога вилась по травяным и солончаковым степям до Гинтархана (Астрахани). Здесь купцы перебирались на речные баржи, подвозившие их к многолюдной и гостеприимной столице Кипчакской орды — Сараули Сараю, лежавшей на одном из восточных протоков волжской дельты. Отсюда начиналась верблюжья тропа.

Движущиеся на восток путники пересекали засушливые среднеазиатские степи, добираясь в двадцать дней до Ургенча на Аральском море. К юго-востоку от Ургенча на их пути лежала Ольтрарра на Сыр-Дарье. Четвертым большим этапом была Кульджа на реке Или, впадающей в Балхаш. Далее путникам предстояло тяжелое испытание: преодоление трудной пустыни Гоби, которую они проезжали в полтора месяца, достигая города Камексу. Отсюда 45-дневный путь приводил их к верховьям Желтой реки, к городу Кара-Мурену. В двадцать дней купец добирался затем по катаяским землям до цели своего странствования — до Камбалу.

Сквозные путешествия по всему Северному пути были очень редки. Обычно товары многократно меняли владельцев, провозивших свою кладь лишь по отдельным участкам великой дороги.

Две тысячи лет — от античных времен вплоть до XVI века — эти три артерии, со множеством подчиненных им ответвлений, были осями мировой торговли. То оживляясь, то замирая, порою причудливо ме-

няя трассу, связывали они воедино старый мир от Крайней Фулы (Исландия) до Чипанго (Япония). По ним проникали в серую, убогую Европу средних веков богатые восточные ткани, яркие краски, благовония тропиков, будя оцепенелую мысль европейца, увлекаая его на авантюры, поиски, завоевания.

Овладеть головными пунктами восточных торговых путей, проникнуть возможно глубже по ним, извлечь выгоду из положения посредников между азиатскими странами и Европой — было первым устремлением освобождавшейся от церковных пут государственной мысли.

Талантливые ученики византийцев и арабов — торговые республики итальянского побережья — сумели в полной мере претворить в жизнь эти новые устремления.

Итальянские торговые республики

Еще в IX—X веках нашей эры портовым городам Апеннинского полуострова удалось вытеснить сарацинских корсаров с ближайших островов, окружающих Италию. После захвата Сицилии норманнами вся восточная часть Средиземного моря стала менее опасна для христианских мореплавателей.

Равенна, Анкона, Неаполь, Гаэта и особенно Амальфи владели небольшими торговыми флотами и вели довольно оживленную торговлю с Константинополем и портами Ближнего Востока, ускользая от нападений могущественных арабских конкурентов. В XII веке на передний план выдвигаются Венеция, Генуя и Пиза.

Решающую роль в судьбах этих трех республик сыграли крестовые походы. Почти два века — с 1094

по 1270 годы—из Западной Европы в юго-восточном направлении, ко «гробу господню», двигались семью последовательными волнами отряды крестоносцев, поднятые на борьбу с мусульманами папой Гильдебрантом. Венеция, Генуя, Пиза перевозили на своих судах через море крестоносцев, их амуницию и продовольствие, получая за помощь «святому делу» много золота и еще больше привилегий.

Выдающуюся роль в этих операциях играла Генуя. За оказываемые крестоносцам услуги Генуя получала от них торговые льготы в завоеванных областях. По берегам восточной части Средиземного моря широко раскинулись многочисленные торговые колонии этой республики. Торговые люди Генуи оказывали помощь не только крестоносцам, но нередко и мусульманским государствам, получая при этом и от «неверных» привилегии, охрану и поощрение.

Почти во всех сколько-нибудь значительных портах Леванта генуэзцы основали собственные кварталы. Внутри этих кварталов они были полновластными хозяевами, имели собственный суд, свои вооруженные силы, наместников. Это были как бы дочерние клетки метрополии, распыленные по всему Ближнему Востоку. Антиохия, Яффа, Цезарея, Акра, Леодикея, Триполи были самыми известными из этих колоний.

В стороне от Леванта, по побережью Черного и Азовского морей, генуэзцы учредили торговые фактории, позволявшие им извлекать огромные доходы от торговли с Киевской Русью и со странами, лежавшими на Северном пути в Китай. Так как путь в Черное и Азовское моря лежал через тесные проливы, находившиеся под контролем Византии, то традиционной политикой Генуи была дружба с Восточной Римской империей. Эта дружба, гарантировавшая генуэзцам

свободу плавания, была выгодна и Византии, также ведшей оживленную торговлю с азиатским Востоком и русскими княжествами, нередко в компании с торговыми людьми Генуи.

Спокойному обладанию приобретенными богатствами Генуе постоянно мешал могущественный конкурент — Венеция. Эта республика конкурировала с Генуей на всех рынках и постоянно угрожала ее могуществу. Возвеличению Адриатической республики немало способствовала победа, одержанная ею над Византией.

Венеции удалось нанести двум главным своим соперникам — Византии и Генуе — смертельный, казалось, удар, задуманный с тонким коварством, характерным для венецианской политики. Венеция замыслила одним усилием овладеть плодами завоеваний обоих конкурентов. Случай к этому представился во время четвертого крестового похода, когда колонны крестоносцев находились вблизи византийской столицы, на пути к «святым местам». В уплату за услуги, оказанные им Венецией, «христовы воины», как бы мимоходом, захватили и разгромили христианский Константинополь в 1204 году. В завоеванном городе обосновалась столица Латинской империи, просуществовавшей до 1261 года.

Этот военно-дипломатический ход принес Венеции обильные плоды. Все фактории Черного и Азовского морей перешли в ее руки. Венецианская торговля окрепла во всем Леванте. Генуэзцы были изгнаны из многих городов его.

Торжество Адриатической республики над ее соперниками длилось пятьдесят семь лет. Путем сложных интриг Генуя сумела изгнать из Константинополя латинских императоров и усадить на византийский трон никейскую династию Палеологов.

В благодарность за помощь Михаил Палеолог предоставил генуэзцам новые преимущества в транзитной черноморской торговле и в самом Константинополе.

Успешно закончилась для Генуи и борьба с Пизой. До XII века республики-соседи были связаны тесным военным союзом против сарацин, но, когда после совместного отвоевания у арабов Корсики этот остров был захвачен Генуей, между союзниками началась длительная война, закончившаяся полным разгромом Пизы и ликвидацией ее морского влияния.

Во второй половине XIII века Генуя достигает вершины своего могущества. Лигурийская республика торжествует одну за другой военные победы над своими вековыми соперниками. Пиза окончательно уничтожена в битве при Малории в 1284 году, а венецианский флот терпит тяжелое поражение при Курцполе в 1298 году. Знамя святого Георга развевается над Корсикой, Сардинией, Кипром, Лесбосом, Хиосом. Генуя становится безраздельным хозяином бесчисленных факторий в Передней и Малой Азии и на африканском побережье. Два обширных генуэзских предместья Константинополя — Пера и Галата, едва вмещают товары, притекающие сюда из славянских и татарских земель, с Кавказа, из Индии и Китая.

Генуэзские парусники развозят товары по всем портам Европы. Они проникают через Геркулесовы Столбы (Гибралтар) в океан и, следуя вдоль берегов его, торгуют с португальцами, французами, фламандцами, англичанами.

Неустрашимая натура лигурийцев влечет их и в открытое море, и некоторые из них отваживаются отрываться от европейских берегов и плыть прямо на запад, в открытый океан, в страшное Море Тьмы (*Mare tenebrosum*). Здесь в 1300 году они снова открывают для Европы известные древним

Счастливые острова (Канарские острова), проникают на Мадейру, а около 1350 года появляются даже на Азорских островах — самой дальней островной группе европейского материка.

Жизненный пульс Генуи бьется далеко от Лигурийского побережья, в северо-восточных заливах Средиземного моря, на морях Черном и Азовском. Здесь, в центре густой сети торговых поселений, высятся блистательная Каффа (Феодосия), насчитывающая в лучшие свои дни до 70 тысяч жителей. Отсюда управляются генуэзские фактории в Мингрелии, сюда направляется серебро, добываемое в горах Кавказа. По всему черноморско-азовскому побережью бойко торгуют Балаклава, Солдайя (Судак), Тана (Азов), Копя (на Кубани), Матреге (Тамань), Севастополь (Сухум) и ряд других генуэзских городов. Из Каффы по Днепру предприимчивые генуэзцы ведут торговые операции с Киевской и Московской Русью, по Дону — с татарами, по Днестру — с поляками. Днепр связывает их с русскими торговыми республиками — Псковом и Новгородом, а через них — с немецкой Ганзой. Через Каффу в южную Европу идут из Руси горностаевые меха, кожи, хлеб, хвойный лес, игристый мед, соль, соленая рыба. Каффа служит также главным посредником между Средиземным морем и Востоком.

Безраздельному господству генуэзцев мешало то, что Венеция не была надломлена ни падением Латинской империи, ни поражением при Курцполе. Венеция после закрытия для нее Черного моря стала быстро развивать свою торговлю на Южном и Среднем путях.

Генуя оказалась снова лицом к лицу со своим вековым, опасным, быстро растущим соперником.

Между конкурентами начинается беспощадная кор-

сарская борьба. Встреча в море торговых судов Генуи и Венеции почти всегда переходит в abordаж, схватку не на жизнь, а на смерть, в избиение экипажа побежденного корабля, продажу уцелевших в рабство мусульманам.

Венеция и Генуя истощали в многовековой борьбе свои жизненные силы. А в это время в стороне от них назревали события, опрокинувшие основания, на которых покоилось благополучие этих республик. Смертельный удар им нанесли турки — враг неожиданный и неведомый.

Пути на Восток обрываются

В 1206—1227 годы из глубин Азии на Европу накатилась неудержимая лавина монгольских завоевателей во главе с не знавшим поражений Чингис-Ханом. Над всем западным миром, только-что проснувшимся после многовековой спячки, казалось, нависла угроза гибели под копытами монгольских коней. С невообразимой быстротой монголы захватили Китай, Среднюю Азию, Багдадский Халифат, Русь. Под власть монгольских ханов подпало огромное царство, в котором закон диктовался первобытными кочевниками. По выражению английского историка Юля, «во всей Азии и Восточной Европе, от границ Польши и Сицилии до Амура и Желтой Реки даже собака не могла залаять без позволения монголов».

Владычество монгольских кочевников сыграло крайне отрицательную роль в хозяйственном и культурном развитии народов Восточной Европы, в частности русских княжеств и Польши. Однако годы великих ханов были годами оживленных связей европейцев с Востоком, особенно с Китаем. Папа Иннокентий IV

направил в 1245 году к хану в его столицу Каракорум монаха Плано Карпини в качестве миссионера, на которого была возложена задача обращения в христианство как самого хана, так и его подданных. В 1253 году французский король Людовик Святой, горевший тем же благочестивым желанием, отправил другого монаха, Рубриквиса. В 1271 году путешествие в Китай совершил знаменитый венецианец Марко Поло. Книга Поло, повествующая о чудесах Китая и Чипанго, сыграла исключительную роль в формировании географических представлений европейцев позднего средневековья.

В это время шелк и слоновая кость, бумажные ткани, пряности и благовония провозились в Европу по монгольским землям. Генуя, прочно державшая в Каффе под своим контролем Северный путь в Китай, обогащалась как никогда раньше. Венеция, получавшая те же товары по Среднему и Южному путям, также не имела оснований к недовольству монгольскими ханами.

Торговля Европы с Китаем резко упала после того, как в 1368 году китайцы восстали против монгольской династии и низвергли ее. Новые китайские богдыханы из династии Минг захватили вскоре и самое Монголию, превратив ее в свою провинцию. Китайскому торговому либерализму монгольского периода пришел конец. Китай оградился от внешнего мира глухой стеной. Под страхом смерти ни один иностранец не смел более попираť своими ногами землю Небесной Империи. Европейская торговля с Востоком лишилась одного из самых богатых источников снабжения.

Выключение Китая из европейской восточной торговли могло быть лишь тяжелым эпизодом. Оно не могло подрвать ее корней. Попрежнему были откры-

ты рынки Каира, Багдада. Товары поступали из Индии, Цейлона, Явы, с Аравийского полуострова. Генуя и Венеция продолжали развозить по всем европейским портам снадобья, пряности, краски, ткани.

Но вот над ослабевшей Византией, почти потерявшей силу сопротивления после разгрома ее крестоносцами, нависает смертельная угроза. Константинополь осаждает огромная армия тюрков-османлисов.

Тюркское племя сельджуков еще в X веке начало спускаться со среднеазиатского нагорья к западу, сокращая на своем пути все плоды городской цивилизации и оседлой жизни. Позади завоевателей оставались лишь голые степи для кочевья. Огнем и мечом прошли сельджуки в XI веке по Малой Азии, обратив ее цветущие города в развалины. В конце века дошли они до стен Царьграда, но долгие годы кочевники были бессильны против этого европейского аванпоста.

Только через четыре века наследники сельджуков — османлисы, воспользовавшись старческим маразмом Византии, овладевают, наконец, ее столицей. Напрасно Генуя, опасаясь за судьбы своих черноморских колоний, изо всех сил помогает византийцам. В 1453 году турки под водительством Магомета II проникают за стены древней столицы Константина.

Сразу обрывается связь генуэзцев с Черным и Азовским морями. Не только огромные богатства, но и множество сограждан отрезаны от метрополии. Генуэзцы пытаются выручить своих людей, прорываются с боем через проливы, пересекают Балканы. Но эти героические меры не могут изменить положения.

После взятия Константинополя Магомет II движется на север. Турецкий флот осаждает Каффу в 1475 году. Генуэзцы отчаянно сопротивляются, но

греко-армянское большинство населения, в надежде на милость победителей, принуждает их к сдаче. Семьдесят тысяч жителей Каффы частью перебиты, главным же образом распроданы на невольничьих рынках Леванта. После этого одна за другой в руки турков попадают черноморско-азовские колонии и фактории.

Венецианцам недолго пришлось торжествовать по поводу гибели геноуэзской восточной торговли. Вскоре кривые ятаганы османлисов перерубили одну за другой жизненные нити венецианской торговли. Тюрки овладевают сирийским побережьем и лежащими за ним землями. Паралич охватывает и Средний торговый путь. Только на юге, через Суэцкий перешеек, еще возможна торговля благодаря договору венецианцев с мамелюкскими султанами Египта, но и здесь она вскоре замирает. Жизнь постепенно уходит из всего восточного угла Средиземного моря.

В XV веке восточная торговля больше, чем когда бы то ни было ранее, нужна была Европе. Спрос на восточные товары неизмеримо возрос, но доставлять эти товары по сколько-нибудь сходной цене становилось почти невозможным. Единственный оставшийся еще открытым Южный путь стал очень дорог. Венецианцы вынуждены платить мамелюкам непомерные пошлины. Из-за больших расходов индийский перец в Александрии стоит в три раза дороже, чем в Калькутте, а за аравийский ладан здесь приходится платить в пять раз больше, чем в Мекке. Это вызывает огромный отлив золота и серебра из Европы в южные страны Азии. Благородные металлы в Европе дорожают. По свидетельству современников, в течение XV века стоимость золота и серебра по сравнению с хлебом поднялась вдвое. Такое положение вещей вносит расстройство в хозяйственную жизнь многих евро-

пейских стран. Королевские советники и епископы, монахи и бакалавры ломают себе голову над разрешением мудреной дилеммы: отказаться от продуктов Востока невозможно, покупать их далее у венецианцев разорительно и непосильно. Как быть? Нельзя ли пробраться к местам произрастания пряностей, к шелку и жемчугу, минуя торговцев Багдада и Каира, посредников Венеции, избегнув уплаты пошлин мамелюкам и бакшиша туркам?

Захват османлисами Константинополя нанес смертельный удар торговле Генуэзской республики.

Старый генуэзский порт не знал уж более прежнего оживления. Именитое купечество постепенно потеряло вкус к рискованным морским предприятиям. Многие торговцы предпочитали отдать накопленные богатства в банк св. Георгия, прибравший вскоре к рукам все доходы государства.

Торговля деньгами оказалась делом надежным и прибыльным. Выдавал ли немецкий принц замуж свою дочь, снаряжал ли итальянский князь военный поход — всем им нужны были деньги, всюду посланника генуэзского банка встречали низкими поклонами, с подобострастием. Даже французский король прибегал к ссудам генуэзцев. Ничто не угрожало доходам акционеров банка: ни морские бури, ни венецианцы, ни турки. Слух генуэзского патриция мало-по-малу стал отвыкать от звона меча и скрипа корабельных снастей. Он открыл новую музыку в шелесте векселей и долговых расписок.

Но если купец легко становился ростовщиком, то трудно было найти для себя новое дело всем тем, чье существование было связано с морским величием республики. Генуе долгое время принадлежала пальма

первенства в морских науках. Многочисленные ученые знакомили здесь с небесной сферой, с пользою астролябией и астрономическими наблюдениями в море.

Велико было в Генуе число людей, искусных в черчении морских карт. А сколько здесь было матросов, штурманов, капитанов, вскормленных морем, из рода в род с детства бороздивших его под треугольными латинскими парусами. Многим людям родина не могла уже предоставить ни дела, ни хлеба. Они стали покидать Геную, искать применения своему опыту вдали от родных берегов:

Когда португальское королевство начало подвигаться на поприще мореплавания и морских открытий и ее короли приступили к вербовке на португальскую морскую службу опытных иностранцев, в Португалию отправилось искать счастья множество генуэзских капитанов, картографов и астрологов. Впоследствии на их трудах и знаниях, как на дрожжах, выросла морская слава Португалии.

ЗАМЫСЕЛ

Христофор Колумб
на родине

Тесно к морю прижала Геную высокая коричневая гряда лигурийских Апеннин. Крутым амфитеатром раскинулся город. Старые узкие улицы ползут, причудливо извиваясь, от порта вверх. Далеко с моря видна возвращающимся домой морякам сверкающая белая чаша родного города. «Дженова ла суперба!» — срывается восхищенный возглас при взгляде на много раз виденное великолепие дворцов, площадей, колоколен, крепостных стен.

Вдоль берега, насколько может окинуть взор, до самого Рапалло, разбросаны селенья рыбаков и ремесленников — Квинто аль Маре, Сори, Реко. Порто Фино и множество других. Фоном всей панораме побережья служит тянущаяся параллельно берегу стена гор. По другую сторону приморской горной цепи лежит небольшая долина реки Бизаньо. По ней разбросаны крестьянские селения. Земля здесь скудная, и селений поэтому немного, значительно меньше, чем в соседней долине Фонтанабуона, отделенной от Бизаньо горами.

Бурливая Фонтанабуона проложила себе путь пошире, горы расступились на четыре-пять километров, дав место пашням, лугам, крестьянским селам и ремесленным городкам. Здесь расположились Моконези, Терраросса, Монтегирфо, Монлеоне и много других

* «Великолепная Генуя!»

селений, густо рассеянных вдоль реки до самого моря, до Кьявари и Лаваньи. С незапамятных времен крестьяне этих селений сеют хлеб, разводят овец, а ремесленники моют и чешут шерсть, валяют и ткут сукна для Генуи и на вывоз.

Этот маленький мирок, который нетрудно охватить взглядом с любой из окрестных гор, замыкал горизонт многих поколений крестьян и ткачей Коломбо, именовавшихся во всех церковных и гражданских актах, писанных по-латыни, Колумбусами. Старые архивные материалы позволяют проследить за этим родом, начиная от прадеда Христофора — Луки Коломбо, крестьянина, родившегося в Террароссе, на берегах Фонтанабуоны.

Сын Луки, Джованни, продолжал подобно отцу, ковырять родную лигурийскую землю. Однако родившегося у него в 1409 году сына Доменико, смышленного мальчугана, он решил сделать ткачом. Тонкие генуэзские сукна в те годы развозились во все края света, спрос на них был большой, и ткацкие станки отбивали быстрый такт по всей Лигурии. Старый Джованни, решивший вывести своего сына в люди, обратился к ткачу Джакомо Фонтанаросса, своему приятелю, закупавшему у Джованни шерсть и поставлявшему добротные куски сукна для скромного гардероба его семьи.

Джакомо был отпрыском старинной фамилии ткачей, жившей в Квецци — поселке, расположенном между Террароссой и Генуей, в нескольких километрах от города. Как водилось в подобных случаях, Доменико, ставший ремесленным учеником, вошел в семью Фонтанаросса, здесь жил и кормился, работая со всеми членами семьи от зари до зари. Жил он здесь много лет, перешел из детства в юность, овладел всеми приемами и секретами ткацкого ремесла и

в конце концов покинул гостеприимный кров вместе с дочерью хозяина Сусанной, получив за нею немалое приданое.

Характерной чертой Доменико Коломбо являлась предприимчивость, совершенно необычная для средневекового ремесленника и крестьянского сына. На протяжении своей долгой жизни этот человек много раз пытался всевозможными путями вырваться из довольно скудных условий жизни своего сословия.

Покинув дом тестя, Доменико с женой переселился сначала в Квинто аль Маре, а затем, в 1451 году, в Геную. Здесь он купил на приданое жены дом неподалеку от ворот св. Андрея, в квартале, заселенном ткачами, красильщиками и чесальщиками. Рядом с оборудованной им ткацкой мастерской Коломбо открыл кабак, торговавший довольно бойко, так как дом был на большой улице, ведущей в порт. Дела Доменико на первых порах шли, видимо, недурно, и вскоре он приобрел второй дом у ворот Оливелло.

От брака Доменико с Сусанной родилось пятеро детей. Старший сын, названный Христофором, будущий *povi orbis repertor**, родился в 1446 году. За ним погодками появились на свет братья Джованни и Бартоломео и сестра, имя которой не сохранилось. Через двадцать лет после рождения первенца Сусанна родила сына Джакомо.

Как протекали детство и юные годы Христофора? Отец отдал его в школу своего квартала, где монахи обучили мальчика чтению, письму, счету, начаткам географии. После школы, на десятом году жизни, он начинает помогать отцу — чешет шерсть, ткет сукна так же, как и подрастающие младшие братья. Мальчик вырастает и становится долговязым юно-

* Открыватель Нового Света.

шей, длиннолицым, веснушчатым, голубоглазым и рыжим.

Когда выдается свободная минута, Христофор бежит в соседний отцовский кабак, где помогает матери и жадно прислушивается к пьяным разглагольствованиям матросов. Здесь из уст живых свидетелей он узнает о несчастных для Генуи событиях в водах Византии и Черного моря. Рассказы о битвах с турками распаляют воображение мальчика, наполняют его жаждой мести и мечтами об участии в военном походе на «неверных».

Но вскоре любознательность и фантазия Христофора направляются в другую сторону. Как-то случайно забрел он в дом ученого астролога и картографа Бекарио, предлагая купить выловленную в заливе рыбу. Живой ум юноши понравился ученому; он стал показывать ему карты, глобусы, измерительные инструменты, модели судов. Христофор был совершенно захвачен увиденным и не замедлил явиться с новой корзиной рыбы. Вскоре между добродушным ученым и ни разу не бывавшим на море молодым ткачом, жаждавшим постигнуть искусство кораблевождения, установилась тесная дружба. Бекарио разрешал Христофору брать с собой книги, которые тот читал украдкой от отца.

В дальнейшем Христофор стал проводить весь свой досуг в порту, разглядывая суда, расспрашивая матросов. Страсть к морю, пробудившаяся в генуэзском юноше из народа, неизбежно влекла его к путешествиям. Христофор несколько раз нанимался на торговые суда, побывал в соседних итальянских и провансальских портах, на Хиосе. Стать профессиональным матросом он не смог — слишком много было опытных моряков, сидевших без дела. В промежутках между короткими плаваниями он возвращался к

ткацкому станку. Поэтому во всех актах гражданского состояния он продолжал оставаться ткачом.

Жизнь молодого человека долгое время текла без каких-либо значительных внешних перемен. Месяцы работы с отцом сменялись короткими плаваниями. Скоро юноша превратился в зрелого мужчину. Казалось, жизненный путь Христофора начертан твердо—возмужавший генуэзский ткач потеряет вместе с золотым юношеским пушком на щеках и вкус к соленым просторам.

Но скромный сословный кафтан прикрывал грудь, распираемую честолюбием, а под широкой шляпой горели глаза отважного искателя приключений. В течение ряда лет молодой генуэзский ткач, проводивший долгие дни за скучным механическим трудом, жил мыслью о необыкновенных подвигах и великих открытиях. То ему чудилось морское сражение, в котором он совершает чудеса храбрости, разбивает огромный флот мусульман и отдает папе Иерусалим, то он открывает неведомые острова, полные сокровищ, и становится могущественным владыкой.

Ни назойливый стук станка, ни беды его родного города, ни тяжелые испытания семьи не в силах были отвлечь молодого генуэзца от его грез.

Отец Христофора—Доменико Коломбо, обремененный большой семьей, вел широкие для ремесленника операции, покупая в долг шерсть, отдавая в кредит сукна, искал возможностей безбедного существования для своей семьи. Но времена были тяжелые, должники платили плохо, покупателей было мало. Скоро Доменико вынужден был продать один за другим свои дома.

Для семьи Коломбо начались трудные годы. У супругов умирает сын Джованни. В 1470 году Коломбо покидают обманувшую их надежды Геную и пересе-

ляются в близлежащий портовый город Савону. В Генуе остается Бартоломео, выказавший способности в черчении морских карт. Усовершенствовавшись в новом ремесле у картографов Генуи, он отправляется в 1472 году искать применения своему таланту в Португалии, следуя в этом примеру многих генуэзцев. Таким образом, в Савоне поселяется старик Коломбо с женой, двумя сыновьями и дочерью.

В 1474 году Доменико приобретает в Савоне за 250 генуэзских лир дом, окруженный садом, виноградником, полем, обязавшись выплачивать долг сукном своей выработки в течение пяти лет. Эта скромная сделка оказалась подлинной бедой для ткача и омрачила его старость. Доменико не смог выполнить взятых по договору обязательств, и через двадцать пять лет кредиторы предъявили к его детям требование об оплате долга за несостоятельного отца.

Недолго прожил Христофор в Савоне. В 1474 году, когда ему исполнилось двадцать восемь лет, он решил уйти из родительского дома, порвать навсегда со своей профессией и покинуть родину. Христофор отправился искать счастья в той же Португалии, где поселился его брат.

Прежде чем последовать за Христофором в Португалию, скажем несколько слов о судьбе его отца Доменико. Савона обманула его, как и Генуя. Он потерял здесь весь свой достаток. Здесь умерла в 1484 году его жена. Овдовев, Доменико вновь переселился в Геную, где занялся своим ремеслом. Сыновья его разбрелись, дочь вышла замуж. Одиноким, всеми покинутый старик влачил жалкое существование.

Умер Доменико в Генуе в 1497 году в возрасте семидесяти восьми лет, в великой нужде. В это время на полуострове, расположенном рядом, его сын стоял у трона могущественных королей.

Южный португальский путь на Восток

Еще задолго до катастрофических для мировой торговли событий середины XV века среди ученых людей того времени возникла догадка о возможности обходного морского пути вокруг Африки в южные и восточные страны Азии. Однако научному признанию подобной гипотезы препятствовали каноны, установившиеся в учении о земле на протяжении долгих столетий.

Для географов древности истина о шаровидной форме земли была бесспорна. Это великое завоевание человеческого разума было добыто путем умозаключения, — методом, в котором греки были непревзойденными мастерами. Но соотношение моря и тверди на земном шаре было для них неясно. Единственным источником для получения правильного представления об очертаниях континентов и морей, об их относительной величине мог быть только опыт — географические экспедиции, сообщения путешественников. Но географы древности, хорошо знакомые лишь со средиземноморскими странами, обладали слишком недостаточными сведениями о мире для начертания сколько-нибудь правильной его картины.

Величайший из греческих географов Эратосфен довольно близко подошел к истинному распределению суши на поверхности земного шара. Он представлял себе материки как бы вкрапленными в водную основу. Океан, по гениальной мысли Эратосфена, окружал все континенты. Правда, он ошибся, полагая, что Каспийское море представляет собою залив Северного Ледовитого океана, но его теория привела к правильной гипотезе о соединении Индийского океана с Атлантическим вокруг южной оконечности Африки. Океаническую теорию Эратосфена разделяли Страбон

Карта мира Клавдия Птолемея

и Посидоний, но общего признания она не получила.

В средние века господствовали взгляды Клавдия Птолемея, жившего во II веке нашей эры. По мысли Птолемея, поверхность земного шара состояла из суши, по которой были разбросаны моря и океаны. Птолемей полагал, что азиатский материк тянется на огромные расстояния на восток. Европа вместе с Азией, учил он, занимают половину земной окружности, оставляя для расположенного между ними Атлантического океана вторую половину ее. Африка же, согласно Птолемею, соединялась южным своим концом с юго-восточной оконечностью Азии. Индийский океан был, таким образом, не чем иным, как огромным замкнутым озером. Таким же, изолированным морем, по представлению Птолемея, являлся и Атлантический океан.

В зависимости от того, принимали ли европейские средневековые ученые общепризнанную континентальную теорию Птолемея или значительно менее распространенную океаническую теорию Эратосфена, должны были они расценивать и перспективу проникновения из Европы в Азию, следуя морским путем вдоль западного берега Африки.

Однако, если бы даже взгляды Эратосфена о существовании сплошного водного пути из Европы в Индию вокруг Африки и были признаны, возможность установления такого пути считалась бы в то время неосуществимой по соображениям климатическим. Представление о климатических поясах земли в древности и в средние века коренным образом отличалось от наших сведений, добытых опытом. Птолемей, а с ним и большинство авторитетов полагали, что жизнь на земле возможна только в двух из пяти климатических зон земного шара — в северной и южной умеренных зонах. У обоих полюсов земли лежат об-

ласти, скованные холодом, в которых жизнь невозможна. Кровь застывает в теле несчастного, завлеченного любопытством в полярные зоны. Но не менее грозная участь, по мнению греческих географов и астрономов, ожидала неосторожного смельчака, который стал бы продвигаться из умеренного пояса к экватору. Охватывающий землю широкий экваториальный пояс, как утверждала древняя и средневековая наука, непроницаем для живых существ. Нещадно палящие отвесные лучи солнца заставляют кипеть даже море. Горе кораблю, заплывшему в экваториальные воды. Вместе со своим экипажем он обратится в пламя и пар. Земли, лежащие между тропиками Рака и Козерога, являют страшную картину выжженных камней и песков, среди которых привольно живет только саламандрам и гномам. Это своеобразное географическое представление допускало, таким образом, существование на земле двух наглухо разобщенных человечеств: в северном и южном умеренных поясах.

Климатические представления греческих географов были для средних веков непререкаемой истиной. Возможность проникновения в экваториальную зону земли считалась такой же неосуществимой фантазией, как и возможность увидеть скрытую от нас обратную сторону луны.

Географы средневековья считали, что попытка проложить морской путь в Азию, следуя вдоль берегов Африки, натолкнулась бы на непреодолимые климатические трудности. Подобное предприятие стало бы безнадежным, если бы Африка оказалась сильно вытянутой к югу и путь вокруг нее лежал за пределами северного умеренного пояса.

Практическое решение великой задачи выпало на долю португальцев. Небольшое португальское королевство владело длинным удобным океанским побе-

режем, природными гаванями, расположенными в устьях рек. Эти гавани лежали на путях морской торговли Венеции и Генуи с Англией, Фландрией и другими европейскими государствами. Естественно, что Португалия еще в конце XIII века устремила свои взоры на море. Король Динис заложил основы морского могущества своего государства, построив в 1317 году большой военный флот. Во главе флота он поставил генуэзца Мануэля ди Пецаньо, получившего наследственный титул Великого Адмирала Португалии.

Помехой для морских предприятий этой страны долгое время были марокканские мавры, топившие суда Португалии, нападавшие на ее побережье. Первой серьезной пробой сил для нового флота королевства стала военно-морская кампания у африканских берегов.

В 1415 году, в царствование Жоаньо I, португальский флот и экспедиционная армия осадили марокканскую крепость Сеуту. Во главе королевских сил был поставлен третий сын короля — двадцатилетний принц Генрих, обладавший выдающимися способностями и исключительной любознательностью. Короткие передышки, выпадавшие в затяжных боях с маврами, он использовал для бесед с пленными. Они рассказали Генриху о существовании неведомых европейцам стран Сенегала и Гвинеи, заселенных черными людьми. Оттуда мавры получали золото, слоновую кость, драгоценные породы дерева и рабов. У принца возникло стремление пробраться в эти богатые места, но не через Сахару, как пробирались туда мавры, а со стороны моря.

Наблюдательный, склонный к логическому мышлению, Генрих не мог не обратить внимания на явное противоречие между учением о необитаемости экваториальной зоны и сведениями, добытыми им у афри-

канских мавров. Генрих много беседовал об этом с пленными мусульманскими учеными. От них он узнал об учении Ибн Сина, отвергавшего птолемееву климатическую теорию. Ибн Сина утверждал, что зной от-весных лучей экваториальной зоны умеряется длинными ночами; это делает возможной жизнь в тропиках.

Постепенно у Генриха начал созреть план морского пути вокруг Африки. Победоносно закончив войну с марокканцами, Генрих вернулся в 1418 году в Португалию и принялся за осуществление своего замысла, ставшего скоро целью всей его жизни.

Напрасно восхищенные его военными талантами папа Мартин V, испанский король Хуан II и Генрих V английский наперебой предлагают принцу командование их армиями. Его честолюбие отныне направлено в иную сторону. Он хочет быть первым, проложившим морской путь в Индию. Генрих отказывается от жизни в столице, от светских развлечений Лиссабона. Уже в 1419 году он удаляется в глухой угол Португалии, на мыс Сагрэс, в южной части королевства. Скалистый выступ, глубоко вдающийся в океан, становится на многие годы приютом этого недюжинного человека.

На мысе Сагрэс Генрих оборудовал обсерваторию, собрал обширную библиотеку и стянул сюда многих выдающихся ученых того времени — христиан, мусульман и евреев. В сагрэсской Академии можно было встретить астрономов, космографов, картографов, мореплавателей, людсй, способных внести новое в географические знания и искусство мореплавания. Здесь собирали и составляли морские карты, совершенствовали компас, улучшали методы астрономических наблюдений. Отсюда же посылались экспедиции на острова, расположенные в Атлантическом океане, и в сторону Африканского материка.

Португальский принц Генрих Мореплаватель

Предприятие принца оказалось весьма плодотворным для Португалии, которая вскоре стала первой морской державой Запада и самой богатой страной. С именем принца Генриха, прозванного Мореплавателем, связывается начало так называемого Золотого века Португалии. В продолжение этого века мореходы, состоявшие на португальской службе, широко раздвинули тесные рамки средневекового мира. Плеяда моряков и ученых блестяще разрешила, среди прочих великих дел, и вопрос о морском пути в Индию.

Генрих начал с овладения островными группами, раскинутыми в Атлантике. В 1415 году, еще будучи в Марокко, он послал Жуана де Трасто в сторону хорошо известных древним Канарских островов. В 1418 году Гонзальвес Зарко вновь открыл остров Порто Санто. За этим последовало занятие тем же Зарко острова Мадейры. В 1431 году Гонсало Кабраль водрузил португальский флаг почти на всех островах Азорского архипелага.

После законченной в пятнадцать лет островной кампании шкиперы Генриха были посланы в сторону африканского материка. Интересно, как шаг за шагом происходило продвижение португальцев к югу, вдоль западного берега Африки. Первым большим испытанием для португальских каравелл был обход мыса Бохадор, окруженного опасной грядой подводных скал. В те времена еще не отваживались выходить далеко в открытое море. Из боязни затеряться в безбрежном океане плавали только в виду берега. Рифы Бохадора были тяжелым барьером, заставлявшим возвращаться во-свояси многих, полных решимости капитанов. Но в 1434 году Жиль Иннес после трех безуспешных попыток обогнул, наконец, злополучный мыс.

За Бохадором лежал пустынный берег, по которому

были разбросаны поселения негров, живших рыболовством. Негры оказались первым товаром, найденным португальцами на пути в Индию. В 1434 году в Лиссабон была доставлена партия плененных чернокожих, распроданных на невольничьем рынке. Прибыльная операция положила начало мрачной эпохее новой европейской работорговли. Торговля неграми стала в дальнейшем основным источником доходов Португалии. Просвещенный принц Генрих получал пятую часть живого товара.

Трудно было заставить португальских шкиперов двигаться для дальнейших открытий на юг, когда уже известные части побережья открывали возможность легкого и быстрого обогащения. Экспедиции с собаками, дрессированными для ловли негров, возвращались на родину, после недолгого пребывания у африканских берегов, с трюмами, набитыми чернокожими. Однако Генрих Мореплаватель не довольствовался коммерческой выгодой и продолжал снаряжать экспедиции для открытий. В 1436 году Нуньо Тристам достиг мыса Бранко.

По мере движения португальцев к югу, берега Африки выглядели все более пустынными, жара становилась нестерпимой. Казалось, что близки пределы, указанные древними, и что придется подчиниться злой силе испепеляющего тропического солнца. Но португальские суда продвигались все дальше к югу, приближаясь к грозному экватору.

Важным этапом этих плаваний была Золотая Река, которой достиг Антонио Гонзалес в 1441 году. Начиная гвинейский берег, густо заселенный неграми, богатый золотым песком. Гонзалес привез домой обильную добычу. Дорогостоящая затея принца начала оплачиваться сторицей.

Между 1444 и 1446 годами португальские мор-

ские экспедиции следуют одна за другой. Увлеченные удачами, жадные до легкой наживы, авантюристы отплывают с лицензиями принца Генриха. За два года в море ушло тридцать судов. В 1445 году королевский паж Динис Диас, Нуньо Тристам и другие капитаны достигли берегов Сенегала. Динис Диас обогнул Зеленый Мыс, а в следующем 1446 году Альваро Фернандес доплыл до Сьерра Леоне. Это была крайняя точка, достигнутая до 1461 года. Европейцы впервые подошли так близко к полуденной линии.

Африканский берег к югу от Зеленого Мыса словно преобразился. Вместо голых, бесплодных окраин Сахары, оживляемых редкими оазисами, берега затопляла великолепная растительность тропиков. Принц Генрих и его сагрэские помощники получили, наконец, ощутительное доказательство неправильности господствовавших представлений об экваториальной зоне.

Один из участников экспедиции Фернандеса в донесении Генриху не упустил случая поиздеваться над опровергнутыми теориями: «Все это я пишу с соизволения его величества Птолемея, возвещавшего очень хорошие вещи о делении земного шара, но весьма ошибавшегося в одном случае... Под экватором во множестве обитают черные племена, а деревья достигают невероятного роста от того, что именно на юге развивается сила и обилие растительности».

Другой радостной для принца вестью было сообщение о повороте берега за Зеленым Мысом к востоку. Казалось, что португальские капитаны достигли, наконец, места, где кончается Африка. Наконец-то, континент загибался, освобождая проход в Индийский океан. Принца охватила радость — он вплотную подошел к заветной цели.

В 1448 году на португальский престол вступил

Альфонс V. Новый король не отличался большой пытливостью ума и довольно холодно относился к дорогостоящим разведывательным плаваниям. Немалую роль играло и то, что страна была занята освоением земель, открытых в результате предшествовавших экспедиций. Поиски морского пути в Индию на время были оставлены.

Принц Генрих умер в 1460 году, не дожив до триумфа начатого им великого предприятия. Португальцы находились тогда только на половине пути к мысу Доброй Надежды и даже не пересекли еще экватора. Однако дело Генриха Мореплавателя не замерло. Он оставил в наследство соотечественникам свои идеи, научный метод, основанный на логике и опыте, совершенно свободный от догматических пут. Многие десятилетия после его смерти португальское мореплавание продолжало двигаться по намеченным этим выдающимся человеком путям, добываясь все новых богатств и славы для своего отечества.

Слухи о путешествиях португальцев проникли вскоре во многие страны Европы. Чудеса африканских тропиков, приумноженные народной молвой, стали излюбленной темой разговоров на ярмарках, в портовых кабаках. Простой народ дивился рассказам о черных людях, о слонах, о четвероруких обезьянах. Ученые, усумнившиеся в достоверности своих географических познаний, спорили о величине и форме материков, о размерах земного шара.

Люди, причастные к морю, венецианцы и генуэзцы, видя огромные успехи мореплавания в Португалии, устремились в эту страну. Португалия стала для них школой, где можно было приобрести новые обширные познания в мореходном деле. Наряду с итальянцами в Португалию направились фламандцы и немцы.

Жизнь самой Португалии стала биться учащенным

пульсом. Отплытие кораблей в морские путешествия, возвращение их из неведомых стран поднимало на ноги все население Лиссабона, вызывая интерес к путешествиям и страсть к приключениям.

Нравы португальского населения быстро менялись, теряя свою средневековую косность. В португальском обществе смелые капитаны и добившиеся успеха колониальные дельцы стали на равную ногу с благородным дворянством. Знатные лиссабонские дамы, не утруждая себя проверкой родословной, отдавали свое сердце отважным мореплавателям. Рука именитой португальской красавицы нередко доставалась рыцарю самого скромного происхождения, отличившемуся в боях с неграми и привезшему домой богатую добычу.

Колумб в Португалии

Весеннее утро 1474 года. У лиссабонской набережной разгружается только-что прибывший из южной экспедиции парусник. Зеваки, полукругом обступившие команду и грузы, не могут налюбоваться красноперыми попугаями, сваленными в кучу слоновыми бивнями, волосатыми кокосовыми орехами, подбирают и жуют зерна африканской малагетты, сходной с индийским перцем. На минуту внимание толпы привлекают скованные общей цепью негры. Таких еще в Лиссабоне не видели. Они малы ростом, иссиня черны и как-то особенно свирепо скалят сверкающие челюсти. Но вот с борта спускают крепкую клетку. Вцепившись четырьмя конечностями в железные прутья, мохнатая горилла буравит маленькими злыми глазками застывшую в изумлении толпу. При виде глазающих людей оцепенелый мозг плененного животного охватывает приступ ярости. Оно начинает

бешено визжать, сотрясая дребезжащую свою тюрьму. С воплем, под хохот матросов, разлетаются в стороны торговки, мальчишки. Сохраняя свое достоинство, отходят прочь важные горожане.

Проход к команде судна свободен. К группе матросов быстрым шагом приближается рослый, широкогрудый мужчина. Сдержанным, полным достоинства жестом приветствует он капитана. «Откуда прибыли, сеньор капитан?» — спрашивает Колумб, ласково поблескивая голубыми глазами. Моряк готов ответить непрощенному гостю с обычной непосредственностью людей своей профессии. Но что-то останавливает его. Открытое, исполненное молодой энергии лицо, непринужденность и приветливость подошедшего располагают к себе капитана. К тому же ломаные португальские слова, произнесенные на особый певучий лад, выдают в нем земляка.

С улыбкой, на родном языке отвечает капитан Колумбу. Прибыл он из-под самого экватора. Пользуясь полученными в адмиралтействе картами экспедиции Сантарема и Эскобара, повел он судно мимо Зеленого Мыса, Сьерра Леоне и Золотого Берега. Буря прибила его к устью широкой, не нанесенной на карту реки, которую негры называли Конго. Здесь судно едва не погибло. Но когда волнение улеглось и он пристал к берегу, перед ним раскрылись богатства... Капитан выразительно разводит руками.

Глаза Колумба темнеют, завлакиваются мечтой. «Доведется ли мне когда-нибудь побывать у этих берегов?» — срывается у него. Капитану нравится юношеская непосредственность рослого детины. Бывал ли он в плаваниях? Колумб называет средиземноморские порты, левантинские колонии. На лице капитана появляется презрительное выражение. Из'езженную «Латинскую лужу» он не считает хорошей школой для

моряка. Научиться морскому делу можно только на море-океане, на службе у португальцев.

— Все же, — рьяно возражает ему Колумб, — обученные на Средиземноморье итальянские капитаны добились великой славы здесь, в Лиссабоне. С горячностью называет он Мануэля Пецаньо и его двадцать генуэзских капитанов, Бартоломео Перестрелло, Луиджи Кадамосто, Узодимаре, Антонио ди Нолли и многих, многих других. Видно, имена эти тешат патристическое чувство Колумба и наполняют его сердце жаркой верой в счастливое будущее, уготованное для него самого.

Разговор кончается так же внезапно, как и начался. В порыве возбуждения Колумб пожимает руку капитана. «Мое имя — Христофор Колумб, я — бедный генуэзец, недавно прибывший в Лиссабон. Живу здесь тем, что черчу морские карты и продаю книги. Но если вам придется когда-нибудь услышать о человеке, открывшем новые пути в неведомые земли, знайте, что это сделал ваш покорный слуга». И широкими шагами, размахивая загорелыми большими руками, Колумб удаляется от смеющегося, пожимающего плечами соотечественника.

Картограф и книгоноша

Христофор не мог жаловаться на первый период жизни в Лиссабоне. После ткацкого станка работа чертежника заключала в себе много привлекательно-го. Совместно с братом он занялся прибыльным ремеслом копировщика морских карт. Заказчиками братьев были народившиеся в то время колониальные компании, которым Альфонс V передал право торговли в африканских водах. Карты Колумбов были хорошо выполнены. Как говорил впоследствии

Христофор, бог наделил его талантом и ловкостью рук для рисования географических карт и нанесения на них городов, рек, гор, островов и портов.

Брат Христофора Колумба — Бартоломео

Надо сказать, однако, что в этой области больше преуспевал младший брат. Работа выполнялась под его руководством. Бартоломео был в некоторых отношениях сильнее Христофора. Крепко посаженная на плечи, почти квадратная голова Бартоломео была хорошо приспособлена к систематическому труду. В те-

чение долгой совместной жизни младший брат олицетворял холодный расчет и практическую сметку.

Судя по дошедшим до нас портретам, братья принадлежали к разным типам. Бартоломео был молчалив от природы, замкнут в себе. Подобные, не блестящие талантами и личным обаянием люди прокладывают себе путь в жизни лишь упорным трудом.

Христофор не мог подолгу корпеть над чертежами. Он чувствовал, что заложенная в нем, подобно туго закрученной пружине, жизненная сила должна найти себе приложение где-то вовне, в живом общении с людьми, в движении и действии. Он охотно перемещал поэтому черчение карт с другим промыслом — книготорговлей.

Искусство книгопечатания еще только начало распространяться по всей Европе. Печатные книги стали проникать в Португалию из итальянских республик, немецких и фламандских земель, незадолго до прибытия туда Колумбов. Вместе с латинской библией и евангелием появились в продаже печатные труды древних географов — Помпония Мелы, Страбона, Солина, Птолемея. Большой спрос среди мореходов имел астрономический альманах «Эфемериды», составленный Региомонтанусом. Таблицы «Эфемерид», дававшие расчет передвижения солнца и луны среди звезд, помогали определять положение судна в море.

Эти книги облегчили Колумбу доступ в дома моряков, купцов и ученых. С помощью старинных латинских трактатов он завязал многочисленные знакомства. Как и многие другие люди сходного с ним склада, Колумб прекрасно сознавал силу своего обаяния. Располагающая внешность позволяла легко устанавливать первое общение. Но успех довершали внутренние его достоинства. Для каждого он находил обходительный разговор, ласковую улыбку. Он мог часами бес-

седовать с монахами, торговцами. Однако предпочтение отдавал он тем, кто был связан с морем. Он искал общения с лицами, причастными к разведывательным экспедициям. Все, что относилось к плаваниям для открытий, заставляло трепетать в нем самые сокровенные струны, он весь заторался. Эмоциональная

Карта мира Помпония Мелы

напряженность прорывалась в образной темпераментной речи. Это делало его привлекательным собеседником даже для людей, стоящих выше него по своему опыту и знаниям. К тому же он владел искусством втягивать в беседу и оживлять ее неожиданными вопросами.

Счастливым случай привел однажды Колумба в дом знаменитого немецкого астронома и космографа Мар-

тина Бегайма, нюрнбержца, жившего в Лиссабоне в качестве приглашенного королем советника. Бегайм, как и его учитель Региомонтанус, обладал всей суммой географических познаний, накопленных за две тысячи лет древними, христианами и маврами. В Лиссабоне он трудился совместно с королевскими врачами Родриго и Иосифом над усовершенствованием астролябии, служившей мореходам для определения географической широты местонахождения судна.

Колумб предложил астроному новые книги. Бегайм отобрал нужные ему тома, уплатил следуемые деньги, но торговец не уходил. Окинув взглядом комнату, он заметил висевшую на стене карту, на которой нанесены были южные экспедиции португальцев. Указывая на карту, Христофор говорит:

— Со времени экспедиции Жилья Иннеса до плаванья Сантарема протекло тридцать шесть лет. Не считает ли достопочтенный сеньор, что не меньшее количество лет пройдет, прежде чем храбрые португальские моряки доплывут до Индии?

Бегайм вскидывает глаза на торговца.

— Вы, почтеннейший, видно, не знаете этих мест. Вашему вопросу должен предшествовать другой: доплывут ли когда-нибудь? Все зависит от того, какой хвост окажется у этого континента. Если такой, — Бегайм проводит на карте длинную линию Птолемея, соединяющую край Африки с юго-восточной Азией, — то добраться до Индии будет мудрено.

— Но не думает ли достославный сеньор, что великие труды блаженной памяти инфанта Генриха могут пропасть даром? Не следует ли искать другого пути к золотым кровлям Чипанго и к Тысяче Пряных островов, окружающих Катай?

— Мой друг, — смеется Бегайм, — португальская корона на пути к пряностям, благовониям и жемчугу

Востока нашла золото и чернокожих Гвинеи. Есть чем утешиться на случай неудачи. Португалия сейчас богаче, чем когда бы то ни было раньше.

Внимание Колумба сосредоточено на словах Бегайма о возможной окончательной неудаче плавания вокруг Африки.

— О, нет, сеньор, морской путь в Индию существует, я в то непоколебимо верю. Он должен, думается мне, существовать потому, что море омывает земли Индии так же, как и наши страны. Может быть только, что путь этот пролегает не у берегов Африки.

Высказанные с горячностью наивные доводы любознательного книготорговца занимают ученого. Бегайму приходит в голову мысль показать Колумбу географическую шутку, позабавившую многих его учеников и друзей. Он берет своего посетителя под руку и подводит к окну.

— Вы стоите лицом к востоку. Вон там восходит солнце, — показывает Бегайм, — какие страны лежат в этом направлении? Италия, за ней Левант, далеко за ними Китай и, наконец, Чипанго. Присмотритесь хорошенько, не увидите ли вы отсюда серебряные стены и золотые башни Кинся. Теперь подойдемте к противоположному окну, выходящему на запад. Назовите мне страны, какие вы найдете в этом, противоположном направлении.

— В этом направлении, сеньор, я нахожу лишь Азоры.

— Да, а за ними что?

Колумб морщит высокий лоб.

— Остров Брандан, Антиллию или Семь Городов, остров Бразиль...

— Так. А дальше, дальше?

Несколько секунд Колумб неподвижен, словно застыл у окна. Затем он порывисто отходит,

— Чипанго, Катай...

— Затем Левант, — добавляет Бегайм, — потом Италию и, наконец, нас с вами в Лиссабоне.

— Значит, путь на Восток лежит через Море Мрака, сеньор, я уж давно догадывался об этом.

— Мыслимый путь, милейший, только мыслимый. Для каравелл его величества он слишком длинен, — смеется Бегайм.

— Но кто его измерил? Действительно ли расстояние так уж велико?

— Как велика окружность земли? Как далеко вытянута на восток Азия? Какая часть земной окружности приходится на море-океан, который нужно переплыть, прежде чем доберешься до Чипанго? От ответа на эти вопросы зависит и ответ на ваш. Есть фантазеры вроде вашего соотечественника — вы, ведь, итальянец? — флорентинца Паоло Тосканелли, который считает это расстояние небольшим. Я отвергаю эти расчеты, как химерические. Нет, прав был другой ваш земляк, не велевший совать носа на запад от Геркулесовых Столбов. Бегайм отыскивает на столе фолиант Данте и читает:

Достигши узкого пролива,
Где Геркулес поставил свой предел,
Чтоб вдаль никто не простира л порыва... *

Колумб ушел от немецкого астронома в смятении. Путь на Восток лежит через Запад? Бегайм считает это направление невозможным... Кто такой Паоло Тосканелли?

Женитьба

В 1476 году в лиссабонском монастыре Всех Святых находилась на воспитании Фелипа Моньис. Дед

* «Ад», XXVI глава, стихи 107—110.

Фелипы, генуэзский дворянин Бартоломео Палластрелли, переселился в Португалию еще в начале XV века. Здесь он принял имя Перестрелло. В 1425 году, после ряда смелых морских походов, он совместно с Зарко водрузил португальский флаг на острове Порто Санто. В воздаяние за заслуги Генрих Мореплаватель назначил его в 1446 году губернатором острова.

Сын основателя этой португальской фамилии, также носивший имя Бартоломео, наследовал губернаторский пост отца. Он был человеком просвещенным и усердно собирал у себя на острове документы, имевшие отношение к морским делам Португалии. Второй Перестрелло был женат дважды. Дочь от первого его брака вышла замуж за Педро Корреа де Кунхо, третьего губернатора острова.

Вторая жена Бартоломео — Изабелла Моньис после смерти мужа оказалась в стесненном положении. Небольшое имение, унаследованное ее дочерью Фелипой, не могло обеспечить образа жизни, принятого для знатной дамы. Поэтому обе женщины переселились в Лиссабон. Здесь Фелипа, подобно множеству других бедных дворянок, в ожидании жениха была помещена в монастырь.

В те бурные в истории Португалии годы немало было богатых женихов из моряков, составивших состояние на африканских операциях и стремившихся путем брака проникнуть в дворянскую среду. Бедные дворянские девицы охотно вступали в подобные союзы, избавлявшие их от монастыря и сулившие богатую жизнь. Нередки были случаи, когда претендентом выступал человек, еще ничего не добившийся, но «подававший надежды».

Молодая Фелипа больше всего боялась пострижения в монахини. Она ждала избавителя. Когда на мо-

настырские мессы стал приходить златокудрый незнакомец, Фелипа не могла оторвать глаз от его статной фигуры, прекрасного свежего лица, черты которого были исполнены решимости и благородства. При последовавшем знакомстве Христофор вел себя изысканно, обращение его было вежливым и сердечным.

С легкостью, присущей людям, живущим воображением, он рассказал Фелипе о том, как в последнюю войну между Генуей и Венецией был разрушен старинный замок его отцов, как после этого он командовал флотом корсаров. С большим мастерством поведал Колумб своей слушательнице историю своего прибытия в португальскую столицу. Во время морского боя у португальских берегов венецианцами была потоплена его галера. Он чудом спасся лишь потому, что ему удалось уцепиться за плавающее в море весло. На этом обломке его корсарской славы он и приплыл в Лиссабон.

Яркий румянец, поблескивание голубых глаз, сопровождавшие рассказы Кристобая Колома (так он представился своей даме), покорили Фелипу. Вскоре она отдала свою судьбу в руки благородного генуэзского корсара.

Женитьба на Фелипе Моньис глубоко изменила существование Колумба. Он получил доступ в ранее закрытые для него круги лиссабонского общества. Черчение карт и книжная торговля уступили место плаваниям к берегам Африки. При содействии новых влиятельных покровителей стало возможным участие Колумба в колониальной торговле.

Колумб ходил к берегам Гвинеи, торговал африканскими продуктами и черными рабами и накапливал практические знания в морском деле. Это был самый прозаический и, пожалуй, наиболее спокойный период

его жизни. Деловые плавания Колумба не ограничивались Западной Африкой. За эти годы он успел побывать и в Англии и даже в Исландии. Таким образом, Колумб из'ездил все моря, доступные в то время европейцам.

Почему вскоре оборвалась блестяще начатая торговая карьера Колумба? Почувствовал ли генуэзец, что коммерция не является подлинным его призванием и что рамки этой профессии слишком тесны для его бурной натуры? Или мы будем ближе к истине, предположив, что элемент фантазии, внесенный им в торговые операции, привел к печальным последствиям, к долгам, которых он не мог покрыть? Последовавшие в жизни Колумба события подтверждают второе предположение.

Как бы то ни было, в 1478 году мы застаем Колумба с женой на острове Порто Санто, в родовом поместье Моньис. Колумб свободен теперь от забот о хлебе насущном. Он живет на острове на положении гостя и родственника губернатора. Деятельная натура генуэзца не находит здесь привычных для него условий. Порто Санто далек от кипучей жизни Лисабона. Неделями дремлет он под лучами горячего солнца, просыпаясь лишь, когда в порт заходит каравелла, следующая из Португалии в Гвинею или от африканских берегов в метрополию. Жизнь на острове благоприятна для занятий, размышлений, подведения итогов.

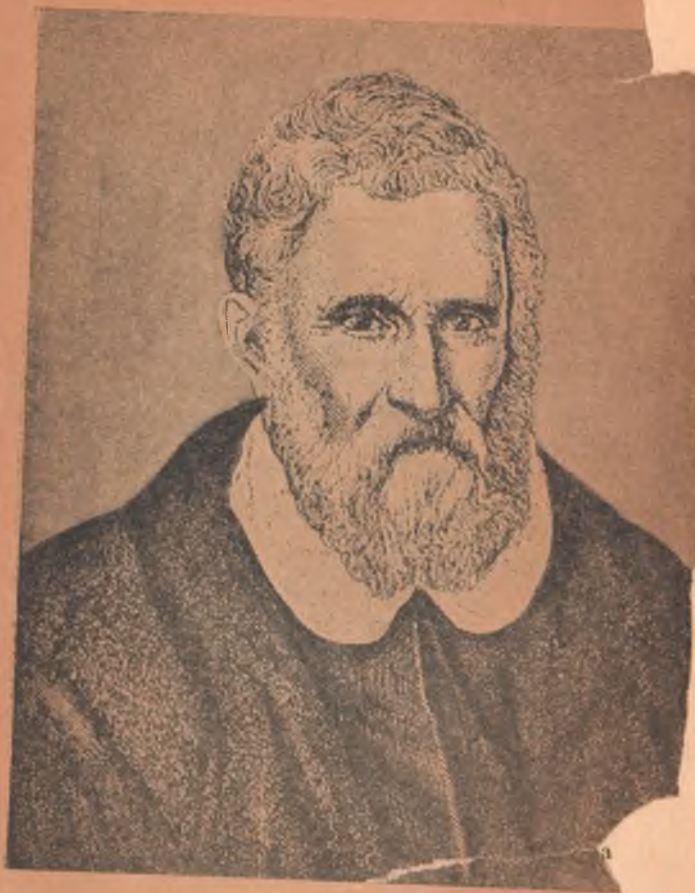
Колумб получил, наконец, возможность в вынужденном покое островной жизни пополнить свои поверхностные знания и произвести ряд решающих наблюдений. Здесь из мелькавших ранее в его голове смутных догадок, неясных, бесформенных мыслей вскоре родится убеждение, которое ляжет в основу всей колумбовой эпопеи.

Давно умерший тесть Христофора оставил на острове богатый архив хроник, карт, записей. Перестрелло собирал показания моряков о плаваниях, наблюдениях в море, необычайных приключениях. Роясь в бумагах Перестрелло, Колумб нашел ответ на многое, что занимало его мысли в эту пору.

Любопытны были многочисленные рассказы моряков об островах, лежащих к западу от Азорского архипелага. Станные это были острова. На них не ступала нога ни одного морехода, но об этих островах в народе ходили самые достоверные рассказы, и географы наносили их на свои карты.

Остров Святого Брандана... Рассказывали, что еще в VI веке ирландский аббат Брандан и три тысячи монахов решили покинуть на парусных судах старую грешную землю и искать праведной земли. Они странствовали в море семь лет, кочуя с острова на остров. Высадились, наконец, на земле, подобной раю, хотя, утверждали знающие люди, на острове Брандана водились и черти. Этот большой, гористый остров многие моряки видели в тихую ясную погоду к западу от Азорских островов. Но всякий раз, как только судно направлялось к Брандану, он постепенно отступал, а при приближении исчезал совершенно, словно играя в прятки с любопытными.

Остров Семи Городов или Антиллия... Средневековые летописи повествовали, что во время завоевания Испании маврами семь епископов, спасаясь от неверных, направились в VIII веке в море с многочисленной своей паствой. Отплыли они на произвол судьбы. Благостный жребий послал им на пути их долгих скитаний по океанским волнам большой остров. Когда высадились на сушу, осторожные епископы сожгли корабли, боясь как бы прихожане не покинули их. С тех пор всякого, кто пристанет к Антиллии, не выпу-

*Венецианец Марко Поло, совершивший в XIII веке путешествие
в Китай*

Известный немецкий астроном и географ на португальской
службе Мартин Бейм

скают, чтобы никто не выдал тайны его местоположения.

Пловучий остров Бразиль... Его видели в разных концах моря-океана. Он уклонялся от посягательств лачных мореплавателей и хранил свои неисчерпаемые богатства, кочуя по морю и сбивая с толку всякого, кто попытался бы высадиться на его берег.

Острова Брандан, Бразиль и Антилия нанесены были на средневековые географические карты в тех местах Моря Мрака, где древние географы помещали лишь косматые головы зеленоглазых медуз и горгон, красноречиво говорившие о совершенной недоступности открытого океана для мореходов. Древний философ Сенека описывал эти запретные для моряков широты в красочных выражениях: «Там тихое море, словно бесконечная неподвижная громада. Перед глазами расстилается туман, и день заменяется сумраком. Там не видно звезд, кроме нескольких неизвестных». Другой римлянин — Тест Авиенус видит океан в не менее мрачных красках: «Вследствие безветрия на море никакое дуновение воздуха не способствует движению корабля, так что облака образуют смерчи, а пары облакают небо какою-то мглою, и мрак остается на целый туманный день».

Арабы унаследовали от древних страх перед Морем Мрака. Массуди рассказывал, что «на рубеже, где соединяются два моря, Средиземное и Океан, двурогим Искандером воздвигнуты медные и каменные столбы. На этих столбах нанесены надписи и изображения, указывающие руками, что идти дальше нельзя».

Из опыта своих плаваний по океану Колумб знал, что ветры надувают здесь паруса, а звезды помогают моряку прокладывать свой путь так же, как и в Средиземном море. Он понимал, что опасения древних и арабов перед океаном были подобны страху детей пе-

ред темной комнатой. И все же и у Колумба сжималось сердце, когда он представлял себе огромную пустоту неизведанных морских просторов, лежащих на запад от Азорских островов. Что, если корабль, отважившийся плыть прямо на запад, не встретит на своем пути ни Брандана, ни Бразилия, ни Антилии? Плывя все время на запад, он должен в конце концов достигнуть Чипанго. Если же он не встретит и этого острова, то, безусловно, натолкнется на Китай. Колумб хорошо помнил слова Бегайма — все дело в расстоянии. Каково же оно?

Генуэзец стал искать ответа на этот вопрос прежде всего в пергаментном латинском списке Птолемея, найденном в библиотеке Перестрелло. Он с головой ушел в расчеты древних географов. Согласно Птолемею, из 360 градусов или 24 часов полной земной окружности на долю известного древним населенного мира от Счастливых (Канарских) островов до столицы Сины (Катая) приходится 177 градусов или несколько менее 12 часов. Марин Тирский, мнение которого Птолемей оспаривал, определял это расстояние даже в 225 географических градусов долготы или в 15 часов.

Таким образом, Колумб узнал от Птолемея, что на море-океан от Канарского архипелага до Катая придется, по расчетам великого географа, 183 градуса долготы или несколько более 12 астрономических часов, а по мнению популярного в средние века Марина Тирского — 135 градусов или только 9 часов. Однако неизведанная часть этого пути стала к XV веку значительно короче, так как со времени Птолемея и Марина Тирского были открыты новые земли, раздвигавшие границы обитаемого мира древних. Начало пути отодвигалось на запад, до неизвестного древним Азорского архипелага, укорачиваясь с этого

конца на один астрономический час. Конец страшной дороги по неизвестному морю также срезался, так как плывущему достаточно было добраться до острова Чипанго, о котором так красноречиво рассказал средневековой Европе Марко Поло.

От Чипанго начинался обитаемый Восток. Добравшиеся до этого острова мореплаватели оставят позади себя все тяготы и страхи открытого пустынного океана. А Чипанго отстоит к востоку от азиатского материка, иначе говоря — ближе к европейским берегам — почти на два астрономических часа.

Вся задача, следовательно, сводилась к пересечению морского пространства от Азорского архипелага до Чипанго. Если исходить из выкладок Птолемея, этот путь, считая в долях земной окружности, должен равняться примерно 140 градусам или 9 с половиной астрономическим часам, то есть несколько более одной трети всей окружности земли. По Марину Тирскому, он будет значительно меньше — около 90 градусов или 6 часов, иначе говоря — равен одной четверти земной окружности.

Нам, в свете современной науки, нетрудно понять причину великого заблуждения географов древности. Птолемей и Марин Тирский имели о Восточной Азии совершенно недостаточные сведения. Описания этого края земли, передаваясь из уст в уста, доходили до греческих географов в чрезвычайно искаженном виде. Эти сведения и легли в основу Птолемеевой легенды о бесконечных необитаемых болотах восточного края Азии. Птолемей и Марин Тирский представляли себе Азию чрезмерно вытянутой на восток. На земном шаре, каким его представлял себе Марин Тирский, восточный край Азии лежал на том месте, где в действительности находится Калифорния. Огромные про-

Корабли конца XV века. Со старинного рисунка

странства, занимаемые Тихим океаном, перекрывались воображаемой заболоченной оконечностью Азии.

Марин Тирский и особенно Птолемей были для ученых средневековья непререкаемыми авторитетами. Только нерушимостью их авторитета можно объяснить слепое доверие к ним даже после путешествия Марко Поло, подробно рассказавшего Европе о Восточной Азии. Никаких болот Поло там не нашел. Он видел богатые области, прилегающие к морю, рассказал о Чипанго, о Тысяче Пряных островов, опоясывающих восточное побережье Азии. Все это должно было разрушить Птолемею географию в части, касающейся протяженности Азии. Однако в колумбов век опытная критическая мысль находилась еще в пленках. Одиночки, поднимавшиеся до критического разбора астрономических и географических воззрений Птолемея, нередко попадали, подобно Копернику, на костры католической церкви.

Вернемся, однако, к занятиям Колумба на острове Порто Санто. После расчета длины западного пути в Индию * в относительных величинах, выраженных в частях земной окружности, естественно было обратиться к установлению абсолютного размера этого пути, то есть его протяжения в стадиях, лигах, милях. Перевод относительных величин (градусов и астрономических часов) в абсолютные зависел от определения объема земли и связанного с ним одного градуса окружности. Если прав был Марин Тирский и путь от Азор до Чипанго не превышает одной четверти земной окружности, то абсолютная длина этого пути

* Индией во времена Колумба назывался не только известный нам под этим именем полуостров, но и все земли Восточной и Юго-Восточной Азии. Китай, Япония, Индокитай, Малайский архипелаг так же, как и Индостан, носили это общее наименование.

могла сильно колебаться в зависимости от того, сколько миль заключается в одном градусе земной окружности.

Долгота градуса по экватору получала у древних и арабских ученых самые различные определения. Поразительно близко к действительному размеру градуса подошел Эратосфен. Его градус был всего на одну двенадцатую больше действительного. Но через сто лет после Эратосфена этим вопросом занимался Посидоний Родосский. Найденная им величина градуса сократилась до четырех пятых его настоящего размера. Последовавшие многочисленные измерения давали очень несходные результаты.

Поиски в писаниях древних, сложные расчеты, основанные на выкладках греческих географов, не могли дать Колумбу достаточно вразумительного ответа на мучивший его вопрос о расстоянии до Чипанго. Вины в этом были не только древние авторитеты, но и его собственная недостаточная подготовленность. Многие для Колумба оставались непонятным из-за сложности аргументации греческих авторов.

Но вскоре он набрел на руководство, доступное для его уровня подготовки и знаний. Это была книга «Картина Мира» (Imago Mundi), сочинение епископа Пьера д'Альи (по-латыни — Алиакус) из города Камбрэ, написанная в 1410 году. Колумбу казалось, что Алиакус собрал воедино все необходимые ему сведения о мире. Автор «Картины Мира» не обладал в действительности никакими научными достоинствами, был очень посредственным и к тому же слабо осведомленным компилятором, не знавшим даже таких сочинений, как повествование о путешествии Марко Поло.

Алиакус умудрился в одном томе объединить теологию, мироздание, историю и многое другое. Но тако-

го рода сочинение и искал Колумб. При помощи его он познакомился с Аристотелем, Страбоном, Сенекой, а также с основными воззрениями Роджера Бэкона. К сожалению, космографические знания епископа были ничтожны. Он следовал во всем за Бэконом, но нередко искажал не только его мысли, но даже цитаты из него.

Алиакус стал основным источником познаний Колумба. В полном соответствии с его представлениями сформировал для себя Колумб картину мира. Особую роль сыграла седьмая глава этой книги, посвященная географическим вопросам. Здесь Колумб нашел собрание мнений всех известных Алиакусу авторитетов, утверждавших, что море между Испанией и восточной окраиной Индии невелико. Епископ ссылается на Аристотеля, заявлявшего, что протяжение земного шара между Индией и Геркулесовыми Столбами незначительно. Ссылку на Аристотеля Алиакус сопровождал замечанием, что пространство между Испанией и восточной окраиной Азии может быть пройдено при попутном ветре в несколько дней. Тут же приводилась выдержка из апокрифической книги пророка Эздры о том, что материк земного шара вшестеро обширнее морей. Понятно, как должны были подействовать на Колумба все эти писания Алиакуса. Он был глубоко потрясен приводимыми этим автором стихами из трагедии «Медея» Сенеки. Древний автор вложил в уста хора такие слова:

«Придет в будущем время, когда океан развяжет связующие нас узы, когда будет открыта громадная земля, Фетида откроет новые миры, и Крайняя Фула перестанет быть самой отдаленной страной».

Эти стихи, которые и современному человеку трудно читать без волнения — настолько удивляют они силой поэтической интуиции, — Колумб воспринял

как пророческое предсказание, непосредственно к нему относящееся. Сочинение Алиакуса сделалось неразлучным спутником жизни Колумба. До нас дошел принадлежащий генуэзцу том «Картины Мира», весь испещренный его надписями. В большинстве случаев, это заметки на полях, связывающие слова автора с событиями из жизни владельца книги.

Занятия Колумба на Порто Санто не ограничивались чтением древних и средневековых авторитетов. Он вскоре обратился к окружающей его жизни, ища в ней фактов, которые могли бы пролить свет на тайну западной части океана. Он расспрашивал матросов, бывавших на острове, знакомился с показаниями, которые давали властям Порто Санто экипажи судов, занесенных бурями в глубь океана.

Рассказы моряков во многом, казалось, подтверждали мнения географов — сторонников близости индийского берега к Европе. Капитан Мартин Висенте рассказал Колумбу, как однажды он выловил в 450 милях к западу от Лиссабона кусок дерева, покрытый искусной резьбой, нанесенной без помощи железного инструмента. Висенте полагал, что дерево было пригнано западными ветрами с каких-то неведомых островов, лежащих на крайнем западе.

От своего зятя Корреа Колумб узнал, что украшенное такой же резьбой бревно было выброшено на берег Порто Санто. А однажды на берегу нашли тростник необычайной величины. Полости между его сочленениями были так велики, что в каждую из них можно было влить по три меры вина. Колумб из опыта своих плаваний знал, что подобный тростник не произрастает ни в Африке, ни на португальских островах. Естественно было предположить, что дикорастущее растение пригнало течениями и ветром с противоположного берега океана.

Поселенцы с Азорского архипелага рассказывали, что к их островам западными ветрами прибывало огромные сосны. Прибрежный песок на островах Грасиоса и Файал был усеян этими деревьями, чуждыми растительному царству архипелага. Особенно заинтересовал Колумба рассказ жителей острова Флорес о лодке, выброшенной однажды на их берег. В лодке оказались трупы двух темнокожих широкоскулых людей совершенно незнакомой расы.

Колумб тщательно подбирал все эти факты. Он сопоставлял их с указаниями старых авторов. У Птолемея он нашел описание тростника огромных размеров, растущего в Индии, а выловленные у Азорских островов человеческие останки походили на скуластых и желтолицых обитателей Китая, о которых он читал у Марко Поло.

Собранные гемуэзем показания моряков укрепили его в убеждении о возможности достижения восточных земель западным морским путем. Тростник, сосны, человеческие останки говорили Колумбу красноречивым языком фактов. Они служили надежным доказательством того, что Азорские острова не являются пределом мира, что за ними лежат земли, ожидающие отважного мореплавателя. Правда, добытые сведения не давали указаний ни на расстояние, ни на сколько-нибудь определенное направление, в котором следует плыть к этим землям.

После некоторого колебания Колумб разрешил спорный вопрос о расстоянии произвольно: он исходил из расчетов Марина Тирского, отвергнув менее благоприятные выкладки Птолемея, и считал, что от Азорских островов до Чипанго надо обогнуть дугу не больше четверти земной окружности. На широте Лиссабона эта дуга не должна превышать расстояния,

какое можно проплыть на хорошей португальской каравелле.

Все доводы Колумба укладывались, таким образом, в довольно стройную систему доказательств в пользу существования западного пути. Колумб разделил свои аргументы на три группы:

естественные обоснования, покоившиеся на учении
о шаровидной форме земли,
авторитет писателей,
показания моряков.

Самым слабым звеном в этой цепи была ссылка на авторитеты. Их мнения по важнейшему вопросу о длине пути были, как мы уже видели, разноречивы.

Нашел ли Колумб какие-либо неизвестные его современникам факты, внес ли он что-нибудь новое в космографические теории? Нет, Колумб не нашел и не внес ничего нового. Все научные положения, легшие в основу его плана, были широко известны образованным людям того времени так же, как и отмеченные им явления из жизни океана. Более того, ученым нетрудно было обнаружить слабость всего построения генуэзца, произвольно выбравшего из расходящихся между собой подсчетов древних авторов благоприятный для его идеи вариант. Чтобы отвергнуть теоретические основы проекта, скептикам не нужно было оспаривать расчеты Марина Тирского. Достаточно было сопоставить их с выкладками других авторитетов. Уже одно подобное сопоставление ставило под сомнение утверждение о близком соседстве восточной Азии к западным берегам Европы.

Если бы Колумб был склонен к кропотливым поискам научной истины, он, вероятно, отошел бы от своей идеи во время занятий на острове Порто Санто. Из знакомства с географической литературой греков он должен был бы вывести логически пра-

вильное заключение, к которому до него приходили многие, что возможность западного морского пути из Европы в Азию сомнительна, так как длина его не поддается бесспорному определению.

Но Колумб ни в чем не походил на бесстрастного ученого.

В книгах он жадно искал только подтверждения своей, уже сформировавшейся идее. Все внимание он сосредоточил на тех высказываниях авторитетов, которые, как ему казалось, подтверждали его устремление к намеченной цели, как бы подводили фундамент под его планы.

Закончим, однако, рассмотрение плана Колумба со стороны его научной ценности. Мы отдали изрядную дань излюбленной теме многих биографов генуэзца, подробно и очень убедительно доказывающих теоретическую несостоятельность его проекта. Однако перенесение центра внимания на научные основы замысла генуэзца может сильно исказить историческую перспективу. Нельзя упускать из виду, что наука в XV веке сильно отставала от бурного экономического роста западноевропейских стран.

Средневековая наука о земле была совершенно неподготовлена к разрешению огромных задач того времени, возникших из необходимости расширения территориальных границ хозяйственной деятельности. Открытие африканских земель в южном направлении основывалось, как мы видели, на движении опытным путем, ощупью и на опровержении господствовавших космографических учений.

Открытие американского материка также могло быть или делом случая, или же предприятием человека, который, пренебрегая ложными средневековыми представлениями о земле, отправился бы на поиски в

атлантических просторах золотых крыш буддийских храмов Японии.

Можно прямо сказать, что дело жизни Колумба мало выиграло бы, если бы он обладал всей суммой премудрости средневековых начетчиков. Можно даже допустить, что живой, наблюдательный ум его и так часто помогавшее ему богатое воображение заглохли бы под тяжелым спудом ложной церковной эрудиции. Допустим, что вместо компиляции епископа д'Альи Колумб усвоил бы на скамье какого-нибудь итальянского университета творения блаженного Августина, св. Исидора, Авероэса, Аристотеля и других властителей дум средневековья. Едва ли эти столпы тогдашней науки могли бы чем-либо помочь ему в разрешении огромной задачи, за которую он взялся.

Колумб на Порто Санто заканчивал создание проекта западного плавания. Когда он подобрал все доступные книжные истины и факты, сомнения окончательно покинули его. Они сменились убежденностью, чуждой всяких колебаний. Колумб уверовал в свой план. Он стал для него реальностью, неопровержимой истиной.

Теперь, вглядываясь в морскую даль, Колумб мог дать волю своим мечтам. Он уже видел каравеллы, плывущие под его командой к золоту, слоновой кости, пряностям. Надо только суметь убедить короля снарядить экспедицию. Но при этом следует действовать осторожно, чтобы никому не выдать своего плана. Ведь идеей легко может воспользоваться какой-нибудь из лиссабонских капитанов. К счастью, португальское адмиралтейство упорно снаряжает одну за другой экспедиции в обход Африки. Пусть их ищут в этом направлении! Ему одному достанется великая честь решения вековой задачи иным, смелым, гени-

ально простым способом. Не только великая честь, но и огромные выгоды. Он испытал на своем веку слишком много невзгод и унижений от бедности. Он не отдаст другим барышей от задуманного им дела.

Но ему нужны не только богатства, он страстно желает также высокого положения в португальском обществе. В Лиссабоне не будет ни одного кичливого дворянина, который не счел бы за честь для себя быть принятым во дворце Христовала Коломо, великого мореплавателя. Генуэзцам Пецаньо принадлежит наследственный титул адмиралов Португалии. Что ж, для себя он потребует титула... адмирала океана. Адмирала океана и вице-короля индийских земель!

На разыгравшееся воображение Колумба время от времени изливаются холодные потоки сомнений и страха. Он ведь не может предпринять плавание на запад без помощи короля. Как убедить Альфонса V, равнодушного к поискам новых земель, направить подобную экспедицию? Может быть, следует найти богатого купца, который согласился бы на компанейских основаниях снарядить несколько судов под его, Колумба, командой? Но тогда придется отказаться от надежд на титулы, да и барыши в подобном предприятии ненадежны.

Колумба немало беспокоила возможность осуществления западного плавания кем-либо из капитанов разведывательных плаваний. Идея, которую Колумб считал своею, могла притти в голову какому-нибудь моряку, состоявшему на португальской службе, или одному из космографов короля. Тогда всем его трудам придет бесславный конец. Надо было торопиться, добиться благосклонности двора, форсировать осуществление замысла. Для этого следовало поскорее вернуться в Лиссабон.

Переписка с Тосканелли

К концу 1479 года Колумб с женой и годовалым сыном Диего переселился в португальскую столицу. Колумб снова принялся за торговые дела. Однако торговля стала для Колумба тяжелой обузой. Его повсюду преследовали старые кредиторы, росли новые долги. Он вынужден был мириться со своим положением торговца — впредь до западного плавания, которое он рассчитывал осуществить в ближайшее время.

Один из друзей Колумба — Лоренцо Джирарди, итальянский негодант, живший в те годы в Лиссабоне, как-то рассказал ему о беседе, которую он вел несколько лет назад во Флоренции с знаменитым флорентинским космографом Паоло Тосканелли. Этот ученый говорил Джирарди о своей переписке с португальским двором, о том, что он переслал Альфонсу V карту разработанного им проекта западного пути в Индию, сопровождаемую подробными указаниями.

По словам Джирарди, Тосканелли не только знал о возможности западного пути, но и настойчиво рекомендовал его португальскому королю. Но король не воспользовался советами Тосканелли.

Имя Тосканелли Колумб слышал не в первый раз. Об этом ученом упоминал и Бегайм. Колумб решил написать Тосканелли и выведать у просвещенного земляка его проект. В 1480 году через посредство Джирарди он направил Тосканелли письмо, прося флорентинца высказаться по поводу пути, которым надлежит следовать, чтобы добраться до стран, откуда происходят пряности. При этом Колумб прибег к наивной мистификации, письменно представившись Тосканелли в качестве португальского моряка.

Паоло даль Поццо Тосканелли был типичным ученым эпохи Возрождения, отдававшим силы самым

разнообразным отраслям знания. В молодости он занимался медициной и естествознанием. Затем под влиянием увлечения мореплаванием он посвятил себя астрономии, космографии, географическим вопросам. Восемьдесят три года было флорентинскому ученому, когда он получил письмо от Колумба. Уже не одно десятилетие занимался он изучением возможностей западного пути в Азию. Он был горячим сторонником этого «наиболее короткого направления» и без устали доказывал его преимущества перед путем, который прокладывали вокруг Африки ученики принца Генриха.

Тосканелли был первым европейским географом, начертившим карту Атлантического океана. Западным берегом океана служила Азия. Для составления своей карты Тосканелли воспользовался расчетами Марина Тирского и рассказами Марко Поло. Карта Тосканелли с полной наглядностью «доказывала» преимущества западного пути в Индию. Флорентинец должен поэтому по праву почитаться духовным отцом проекта западного плавания.

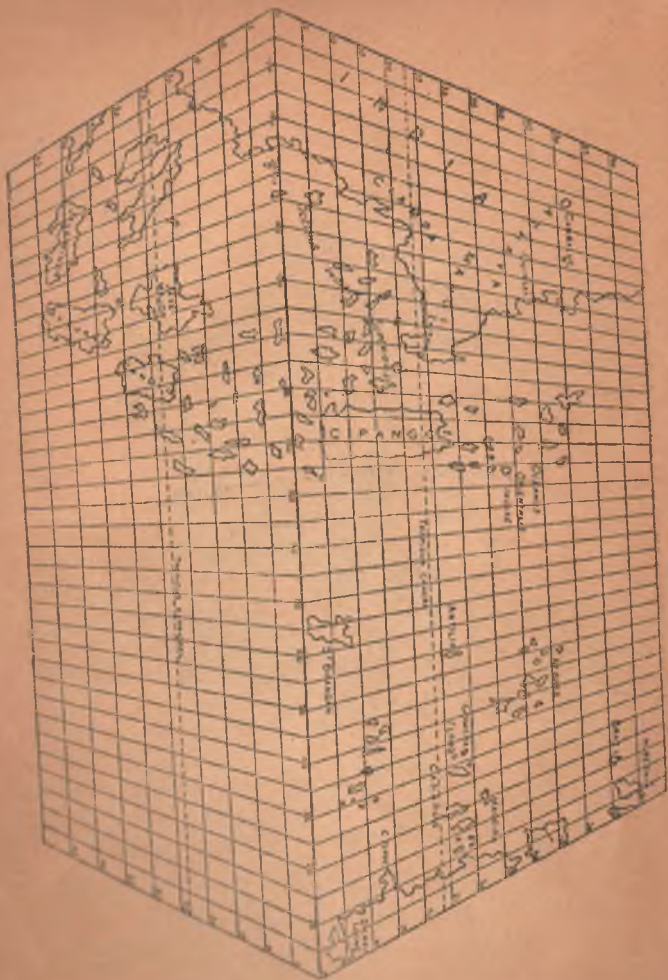
Старый ученый с большой готовностью поделился с Колумбом всеми своими познаниями.

С письмом Тосканелли интересно познакомиться, так как оно сыграло исключительную роль в дальнейшем поведении Колумба. Написанный по-латыни, ответ Тосканелли гласил:

«Павел медик Христовалу Коломо, привет. Получил известие о твоём благородном желании отправиться туда, где растут пряности. В ответ на твоё письмо посылаю копию с другого письма, написанного уже давно моему другу, придворному короля португальского, в ответ на его запрос, писанный ко мне по приказу его величества. Отправляю тебе также мореходную карту, подобную посланной ему. В ней ты

Флорентинский географ и астроном Паоль Даль
Поццо Тосканелли

Предположительный вид карты, посланной Тосканцами
Христофору Колумбу

найдешь ответ на твои вопросы. При сем копия упомянутого мною письма».

Письмо к канонику Мартинсу, приложенное в копии вместе с картой, датировано 25 июня 1474 года и составлено в следующих выражениях:

«Павел медик Фернамо Мартинсу, канонику в Лиссабоне, привет. Я с удовольствием узнал, что ты находишься в милости у твоего короля. Я уже не раз говорил о кратчайшем пути отсюда в Индию, в страны, где растут пряности. Этот путь короче того, каким вы следуете мимо Гвинеи. Но ты сообщил мне, что его величество желает получить от меня раз'яснения, а также наглядное изображение этой дороги.

Хотя я и считаю, что лучше всего было бы показать ее на глобусе, но ради упрощения дела и лучшего понимания я изобразил ее на плоской карте, похожей на обычную морскую карту. Подобную карту я и посылаю его величеству. На ней изображен весь запад обитаемого мира от Ирландии до Гвинеи и почти все острова, лежащие на этом пути. Прямо на запад от них нанесены окраины Индии с островами и местностями, куда вы можете проследовать в направлении экватора. На карте указано также в милях, как велико расстояние до этих мест, которые изобилуют пряностями, драгоценными камнями и золотом.

Не удивляйся тому, что я называю западом страны, откуда происходят пряности, тогда как обычно их называют востоком. Тот, кто будет плыть все время на запад, доберется до этих стран в западном направлении, а тот, кто по суше направится на восток, достигнет тех же земель на востоке. Нанесенные на карту отвесные продольные линии показывают расстояние с востока на запад, другие же линии, изображенные горизонтально, идущие поперек карты, показывают протяжение с юга на север. Я изобразил также

большое количество местностей в Индии, куда мореплаватели могут попасть помимо их воли в случае, если разразится буря, или при противных ветрах. Помимо этого я считал нужным, чтобы плывущие хорошо изучили все индийские территории.

Знайте, что на всех островах, окружающих Индию, живут одни лишь торговцы. Говорят, что там можно встретить столько судов, матросов, купцов и товаров, сколько не найдешь во всем остальном мире. Среди портов славится там Зайтон. В нем ежегодно грузится перцем сто больших судов, не говоря уже о множестве других судов, везущих иные пряности. Все области там густо заселены. Многие провинции, королевства и бесчисленные города находятся под властью Великого Хана. На нашем языке это равносильно титулу Царя Царей.

Великий Хан пребывает, главным образом, в провинции Катай. Его предшественники усиленно стремились завязать отношения с христианами. Двести лет тому назад они послали к папе посла с просьбой направить к ним ученых и мудрых людей, чтобы обучили их нашей вере. Посланные к ним люди не добрались до цели своего путешествия из-за множества затруднений в пути. К папе Евгению также прибыл посол от Великого Хана. Он поведал папе о большой благосклонности к христианам. Я много беседовал с этим человеком о различных вещах, о величине ханских дворцов, о размере их рек, об их исключительном протяжении и ширине, о большом числе городов, лежащих по берегам этих рек. Только на одной из них находится двести городов с мраморными, украшенными колоннами, очень длинными и широкими мостами.

Эта страна заслуживает посещения больше, чем всякая другая. Там можно не только получить боль-

ние прибыли и закупить множество товаров, но можно найти в неведомом для наших краев изобилии золота, серебро, благородные камни и всевозможные пряности. Управляют этой страной и руководят ее военными действиями мудрецы и ученые, философы и астрологи и другие люди, искушенные во всех искусствах.

От города Лиссабона прямо на запад на карту нанесено 26 делений (каждое из которых равно 250 милям, что составляет в общей сумме около одной трети земной окружности) до великого и блестящего города Кинсая, имеющего в охвате 100 миль или 25 лиг. В Кинсае имеется 10 мраморных мостов. Имя этого города на нашем языке означает: «Небесный город». Много удивительных вещей рассказывают о нем, о большом искусстве его ремесленников и об огромных доходах их. Город находится в провинции Манги, по соседству с Катаем, где проживает Хан.

От острова Антилии, называемого вами островом Семи Городов и который вы хорошо знаете, до славного острова Чипанго расстояние равно 10 делениям или 2 500 милям. Этот остров изобилует золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Храмы и королевские дворцы Чипанго крыты чистым золотом.

Часть моря, которую нужно проплыть по неизвестному пути, незначительна. Многое еще мог бы я сообщить, но так как я уже изустно говорил с тобой обо всем этом и ты хорошо посвящен в подробности, то не стану задерживаться на них. Надеюсь, что и сообщенное мною тебя удовлетворит. Всякий, кто надлежащим образом рассмотрит сказанное мной, будет в состоянии сам разработать все остальное. Помимо того, я отдаю себя в любое время в распоряжение его величества».

Почему план Тосканелли был сдан в архив порту-

гальского адмиралтейства, а вскоре и вовсе забыть? Почему, несмотря на высокий авторитет флорентинского космографа, это послание не произвело должного впечатления на ученых советников короля? Ответ может быть только один. При ознакомлении с проектом Тосканелли у искушенных в вопросах географии помощников Альфонса V возникло сомнение в определении размеров пути до Индии.

Тосканелли клал в основу своих построений оценку протяжения обитаемого мира (Европа—Азия) в 225 градусов долготы, данные Марином Тирским, тогда как подсчеты Птолемея определяли эту протяженность только в 177 градусов. Вся конструкция была, таким образом, построена на произвольном допущении и не могла поэтому быть использована для столь рискованного предприятия, как плавание в глубь океана. Трезвых португальцев не могли соблазнить даже красочные картины восточных богатств, наивно списанные восторженным ученым у Марко Поло. Они предпочитали идти к чудесам Востока прежним, более надежным путем.

Совсем иное впечатление произвели письмо и карта Тосканелли на Колумба. С огромной радостью и удовлетворением увидел он в них подтверждение своим идеям. Послание Тосканелли содержало и нечто большее. Карта флорентинца восполняла наименее разработанную часть колумбова проекта, давала ответ на вопросы, которые он бессилен был разрешить—о точном направлении, в котором следует плыть, чтобы достигнуть вожаделенных стран Востока, и о расстоянии до каждой из них.

Но и после переписки с Тосканелли планы Колумба были далеки от осуществления. Со времени переписки Тосканелли с португальским королем прошло шесть лет. Несомненно, что советы и указания космо-

графа были отвергнуты. Колумб был бессилен разгадать причину этого. Он решил, однако, держать в тайне свою переписку с Тосканелли. Интересно, что Колумб ни разу не упоминал его имени, хотя карта флорентинца могла быть сильнейшим аргументом для доказательства ученым помощникам короля правильности и реальности его плана.

Колумбов проект перед судом португальцев

После смерти Альфонса V в 1481 году на португальский престол вступил его сын Жоаньо II. Бесконечные войны с Кастилией, истощавшие государственную казну, к этому времени сменились длительным миром. Обогащаемая доходами от африканской торговли, страна процветала. После освоения ранее захваченных земель интерес португальской торговой буржуазии к дальнейшим географическим открытиям возрос. Жоаньо II был горячим сторонником продолжения морских предприятий Генриха Мореплавателя. Он часто созывал свой ученый совет, обсуждал проекты снаряжения новых экспедиций.

Колумб стал добиваться возможности лично изложить королю свой план. Хотя Жоаньо II проявлял живой интерес ко всяким проектам экспедиций, он все же долго не принимал Колумба. Объяснялось это тем, что Португалия в ту пору располагала уже значительным числом отличных моряков. Патенты на экспедиции в разных направлениях в большом количестве раздавались португальским морякам. Поэтому король отнесся с некоторой предвзятой холодностью к домогательствам чужестранца. Только после долгих хлопот и содействия покровителей генуэзец в 1483 году предстал перед Жоаньо.

Долго и горячо излагал Колумб свой, годами выношенный план перед государем, от решения которого зависело претворение его замыслов в жизнь. Жоаньо пропускал мимо ушей большую часть доводов генуэзца. Он приглядывался к его могучей фигуре, широким жестам, оценивая стоящего перед ним человека. Стремительный поток колумбовой аргументации изобличал твердую убежденность. Этот чужестранец, может быть, заблуждается насчет близости восточных берегов Индии, но, если предоставить ему несколько каравелл, он не отступит перед ожидающими его опасностями, пойдет до конца. Жоаньо заинтересовался Колумбом не в меньшей мере, чем его планом. Он милостиво отпустил генуэзца, обещав ему передать проект на рассмотрение совета.

Учеными советниками короля были епископ сеутский Касадила, придворные врачи Родриго и Иосиф, а также Бегайм. Колумб знал только Бегайма. Но Бегайм отсутствовал на совещании советников. Колумб говорил перед епископом и двумя врачами, искушенными во всех тонкостях мореплавания и космографии. Впервые приходилось ему подвергать свой план проверке столь сведущих людей. Колумб начал с изложения цели своего предполагаемого путешествия, стал рассказывать о богатствах Востока, об изобилии пряностей на островах, окружающих Индию. Епископ суэтический перебил его, прося не задерживаться на подробностях, известных присутствующим из описаний Марко Поло. Какими доказательствами располагает он в пользу достижимости этих стран для португальских парусных судов? Последующие объяснения Колумба не могли удовлетворить его строгих судей. Колумб был сбит с толку и смущен.

Один из врачей спросил его, во сколько миль он оценивает долготу градуса. Колумб, желавший до-

биться положительного заключения советников, не подумав, ответил, что во время плавания к берегам Гвинеи он имел возможность исчислить ее в 56 и две трети лиги. Эти слова генуэзца вызвали общий смех. Касадила саркастически поздравил Колумба с невиданным успехом — во время кратковременного морского переезда он произвел измерения, стоившие многолетних трудов грекам и арабам.

Опрометчивый ответ генуэзца дал повод скептически настроенным советникам прекратить обсуждение проекта.

На королевском совете все советники высказались против плана Колумба. Касадила перевел прения на рассмотрение мероприятий, необходимых для ускорения начатых исследований вдоль западных берегов Африки. Епископ считал это более разумным делом, чем пускаться в неизвестном направлении, что, как он думал, могло привести лишь к дроблению сил и к излишнему расходованию средств казны. Восторженность Колумба и его уверенность в том, что он открывает новый путь в Индию, не внушала, по мнению Касадила, никакого доверия. Итальянец не смог привести более убедительных доводов, чем изложенные в свое время Паоло Тосканелли.

Король должен был сообщить сокрушенному просителю об отрицательном отношении советников к представленному им проекту. Но Колумб решил испытать еще одно средство воздействия на короля.

— Ваше величество, — сказал генуэзец, отвечивая поклоны и пятясь, по установленному церемониалу, к дверям, — я не могу судить о причине неодобрения моего предложения. Видимо, господь закрыл глаза и заткнул уши вашим советникам. Они не видят прямых выгод их короля. Я, однако, не склонен отказаться от задуманного мною. Знаю, что найду более бла-

госклонных слушателей при иностранных дворах. Мне все же тяжело думать, что выгоды от великого дела овладения землями Индии достанутся королю Франции либо Англии, или, может быть, Кастилии, а не вашему величеству и королевству, к которому я привязался всем сердцем, где прожил много лет, женился и имею детей.

Жоаньо, между тем, быстро взвесил доводы и принял решение. Положительно было бы ошибкой не воспользоваться предложением этого итальянца. Можно снарядить под его командой несколько судов для испытания на деле правильности его проекта. Затраты будут невелики. Некоторая возможность успеха имеется у любого, самого смелого проекта. Не следует упускать возможности, тем более, что этот Коломо не успокоится, не попытает счастья при других европейских дворах.

— Сеньор Коломо, решение наших советников мы оставим в стороне. Мы готовы снарядить под вашим командованием небольшую экспедицию для проверки на опыте ваших теорий. Каковы ваши условия?

Неожиданный поворот событий поставил Колумба у порога осуществления его чаяний. Если бы генуэзец потребовал у Жоаньо не больше того, что выговаривали в своих контрактах с португальским адмиралтейством многие капитаны разведывательных плаваний, он уже в 1484 году осуществил бы, вероятно, задуманный им проект.

Но Колумб знал, что его дело превосходит по значению все, что делалось современными ему мореплавателями. Он стремился поэтому оговорить достойную его замысла награду.

— Ваше величество, я требую пожизненного, а для моих детей на вечные времена, титула адмирала всех

островов и земель, которые будут мною открыты, с почестями и правами, присвоенными верховному адмиралу. Я требую звания вице-короля и генерал-губернатора всех упомянутых территорий. Я должен получить право на десятую часть всего золота и драгоценностей, добытых в пределах открытых мною земель, и на восьмую часть всех доходов.

Жоаньо-«Совершенный» был самодержцем необузданного нрава. Этот португальский венценосец в пылу гнева собственноручно заколол своего зятя, герцога Визена, главу фрондировавшей дворянской партии. Выслушав требования Колумба, он с трудом подавил в себе желание учинить над ним короткую расправу. Но благоразумие и хитрость взяли верх.

— Ваши требования непомерны и дерзки. Вы посягаете на титул вице-короля и адмирала, еще не доказав своей способности открыть в океане хотя бы скалистый риф, над которым вы могли бы властвовать. Если бы мы приняли ваши условия, наш королевский дом подвергся бы насмешкам всех дворов Европы в случае вашей более чем вероятной неудачи. Мы осведомлены о том, что вам угрожают телесные наказания за неуплату долгов многим из лиссабонских купцов. Следует быть сговорчивее при подобных обстоятельствах. Ступайте. Если вы пожелаете стать во главе экспедиции из трех каравелл на условиях, предоставляемых нашим адмиралтейством капитанам разведывательных плаваний, суда будут вам даны. Запомните, что адмиралтейство направляет экспедиции во все концы света. Не исключена возможность плавания и в западном направлении. Оно может быть совершено и без вас.

Игра генуэзца была проиграна. Однако западный путь вне скрытых в нем возможностей обогащения и почестей не интересовал Колумба. Колумб был да-

лек от мысли принять условия короля. В своем требовании титулов и благ он не отступал ни на шаг.

В Португалии для Колумба не оставалось больше надежд на успех. Он стал подумывать о кастильском дворе. Торговые дела Колумба все более запутывались, долги росли. Ему угрожали плети и позорный столб. 1484 год был очень тяжел для Колумба. В довершение всего до него дошли слухи о морской экспедиции, снаряженной в середине года для осуществления задуманного им западного плавания без его участия. Его детище похищали. Король поддался увещеваниям епископа Касадильи и согласился на отправку воровской экспедиции, которую снарядили в строжайшей тайне *.

Колумбом овладело желание бежать из Португалии — от людского вероломства, оставив в Лиссабоне жену и детей. С ним, отправившимся на поиски удачи под другими небесами, был только его шестилетний сын Диего.

Черная Испания

В один из зимних дней 1484 года мы застаем Колумба шагающим по улицам Севильи в поисках пристанища. Хотя ему только тридцать восемь лет, голова его почти бела. Лицо залито огненно-красным морским загаром, рот искривлен чуть приметной гримасой усталости и горечи. Но Колумб обращает на себя внимание мужественной красотой, весь его облик выражает настойчивость и смелость. Лицо красят высокий лоб и резко очерченный орлиный нос. Попрежнему молоды голубые глаза. Смуглые андалузки ча-

* Плавание окончилось неудачей. Отправленные суда попали в бури и вынуждены были вернуться в португальские порты.

сто оглядываются вслед этому рослому могучему мужчине, старающемуся соразмерить свою поступь с шагом маленького Диего.

Во второй раз на протяжении десяти лет Колумб оказался в незнакомой стране. В Лиссабоне он сумел легко войти в новую жизнь. Португалия, как и его родина, жила морскими интересами. Сможет ли он ужиться здесь, в Кастилии? Хоть это королевство и расположено рядом с Португалией, кажется, что их разделяют громадные пространства. Ни море, ни торговля, повидимому, не интересуют кастильцев. С того момента, как Колумб высадился в порту Санта Мария, он видел нескончаемый поток вооруженных людей, движущихся на юг, к мавританским землям. Везде только и слышны разговоры о близкой победе над мусульманами. Сколько ни проезжал он городов и сел, повсюду без устали звонят в церковные и монастырские колокола, вербуют горожан и земледельцев на борьбу с «неверными». Поразило Колумба число священников и монахов. Казалось, вся страна — огромный монастырь. Колумб не мог надивиться разнообразию монашеских орденов.

На улицах Севильи он впервые увидел процессию Святой Коллегии. Под пение псалмов монахи в черных капюшонах вели на казнь двух девушек-еретичек. Когда на городской площади женщин возвели на костер и зажгли сложенные под их ногами поленья, толпа стала неистовствовать и бесноваться, плясать вокруг огня, подбрасывать под ноги сжигаемым падающие в стороны головы.

Трудно будет Колумбу, торговцу и моряку, ужиться среди людей, столь рьяных в вере. Для того, чтобы преуспеть здесь, ему надо будет побольше молиться, читать отцов церкви, на каждом шагу проявлять горячую преданность ее служителям. С первых

же шагов в новой стране Колумб успел заметить, что не только светские люди, но и священнослужители и монахи здесь жадны до мирских благ так же, как и в Генуе и Лиссабоне. Но только в Кастилии все должно было делаться для вящей славы божией и католической церкви. Если речь шла о продаже в рабство пленных мавров, — это делалось для обучения их христианской вере. Прихожанки соблазнялись черноризниками, разумеется, ради изгнания бесов. Колумб понял, что помощь кастильских королей станет возможной лишь в том случае, если он сумеет красноречиво доказать огромную пользу, которую принесет христианству открытие западного пути.

К тому времени, когда Колумб оказался в Испании, здесь заканчивался последний акт многовековой исторической драмы. Армии христианских королей выбивали мусульман из их последнего оплота на Пиренейском полуострове — Гренадского халифата.

Много воды утекло с тех пор, когда летом 711 года арабский витязь Тарик бен Сейд переправился через Гибралтар с семитысячной ордой воинов-берберов. Неудержимой лавиной двигались мавры к северу, тесня перед собой христианские войска вестготских королей. Из всего обширного полуострова вестготы смогли удержать только небольшой клочок земли — неприступные горы Астурии. Здесь, как в осажденной крепости, расположилось вестготское дворянство, не желавшее помириться с потерей своей власти и господствующего положения в стране.

Масса христианского населения полуострова — крестьяне и горожане — остались на насиженных местах, ужились с новыми правителями. Мавританская система управления покоренными землями не была тяжела. В течение веков мусульманского господства Испания быстро развивалась. Племя кочевников-завоевателей

превратилось в народность высокой культуры. Во всех покоренных мусульманами областях процветали ремесла и искусства. Достаточно перечислить мероприятия мавров в области хозяйства, чтобы преисполниться уважением к созданной ими цивилизации. Засушливые южная и восточная части полуострова были превращены в цветущий сад искуснейшей системой орошения. Арабы создали испанское виноделие, шелководство, первые стали выделять бумагу; они научились лить превосходную сталь, из которой ковались знаменитые толедские клинки. Тисненная кожа Кордовы, альмерийская парча, валенсийский сахар, тонкие сукна, бронза, стекло, хлопок — все это производилось в Испании маврами, в то время как вокруг господствовало примитивное натуральное хозяйство. Столица халифата—Кордова насчитывала полмиллиона жителей. Здесь был основан первый в Европе университет. Библиотека Кордовы содержала 600 тысяч рукописей.

Но государственный организм, созданный исламом на европейской территории, был нежизнеспособен. Кочевники-завоеватели построили свое царство на рабовладении и постоянном притоке военной добычи. После того, как завоевательное движение приостановилось, вся система начала ослабевать и распадаться на части.

Застрельщиком борьбы с мусульманами выступила католическая церковь. В XI и XII веках много было в Испании епископов, препоясавших чресла мечом, выступавших против мусульман во главе «христолюбивого воинства».

Арабы отеснялись все дальше и дальше к югу. Вслед за Кастильским плоскогорьем и Толедо они были вытеснены из многих цветущих долин Андалузии. Судьбу арабского владычества решили сражения

1212 и 1248 годов. Не только Севилья, но и Кордова оказались в руках кастильского короля. Другое христианское королевство — Арагон — отбило у мавров Валенсию и утвердилось на широкой полосе средиземноморского побережья. Настало время для мавров отстаивать последний оплот своих владений от натиска христиан. Они отбивались от кастильцев под прикрытием трудно доступных гор Сьерры Морены, за которыми небольшой Гренадский халифат смог продержаться еще в течение двух с половиной веков.

Любопытную картину представляло собой в эпоху Реконкисты (обратного завоевания) Кастильское королевство. Плоды многовековой борьбы достались здесь грандам (крупным дворянам) и духовенству. Гранды завладели землями, не уступавшими по размерам иным королевствам. Испанский летописец рассказывает, что «добрый коннетабль» Довалос мог проехать через весь полуостров — от Севильи до Компостеллы — не покидая собственных поместий. Гранды стали хозяевами Кастилии. Они добились у своих слабых суверенов права перехода от одного короля к другому. Много было таких, как Лара и Кастро, кочевавших от христиан к маврам, воевавших на основании «священных прав дворянства» против собственного короля. Они проводили время в войнах, непрерывно интриговали, соединялись в союзы или дрались между собою, разоряя страну. Не знавшее границ своим требованиям, дворянство внушало страх королям и жгучую ненависть крестьянам и горожанам.

Городское население жестоко страдало от феодальной анархии. Некоторым противовесом ей были гражданские вольности, развившиеся в Испании раньше, чем в остальной Европе. Представлявший интересы горожан парламент — кортесы — был, однако, не в силах унять дворян-грабителей, опустошавших огром-

иые области, вынуждавших города платить им дань за избавление от набегов. На защиту горожан стало знаменитое Святое Братство (Санта Германдад) — вооруженная народная лига. Члены Братства чинили быстрый суд и расправу над дворянами, промышленными ограблением городов.

Огромное влияние в стране получила церковь. При отвоевании у мавров земель и городов никогда не забывали в первую очередь выделить участки под монастыри и храмы. Духовным лицам причиталась львиная доля военной добычи. Церкви и монастыри таким путем накопили огромные богатства, которые они к тому же непрестанно приумножали, требуя от своей паствы пожертвований и отказов по завещаниям. Настоятели монастырей и духовные сановники сделались наиболее богатыми помещиками Испании. Так, например, женскому монастырю Уэльгас со ста пятьюдесятью монахинями принадлежало четырнадцать больших городов и более пятидесяти малых. Архиепископ толедский владел пятнадцатью крупными и множеством мелких городов. Его доходы превышали поступления королевского казначейства.

Страна кишела священниками и монахами, невежественными, жадными и распутными. Велико было число странствующих монашеских орденов. Обитатели бесчисленных монастырей жили в роскоши, лени и разврате.

Королевская власть долгое время была очень слаба. Испанские короли были бедны, не располагали достаточным войском, чтобы обуздать дворянство. Борьбу за неограниченную власть монахов против феодалов начали и успешно завершили во второй половине XV века Фердинанд и Изабелла. Вся дальнейшая жизнь и деятельность Колумба протекала в их царствование.

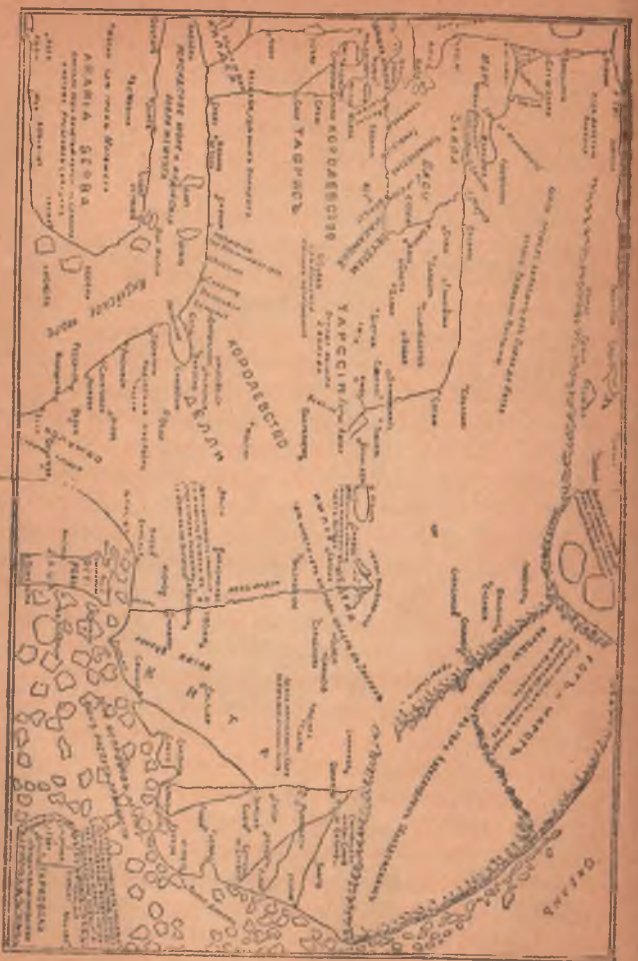
Дочь короля Хуана II Изабелла Кастильская, ро-

дившаяся в 1451 году, оказалась на троне благодаря сложным интригам кастильских грандов. До шестнадцати лет она жила вместе с матерью в глухом углу страны, в Авильском монастыре, не помышляя о царствовании. Здесь она воспитывалась в ревности католической вере под бдительным оком ее духовника, доминиканского монаха Фомы Торквемадо, ставшего впоследствии первым Великим Инквизитором. Далеко в стороне от тихой Авилы шла борьба за кастильский престол между старшими братьями Изабеллы. Но архиепископ толедский Педро де Мендоса, глава испанской церкви и виднейший дворцовый интриган, задумал укрепить позиции своей партии, выдвинув Изабеллу претенденткой на кастильский трон. В 1468 году Изабелла была провозглашена наследницей престола Кастилии и Леона. Руки недавней монастырской воспитанницы стали домогаться английские и французские принцы. Но инфанта, смолоду отличавшаяся государственными талантами и большой практической сметкой, остановила свое внимание на более скромном женихе — арагонском престолонаследнике Фердинанде. Этим браком Изабелла рассчитывала объединить в династической унии соседние королевства Кастилии и Арагона. Она хотела также сохранить за собою первенствующее положение в Кастилии, добившись от своего будущего супруга согласия на скромную роль соправителя.

Хотя Арагон и владел Каталонией, Левантом, Балеарскими островами, Неаполем и Сицилией, он все же не мог сравниться в богатстве и значении с Кастилией. Поэтому Фердинанд подписал брачный контракт, по которому обязался свято блюсти законы и обычаи Кастилии, иметь свою постоянную резиденцию в этом королевстве и никогда не покидать его без согласия Изабеллы. Он обязался также не предо-

Королева Изабелла Кастильская

Коримбонская карта Азии

ставлять никому военных или гражданских постов без одобрения супруги, не привлекать к кастильской службе своих будущих подданных—арагонцев. Фердинанд отказался в пользу Изабеллы от права назначе-

Фердинанд Арагонский

ния духовных лиц на церковные должности. Он торжественно поклялся продолжать войну против мавров до полного их изгнания.

Брачный контракт был составлен так, что Фердинанд мог претендовать на влияние и власть лишь в той мере, в какой их пожелает ему предоставить королева. Несмотря на довольно унижительные условия

договора, Фердинанд настолько прельстился кастильской короной, что составил подложную папскую буллу, разрешавшую брак с Изабеллой, его близкой родственницей. Впоследствии, когда подлог раскрылся, неблагоприятное поведение Фердинанда очень огорчило его суеверную супругу, видевшую в преследовавших ее семейных бедах наказание за совершенный грех кровосмешения.

Бракосочетание состоялось в 1469 году, а в 1474 году, после смерти короля Энрике, брата Изабеллы, она была провозглашена королевой Кастилии и Леона. Но не успели дворцовые герольды возвестить с церковных папертей: «Кастилия, Кастилия, королю дону Фердинанду и его супруге донье Изабелле, королевесобственнице этих владений», как в стране вспыхнула ожесточенная борьба. Дворянство разделилось на кланки, часть шла за Изабеллой, другая поддерживала претензии на кастильский трон ее племянницы Хуаны, дочери Энрике.

Фердинанду и Изабелле трудно было подчинить королевской власти страну, в которой феодальное дворянство издавна привыкло выбирать и смещать своих суверенов, где города обладали трехсотлетними гражданскими вольностями и вооруженными силами для их защиты. И все же эта королевская чета сумела покончить с феодальной раздробленностью и прочно утвердить королевский абсолютизм.

При борьбе с могущественной феодальной аристократией Изабелла и Фердинанд прибегли к помощи горожан и кортесов. Это вынуждало их в начале царствования считаться с правами и интересами городов. Наряду с этим они осыпали знаками внимания приходивших к ним на помощь мелкопоместных дворян и безземельных рыцарей, раздавая им чины и должности.

Но главным и наиболее верным союзником королей в борьбе с грандами являлась церковь и ее глава Педро де Мендоса. Духовенство поддерживало королевскую чету во всех ее предприятиях, помогало при всех затруднениях, разрешило ей изъять из церквей для нужд пустой казны половину золотой и серебряной утвари. Изабелла, столь доросшая помощью церкви, нередко облачалась в белые одежды послушницы и босая, с распущенными волосами, следовала в крестных ходах, лицемерно являя своим подданным образец христианского смирения.

К тому времени, когда Колумб появился в Испании, борьба между феодалами и королевской властью закончилась. На троне Кастилии сидели неограниченные монархи-соправители — Изабелла и Фердинанд.

Изабелла была очень красива. Брюнетка с голубыми глазами и светлой кожей — редкий в Испании тип женской красоты. За этой располагающей внешностью трудно было угадать характер мрачный и жестокий, какой мог развиться только в условиях религиозной нетерпимости. Еще в юности она обещала своему духовнику Торквемаде, что если когда-нибудь взойдет на трон, то посвятит свое царствование искоренению ереси. Этот вексель был ею оплачен. Торквемада, кровожадное чудовище, возмещавшее воздержание от плотских удовольствий наслаждениями палача-садиста, покрыл Испанию кровавыми алтарями инквизиции. При горячем содействии Изабеллы в Кастилии и Арагоне учреждено было тринадцать трибуналов Святой Коллегии, пытавших и сжигавших на кострах еретиков, уничтожавших их книги.

Королева горячо поддерживала и поощряла церковников в их борьбе за чистоту «христовой веры». Достаточно было придворному «святому отцу» указать Изабелле на заинтересованность церкви, и она санк-

ционировала самые изуверские и чудовищные действия ее.

Рядом с королевой-изувером на троне восседал король-ханжа. Единственным содержанием его жизни было преследование личных выгод. При этом он умел с большим искусством достигать своих целей, действуя якобы во имя интересов католицизма. Он был настолько ловким ханжой, что получил от папы титул «его наикатолического величества».

Неблагодарность была основной чертой его характера. Всех своих главных сподвижников он по использованию отшвыривал со своего пути. Такая же участь, как увидим, постигнет и Колумба...

Колумб — ходатай при кастильском дворе

Колумбу предстояло решить, в каком городе основаться и каким путем добывать средства к существованию для себя и своего сына. Он приехал в Кастилию, чтобы добиться приема у королей. Поэтому проживать следовало в городе, где находится двор. Но, на несчастье Колумба, кастильский двор в то время не имел постоянного местопребывания. Фердинанд и Изабелла собирали силы для войны с гренадскими маврами и кочевали из города в город. Кордова, Севилья, Саламанка, Бургос, Сарагосса поочередно и на короткое время становились их резиденцией. Нередко короли жили в походных условиях в районе военных действий. Колумбу оставалось следовать за переездами двора. При таком образе жизни его могла прокормить старая профессия — книготорговля.

В начале 1485 года Колумб со своим сыном находился в Кордове. Генуэзец жил скудными доходами от продажи иллюстрированных календарей-альмана-

хов, псалтырей и евангелия, которые он разносил по городу. Было от чего приуныть человеку, знававшему лучшие дни. Но Колумб упорно стремился к намеченной цели и надеялся на скорый успех.

В Кордове прожил он в бедности и одиночестве первый год своей жизни в Испании, присматриваясь к окружающему, усваивая новую речь, расспрашивая о королях и влиятельных придворных. В том году королева со свитой жила в Кордовском замке, а король возглавлял войска, осаждавшие мавританские крепости Лоху и Моклину. В середине 1486 года Изабелла также покинула Кордову, выехав в стан осаждавших армий.

Первый придворный, к которому решился обратиться Колумб, был Алонсо де Кинтанилья, казначей королей. Он был человеком доступным; генуэзец не рисковал натолкнуться на грубый прием. Важно было и то, что казначей имел право оказывать денежную помощь ходатаям при дворе. Начинать следовало поэтому с Кинтанильи. В старательно обдуманной им заранее беседе Колумб рассказал Кинтанилье, что он с малых лет питает надежду приобщить к истинной вере индийских язычников, числом превышающих все народы Европы. Если бы католические короли Испании приняли в нем участие, он смог бы совершить от их имени дело, которое стало бы величайшим триумфом христианства. Он пытался было склонить к своему проекту португальского короля, но страна этого владетельного принца погрязла в низменных интересах. Только в Кастилии жив еще апостолический дух, и ее великим королям должна принадлежать слава обращения в христову веру народов Востока. Несметное количество золота и драгоценных камней, какие Колумб найдет в Индии, будут использованы королями Кастилии для великих дел — для изгнания

мавров из Испании и отвоевания у мусульман гроба господня.

Колумб говорил долго и с большим увлечением. Искусно составленная речь увлекла его самого. Он был очень красноречив и очаровал своего слушателя. Для довершения успеха Колумб обратил внимание казначея на свои рублища. Он оставил далеко от Испании дом, жену и детей. Здесь он — бедный чужестранец, лишенный своего угла, с трудом живущий на жалкие доходы от продажи «слова божия». Но бедность угодна господа, избравшему его для великих дел на благо истинной веры и во славу Кастилии.

Первый дипломатический шаг Колумба на испанской почве увенчался успехом. Кинтанилья стал союзником генуэзца, обещал добиться для него приема и содействия архиепископа Мендосы — «третьего короля Кастилии», ходатайствовать о нем перед Фердинандом и Изабеллой. Дом его отныне открыт для Колумба. Там он всегда может найти пищу и все ему потребное.

Колумб стал ждать приема у архиепископа толедского. Мендоса оказался менее чувствительным к красотам ораторского таланта генуэзца, чем казначей. Церковный князь остался холоден к расточаемому перед ним религиозному пафосу. Его больше заинтересовали мирская и государственная стороны проекта. С полуслова понял Колумб умонастроение архиепископа. Он стал развивать перед Мендосой космографические и мореходные идеи и особенно ярко описывать лежащие в конце проектируемого им западного пути богатства. Все, что слышал Мендоса, удивило его своею смелостью и новизной. Испанцы, даже наиболее образованные, в то время мало знали науку о земле.

Проекты Колумба заинтересовали Мендосу. Он

убедился в том, что перед ним находится человек ученый, пытливого ума, притом, повидимому, достаточно ловкий. Он решил поддержать его перед королевой и добиться для него аудиенции.

Зимой 1487 года Колумб переехал в Саламанку, где королевская чета отдыхала после тревожных осадной войны. В ожидании приема он часто навещал Мендосу, излагал ему начала космографии и, в частности, учение о шаровидности земли. Епископ долгое время не хотел принять этого учения, как противного догматам веры. Но Колумб был терпелив и в конце концов завербовал Мендосу в число сторонников своего плана.

В Саламанке же Колумб был представлен папскому нунцию Антонио Джиральдини и его брату Александру, наставнику младших королевских детей. Он познакомился также с Диего де Десой, епископом Саморы, воспитателем инфанта Хуана. Перед этими духовными лицами Колумб изоощрялся в доказательствах полезности его плана для католицизма и отсутствии в нем богопротивного еретического содержания.

Совсем иной характер носили его встречи с камергером короля Хуаном де Кабрера и канцлером интендантства Луисом де Сантанхель. Кабрера был наперсником Фердинанда в его галантных похождениях, циником и кутилой. Он зевал, слушая об Индии. Но Колумб обладал даром увлекательного рассказчика. Он позабавил камергера красочным описанием нравов португальского двора и легкомысленного листабонского общества.

Сантанхель поставил было гемуэзца в тупик. В изложенном проекте его заинтересовала возможность конкуренции с португальской работоторговлей. Можно ли будет доставлять рабов из Индии в испанские порты? Колумб пытался заговорить о распространении

нии христианства в индийских землях, но интендант высмеял его фантазии. Миссионерство не интересовало его; он имел свой взгляд на источник богатства народов. Он знал, что Португалия разбогатела на торговле неграми, и считал, что колумбово дело стоит усилий, если в восточных странах найдется достаточно живого товара.

Как бы то ни было, Кабрера и Сантанхель стали вскоре благоволить к гемуэзцу. Немалое значение имел для него успех у Беатрисы де Бобадилья, маркизы де Мойя, интимной подруги королевы. Колумб хорошо знал пути к женскому сердцу, и ему не стоило труда очаровать стареющую придворную львицу. Сверкая глазами, потряхивая седой гривой, повел он перед ней рыцарские разговоры о воинских подвигах, спасении прекрасных дам, о пламенной любви к деве Марии. Плохой кастильский язык искупался благородством эпитетов и яркостью образов. Увлеченная маркиза горячо обещала ему свою поддержку.

Короли приняли Колумба в начале 1487 года в Саламанке. Наслышанные о нем Фердинанд и Изабелла встретили его милостиво, расспрашивали о подробностях проекта и порешили передать его на рассмотрение ученым людям саламанкского университета. Они учредят для этого специальный совет, в который войдут и компетентные в вопросах науки придворные.

Саламанкская хунта

Весной 1487 года Колумб предстал перед Советом (Хунтой), собравшимся в саламанкском монастыре св. Стефана для рассмотрения научных основ проектируемого им плавания. Хунта заседала под руководством исповедника королевы Гернандо де Талаверы. В ней участвовали уже знакомые нам архиепископ

Мендоса, Диего де Деса, Хуан Кабрера и много других духовных и светских лиц, главным образом, космографы Саламанкского университета. Здесь присутствовали и профессора астрономии, географии, математики.

На хунте прежде всего была подвергнута сомнению идея о шаровидной форме земли, на которой строилась вся аргументация генуэзца. Напрасно Колумб ссылался на греческих географов, авторитет которых был признан католической церковью. Ему возражали, что доверия заслуживают другие теории, более соответствующие священному писанию. Один из саламанкских космографов прочел членам хунты отрывок из написанной в середине VI века монахом Козьмой Индикоплеустесом «Христианской топографии», в которой, в противоположность Птолемею, утверждалось, что земля вовсе не шар, а прямоугольник, составляющий основание вселенной. Со всех четырех сторон этого основания возвышается небо, вроде четырех стен комнаты. Эти голубые стены поддерживают кровлю в форме свода, где и пребывает бог со своими ангелами. В центре основания находятся обитаемые страны земли, окруженные со всех сторон великим океаном, за которым в одном из углов расположен рай. В северной части его, под небесной твердью, находится высокая гора, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды. Летом солнце вращается вокруг вершины горы и потому скрывается не надолго, зимою оно вертится вокруг ее основания, и потому дни бывают короткие.

Все присутствующие с удовольствием выслушали мудрое учение Козьмы, значительно лучше объяснявшее им окружающий мир, чем разговоры итальянца о земном шаре, державшемся неизвестно на чем. Но космограф попросил членов хунты послушать дальше.

Бросая красноречивые взгляды на Колумба, он прочел: «Таково учение, извлеченное из священного писания, а что касается безбожников, утверждающих, что земля кругла, то бог за их грехи лишил их разума, так что они стали бесстыдно болтать об антиподах, где деревья растут вниз, а дождь падает вверх».

Вслед за этим со всех сторон посыпались новые возражения подобного же рода. Одни указывали, что апостол Павел в своем послании к евреям сравнивает небо с шатром. Понятно, что небо-шатер может быть только над плоской землей. Другие ссылались на псалом 103, в котором сказано, что «небо простерто подобно коже».

Создавшееся тяжелое для Колумба положение было спасено вмешательством Диего де Деса, заявившего, что священное писание не следует понимать буквально и что возражения о шатрах и коже, по его мнению, не убедительны. Колумб стал горячо оспаривать воззрения своих оппонентов и ссылаться на многочисленных отцов церкви, признававших учение о шаровидности земли.

Но вот один из членов хунты задал ему вопрос, который на минуту смутил его. Допустим, сказал спрашивавший, что земля кругла. Моряки, которые отплывут с Колумбом на запад, должны будут проплыть от Азорских островов еще четверть земного круга. Они, следовательно, спустятся почти на самый край земного шара. Как же вернутся они на родину? Какая сила заставит тяжелые каравеллы с людьми и грузом подняться с края шара на его вершину? Несомненно, что силы ветра для этого нехватит, и вся экспедиция повиснет на краю света, а, может быть, и свалится в пустоту.

После короткого раздумья Колумб сказал, что его плавание по Средиземному морю и Атлантическому

океану убедили его, что на поверхности земли нет спуска вниз, и всюду находишься как бы на вершине. Это заявление члены хунты приняли неодобрительно. Им казалось, что итальянец говорит чушь, противную здравому смыслу. Весь проект, говорили они, если не ересь, то, по меньшей мере, надувательство.

Начали раздаваться голоса о прекращении заседания хунты. Но тут вмешались влиятельные друзья Колумба. Предостерегая своих коллег от поспешных решений, они настояли на новом обсуждении.

Занятия хунты прервались из-за отъезда двора в Кордову, где в то время шли приготовления к осаде мавританской Малаги. От имени королей Колумбу сообщили, что его проектом очень интересуются и что он будет обсужден еще раз, как только минуют чрезвычайные обстоятельства, заставляющие временно отложить решение. Чтобы Колумб не испытывал нужды, ему будет выдано вспомоществование из казны.

Томительное ожидание

В мае 1487 года королевский казначей в Севилье выдал три тысячи мараведов «Христовалу Коломо, который по особым делам находится на службе их величеств». В июне Колумб еще раз получил такую же сумму. Став теперь как бы чиновником королей, он следовал за двором из города в город. Время от времени Изабелла приказывала заняться рассмотрением его плана, но стремительные события войны отодвигали все терпящие отлагательства вопросы. Придворным, недавно принимавшим участие в Колумбе, было не до него. Они поглощены были более злободневными делами. Полузабытый Колумб слился с толпою докучливых ходатаев, толпящихся в прихожих знатных лиц.

В июле, по распоряжению Изабеллы, Колумбу снова выдали деньги на проезд ко двору, расположенному при лагере у Малаги. Слонявшийся без дела, удрученный генуэзец присутствовал при взятии этого города в августе 1487 года. После победы двор вернулся в Кордову, но вспыхнувшая там чума заставила королевскую чету спешно переехать в Саргосу. Колумб, как тень, следовал за двором.

Надежды на скорое, благополучное для него решение кастильских королей оставалось все меньше.

С отчаянием в душе видит Колумб, что все его усилия, убеждения, хитрости оказались тщетными. Ему уже сорок четыре года. Больше десяти лет носит он в себе замысел, сделавшийся единственной целью его жизни. Ради его осуществления он актерствует, унижается, терпит лишения, бездомным бродягой коцует по чужой стране. Скоро наступит старость, когда благосклонность коронованных владык и каравеллы всего мира будут уже бесполезны.

Его приезд в Испанию был тяжелой ошибкой. Следовало оставаться в Лиссабоне, настойчиво добиваться через друзей и покровителей принятия Жоаньо II его условий. В Португалии не нужно было убеждать такой сонм невежд, тратить силы на доказательство шаровидности земли. Здесь, в Кастилии, он не дожидается конца войны. Каждый мавританский город отчаянно сопротивляется. Но даже после падения всех арабских крепостей он будет далек от конца мытарств. Ему снова придется предстать перед хунтой, в которой будут заседать доктора, более невежественные в вопросах мореплавания, чем последний лиссабонский матрос.

В состоянии душевной прострации, тем более тяжелой, что она последовала за годами кипучей деятельности и нервного напряжения, Колумб написал

зимой 1487 года из Кордовы челобитную королю Жоаньо, прося снять с него ответственность за неоплаченные долги и разрешить вернуться в Лиссабон. Чтобы обеспечить ходатайству успех, он прибавил, что находится при дворе королей Кастилии, где рассматривается его проект, известный португальскому королю.

В эту тяжелую зиму 1487 года Колумб встречается с бедной девицей, дворянкой Беатрисой Энрикес де Арана, круглой сиротой, жившей со своим братом Педро. Знакомство с Энрикес перешло очень скоро в любовь. Генуэзец, искавший утешения в своих горестях, не мог предвидеть, что этим «слишком человеческим» поступком он навсегда лишит себя возможности стать святым Христофором католической церкви. Скоро уже исполнится сто лет стараниям и хлопотам многих церковных канонизаторов о причислении Колумба к лику святых. Но папы неизменно отказывают в этом, считая, что сожителство с женщиной, не освященное браком, к тому же — при жизни законной жены, не соответствует идеалу праведной жизни.

Весной 1488 года Колумб получил разрешение Жоаньо II на проезд в Португалию. Королевское послание, датированное 20 марта 1488 года, содержало лестное обращение — «Нашему особому другу в Севилье» — и приглашало Колумба прибыть в Лиссабон. «Так как вы по известным делам, в которых вы замешаны, находитесь под преследованием наших властей, то даем вам этим нашим письмом свободу для приезда, пребывания и отъезда и удостоверяем, что вы не будете взяты, арестованы, обвинены, привлечены к суду или допросу по какому бы то ни было делу, гражданскому или уголовному, или какому-либо другому».

Колумб воспользовался разрешением португальского короля только в конце года. До этого он не покидал Кордовы. Его удерживали здесь узы привязанности к Энрике, готовившейся стать матерью. В августе она родила Колумбу сына Эрнандо. Когда Колумб прибыл, наконец, в Лиссабон, он не застал в живых ни жены, ни детей. Было ли причиной смерти покинутой семьи столь часто навещавшее португальскую столицу «морское поветрие» — чума, или они умерли от нужды — неизвестно. Колумб распорядился остатками имущества жены и сделал затем попытку возобновить свои хлопоты при дворе, но встретил холодный отказ.

Колумбов проект теперь меньше, чем когда бы то ни было, мог привлечь португальцев. Экспедиция Диаса обогнула в 1487 году мыс Доброй Надежды, увенчав, таким образом, блестящим успехом многолетние поиски португальцев. Коварный Жоаньо так любезно пригласил Колумба в Португалию только для того, чтобы лишить испанцев человека, способного втянуть их в какие-либо морские предприятия.

Поездка в Лиссабон оказалась бесплодной. Лучше было оставаться в Кастилии. Там у него теперь два сына, там Беатриса. Колумб уговорил брата, только что вернувшегося в Лиссабон после участия в экспедиции Диаса, отправиться в Лондон предложить его проект английскому королю. Сам же он весной 1489 года выехал в Севилью.

В мае того же года двор прибыл в Кордову. Королева, казалось, намеревалась теперь серьезно заняться предложением Колумба. 12 мая Колумба пригласили ко двору. Отдано было распоряжение оказывать ему всякое содействие, безвозмездно кормить и отводить помещения, так как он путешествует по делам королевской службы. Но Колумба и на этот

раз постигла неудача. Не успел генуэзец прибыть в Кордову, как в Кастилии начались тяжкие стихийные бедствия — наводнения и голод. Снова передали королевское повеление ждать.

Двор вскоре выехал из Кордовы к стенам мавританской Басы. Крепость осаждалась армией, во главе которой стала сама королева, облачившаяся в воинские доспехи. Колумб еще раз последовал за двором и жил в лагере осаждавших. Когда в конце декабря крепость пала и Кастилия овладела большими мавританскими землями, генуэзец стал тешить себя надеждой, что наступило, наконец, длительное успокоение и теперь королева сможет лично заняться проектом западного морского пути. Но на смену напряжению всйны пришли нескончаемые увеселения двора по случаю победы. В феврале 1490 года королевская чета торжественно вступила в Севилью. Здесь начались пышные празднества по поводу бракосочетания инфанты Изабеллы. На радостях о ходатае, казалось, совсем забыли.

Но события повернулись довольно неожиданным образом. Вскоре после прибытия в Севилью королева велела Талавере созвать главных участников Саламанкской хунты и представить ей отзыв о колумбовом проекте. Талавера и многие другие склонны были дать отрицательное заключение. Только усилиями влиятельного Диего де Десы, на которого аргументы Колумба произвели, повидимому, сильное впечатление, представленный королеве доклад не заключал осуждения, а рекомендовал осторожность.

Фердинанд и Изабелла решили не торопиться. Через Талаверу Колумбу, находившемуся в Кордове, сообщили, что огромные расходы, связанные с войной, не позволяют осуществить его проект немедленно и что его просят ждать до окончания подготавливаемой

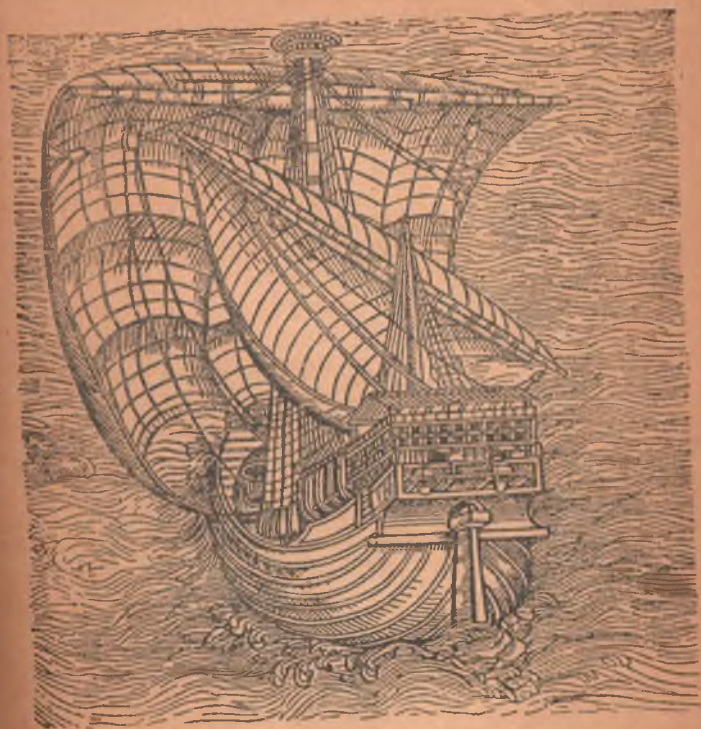
кампании против последней крепости мавров — Гренады.

Колумб не хотел верить оттяжке. Он решил, что Талавера, с самого начала настроенный против его проекта, искажил решение королей. Генуэзец отправился в Севилью, чтобы услышать решение непосредственно от Изабеллы. Он добился приема. Во второй раз он оказался перед их католическими величествами. Его встретили с ледяной холодностью и предложили терпеливо ждать, не досаждая двору ходатайствами.

В довершение бед, Колумб получил от брата Бартоломео сообщение о неуспехе при лондонском дворе. Так как Генрих VII отверг проект, то Бартоломео направлялся, по инструкции Христофора, в Париж — предложить западное плавание Карлу VIII. После неудачи в Португалии и Англии и обидного невнимания кастильских королей у Колумба оставалась последняя надежда на Францию. Он решил отправиться туда в помощь своему брату. Но прежде, чем окончательно покинуть Кастилию, ему пришла мысль осуществить западное плавание при содействии одного из испанских грандов. Подобный выход мало привлекал Колумба. Но выбирать было не из чего, возможности Колумба все сокращались, время шло. Надо было торопиться.

Колумб знал о двух могущественных грандах Кастилии — герцогах Медина Сидониа и Медина Сели, располагавших своими гаванями, большими военными и торговыми флотами. Весной 1490 года он обратился в Севилье к Медина Сидониа, но получил отказ. После этого он стал домогаться внимания Медина Сели, соперника Медина Сидониа.

Медина Сели, проживавший в укрепленном замке у порта Санта Мария, вероятно, на зло Медина Си-

Каравелла конца XV века

Легкая каравелла времен Колумба

донна принял Колумба приветливо. Он много занимался морскими делами и мог оценить выгоды, какие сулило ему осуществление западного плавания. Гостеприимный герцог поселил Колумба у себя, приказал предоставить ему все, что он потребует, и стал обсуждать с ним план во всех подробностях. Он выделил для подготовки экспедиции большую для тех времен сумму в четыре тысячи дукатов. В течение года, проведенного Колумбом во владениях герцога, успели оснастить три каравеллы. В начале 1491 года суда были готовы к плаванию, но осторожный Медина Сели, не забывший о возможности репрессий со стороны монархов за любое проявление независимости, решил испросить у королевы согласия на затейное им плавание. Ответ Изабеллы был краток. Она запрещала Медина Сели посылать суда в западное плавание, потому что намеревалась сама осуществить его, и предлагала Колумбу прибыть немедленно ко двору в Севилью.

В Севилье Колумб узнал о том, что Изабелла поручила заняться проектом его другу Кинтанилье. Но не успел Кинтанилья встретиться с генуэзцем, как весь двор, свита и королевские чиновники выступили в поход к стенам Гренады. Обескураженный Колумб последовал за двором. Кастильский стан жил, как в лихорадке. Долина перед Гренадой была покрыта бесчисленными палатками. Войск было так много, что часто не хватало продовольствия. День и ночь в непосредственном соседстве с последней мавританской твердыней возводились стены нового города Санта Фэ. Через три месяца рядом с уносившимися ввысь белыми кружевами Альгамбры возникли, как мрачный символ, тяжелые, темные, униженные крестами стены Санта Фэ.

Колумбу не было дела ни до религиозной экзаль-

тации кастильцев, ни до глубокого драматизма последней исторической схватки двух культур. Он жестоко страдал. Мало того, что его лишили возможности отправиться в плавание на судах Медина Сели, он вынужден выносить тяжелые физические лишения. Даже пищу приходится выпрашивать, обходя солдатские палатки. Придворные покровители избегали встреч с ним, опасаясь просьб о заступничестве. Его платье изодралось, он сильно исхудал.

Поздней осенью Колумб решил покинуть лагерь. Им овладело только одно желание — поскорее оказаться во Франции. Он заехал в Кордову, где взял тринадцатилетнего Диего, чтобы отвезти его в Уэльву к торговцу Мулиарте, женатому на сестре его умершей жены. Младшего сына Эрнандо он оставил у матери. Долго пробирался он с Диего в Уэльву. Его карманы были пусты, поэтому часть пути пришлось совершить пешком.

Успех

В ноябрьский вечер 1491 года в ворота монастыря ля Рабида, расположенного неподалеку от городка Уэльвы и порта Палоса, поступался усталый путник, одетый в монашескую рясу. Он попросил у привратника воды и хлеба для своего сына. Пока мальчик утолял голод и жажду, привратник разговаривал с его отцом. Иностранный акцент, а также несоответствие между одеждой и речью путника заинтересовали монаха. Незнакомец сказал, что занимается мореплаванием и был по этому делу у королевы. Привратник пригласил Колумба пройти к настоятелю Хуану Маркена. Он, должно быть, заинтересует настоятеля — страстного любителя и знатока морского дела. В завязавшейся беседе Колумб горячо жаловался на невнимание к нему со стороны кастильских

королей, говорил об огромных доходах, которые могла получить Кастилия от осуществления проекта заградного плавания. Но теперь ему приходится направиться во Францию, где его ждут уже оснащенные суда.

Хуан Маркена живо заинтересовался рассказом Колумба. Он предложил ему отдохнуть несколько дней в монастыре. Не согласится ли путник изложить свой план перед ним и несколькими знакомыми, сведущими в вопросах мореплавания? Колумб охотно принял предложение Маркена. На завтра в монастырь по вызову настоятеля явились врач Гарсиа Фернандес и шкипер Мартин Алонсо Пинсон, оба — из близлежащего Палоса. Вместе с Маркеной они выслушали подробный рассказ Колумба о его плане. Любопытно, что небольшое импровизированное совещание оказалось значительно компетентнее членов Саламанкской хунты. Здесь Колумбу не пришлось оспаривать богословских возражений. Пинсон, недавно побывавший в Риме, слышал там о проекте Тосканелли. Собравшиеся решили, что идея Колумба верна и ценна. Следует сделать все возможное, чтобы не допустить осуществления колумбова замысла французами. Нужно использовать связи настоятеля Маркены и добиться, чтобы кастильский двор принял скорое и благоприятное решение.

Хуан Маркена страстно принялся за дело. Этот монах был одно время духовником королевы, что позволяло ему обратиться с письмом непосредственно к Изабелле. Маркена в горячих выражениях писал королеве о предстоящем отъезде Колумба во Францию и о вреде, наносимом престижу Кастилии из-за проволочки с решением по представленному Колумбом проекту. Маркена умолял королеву выслушать его в Санта Фэ. Он надеется убедить ее в исключительности

всего дела. В ответ королева попросила своего бывшего духовника прибыть в Санта Фэ, обещав немедленно его принять. Почтенный монах оседлал мула и направился ко двору. Перед отъездом Колумб посоветовал ему повидаться с Мендосой, Кабрерой, Кинтанильей, Сантанхелем, маркизой де Мойя — всеми придворными, которые могут благоприятно повлиять на королевское решение.

Маркена так горячо отстаивал перед Изабеллой дело Колумба, что королева решила еще раз выслушать просителя. Узнав от настоятеля о бедственном положении генуэзца, она распорядилась послать ему со специальным гонцом 20 тысяч мараведов* на приобретение приличной одежды и мула. В декабре 1491 года Колумб выехал из монастыря в Санта Фэ. После стольких превратностей и испытаний генуэзец уже не верил возможности близкого успеха. Но в лагере он застал благоприятную для своих целей обстановку. Осада Гренады близилась к концу. 2 января 1492 года Колумб увидел, как над Альгамброй взвилось кастильское знамя и последний мусульманский король Боабдил вышел из крепости, чтобы облобызать руки Фердинанда и Изабеллы.

Все прежние связи с придворными Колумбу удалось наладить снова. Королева назначила новую специальную хунту для рассмотрения плана, в которую вошли преимущественно друзья Колумба. Хотя на Гренадской хунте еще раздавались голоса о несовместимости плана с догматами церкви, но быстро возоблагодало высказанное Джеральдини и Мендосой мнение, что не следует смешивать теологию и географию. Большое значение имело и то, что за осуществление

* Испанская монета того времени, стоимостью, примерно, в 1/2 копейки.

плавания высказался Талавера, долгое время не доверявший Колумбу и его замыслам. Таким образом, препятствия для осуществления колумбова плана отпали.

Дело вступило в стадию практического обсуждения. Изабелла поручила Талавере повести с Колумбом переговоры об условиях, на которых он согласится стать во главе экспедиции, снаряженной кастильскими королями для осуществления западного плавания.

Наконец-то, Колумб оказался на грани успеха. Позади были восемь лет борьбы за осуществление его планов. Умерит ли он теперь свои требования? Колумб и на этот раз потребовал у кастильских королей потомственного титула адмирала океана, звания вице-короля открытых им земель, десятой доли драгоценностей и восьмой доли доходов! Талавера был поражен, выслушав условия Колумба. Но он изумился бы еще более, если бы знал все предыдущие злоключения генуэзца.

Королева с негодованием отвергла непомерные требования. Тогда Колумб заявил об отъезде во Францию. Его стали со всех сторон горячо отговаривать. Но Колумб был уверен, что теперь он добьется полного удовлетворения. Он знал, что стоит ему сесть на мула, как все придворные бросятся к королеве и будут упрашивать ее не отпускать чужестранца, посланного Кастилии самым господом, чтобы прославить ее до края света. Колумб решил демонстративно покинуть двор.

Тотчас после его отъезда у королевы попросили приема Сантанхель и Кинтанилья. Они предостерегали королеву от опасности навсегда потерять возможность распространить христианство в странах Востока и водрузить там знамя Кастилии. Указывали на ве-

роятные громадные выгоды от связи с богатыми странами Индий, тогда как расходы на организацию экспедиции не могут превысить трех миллионов мараведов. Маркиза де Мойя взывала к гордости королевы, говорила об ущербе престижу Кастилии, о недопустимости перехода Колумба на службу к Карлу VIII после восьми лет его хлопот при кастильском дворе. Постепенно королева поддавалась настроению и доводам своих придворных. Несмотря на отрицательное отношение Фердинанда к Колумбу и его предложениям, Изабелла согласилась уступить требованиям генуэзца.

Посланный за ним гонец настиг его в двух милях от Санта Фэ. Колумб был снова принят королевой, старавшейся проявлением крайнего расположения изгладить воспоминание о своей неуступчивости. Началось обсуждение деталей и составление договора.

17 апреля 1492 года обоими королями был подписан и скреплен их печатью договор следующего содержания:

1. Колумб и его прямое потомство — сам он пожизненно, а потомство на вечные времена — возводится в звание адмирала всех земель и стран, которые он откроет или завоеует на океане. Ему будут полагаться все те почести и преимущества, которые присвоены званию великого адмирала Кастилии.

2. Он назначается вице-королем и правителем всех упомянутых стран и земель с правом намечать для управления каждым островом или страной трех кандидатов, из которых один будет утвержден королем.

3. Он имеет право на десятую долю всех жемчугов, драгоценных камней, золота, серебра, пряностей и всяких продуктов, найденных, купленных или приобретенных каким бы то ни было образом в управляемых им странах.

4. Он или его наместник будет единственным судьей по всем спорам, могущим возникнуть по поводу торговли между открытыми им странами и Кастилией.

5. Ему разрешается внести восьмую часть издержек на снаряжение экспедиции с тем, что он получит право на восьмую часть прибыли от открытий.

Последнее условие было введено по настоянию Колумба. Деньги для оплаты пая Колумбу обещал дать Пинсон.

Велико было торжество генуэзца. Борьба, которую он в течение пятнадцати лет вел в Португалии и Испании, закончилась его полной победой.

Успех довершила подписанная вскоре королями патентная грамота, которой Колумб возводился в дворянское достоинство с присвоением титула дона, на который имели право только знатнейшие особы Кастилии. Отныне в списки кастильского дворянства вошел адмирал дон Христоваль Колон, заменивший безродного Коломбо, Коломо, Колома, как он себя называл, в зависимости от обстоятельств. Приказом королевы законный сын Колумба Диего назначался пажем наследника престола принца Хуана.

Осыпанный королевскими милостями, Колумб отправился 17 мая из Санта Фэ в порт Палос, где будет оснащаться его экспедиция.

Подготовка к плаванию

Королевский нотариус маленького андалузского порта Палоса трижды огласил в городском управлении указ королевы Изабеллы, данный 30 апреля 1492 года. Королева повелевала «в наказание Палоса за провинности перед короной» немедленно реквизировать три лучших судна, имеющих у порта, и под-

готовить их вместе с экипажами к дальнему плаванию. Палосцы были недовольны предписанием королевы. Когда же дознались, что корабли будут отправлены в западную часть океана, ужаснулись самые смелые из моряков порта. Короли властны отнять у нас, говорили они, наши каравеллы, но даже им не заставить крещеного морехода пуститься в подобное плавание. Лучше уж сложить голову в бою или, на худой конец, умереть с голоду, чем подвергнуться бедствиям этого безумного предприятия.

Мирной жизни городка пришел конец. Судовладельцы сговаривались не выполнять королевского указа, грозившего верной гибелью их судам. Матросские жены бегали из дома в дом, разнося страшную новость. В портовых кабаках матросы подстрекали друг друга к неповиновению. Старики вспоминали беды, постигавшие мореходов к западу от Азорских островов.

Вспоминали о том, что корабли якобы встречали там скалы, притягивающие к себе железо. Словно тысячи клещей впились в корпус судна. В один миг все гвозди и скрепы пулей вылетали к скалам, а судно рассыпалось среди моря на части. Еще хуже приходилось, по словам стариков, тем, кто попадал в подводные леса, снизу опутывавшие каравеллы своими ветвями. Много таких каравелл, населенных скелетами, гниет там в воде.

Общую неприязнь вызвал появившийся в Палосе одновременно с королевским указом иностранец, именовавший себя адмиралом Кристобалем Колоном. Он заявил властям, что прибыл в порт по поручению королевы, чтобы стать во главе западной экспедиции. Этот человек заходил в кабаки, уговаривал матросов принять участие в плавании, но плохая кастильская речь иностранца и опасность предприятия отталки-

вали слушателей. Все сходились на том, что человек этот разве только в корыстных целях мог решиться на такое заведомо неосуществимое и гибельное дело.

Предприятие генуэзца замерло, натолкнувшись на неожиданное затруднение. Колумб обратился с жалобой к королеве. Последовал второй грозный приказ Изабеллы от 20 июня, налагавший на порт штраф за каждый день проволочки и повелевавший городскому управлению Палоса немедленно взять силой нужные адмиралу суда с их экипажем. Наблюдать за исполнением королевских указаний прибыл придворный офицер Жуан Пеналоса.

Но и эти драконовы меры помогли лишь наполовину. Суда были взяты, но команды их взбунтовались и наотрез отказались участвовать в богопротивной затее. Не помогли и уговоры настоятеля Рабидского монастыря, почтенного Маркены. Создалось тяжелое положение, походившее на мятеж.

Волнения, потрясавшие маленький Палос, позволяют оценить всю смелость и новизну колумбова предприятия. Даже люди, всю жизнь связанные с морем, не могли вообразить себе столь дерзкого плаванья и считали его затеей чудовищной и противестественной.

Пеналоса прибег к крайним средствам. Он издал приказ, приглашавший преступников наниматься на службу в матросы экспедиции, обещав полное прощение, независимо от тяжести совершенного злодеяния. Но и это не помогло. Охотников нашлось немного даже среди обитателей тюрем.

Колумб учел серьезность создавшегося положения. Пускаться в плавание с принудительно набранным экипажем было равносильно обречению на неудачу всего дела. Он обратился за помощью к семье Пин-

сонов. Пинсоны были лучшими шкиперами побережья. Старший из них, Мартин Пинсон, еще во время совещания в монастыре одобрил план Колумба и обещал ему денежную помощь. Теперь Колумб стал горячо просить Пинсона принять в экспедиции личное участие. Он даже обещал Мартину поделиться с ним возможными прибылями плавания. Когда пять членов семьи Пинсонов заявили о своем участии в колумбовом предприятии, настроение матросов переменилось. Под командой Мартина и его братьев им не раз приходилось бывать на море в тяжелейших положениях. Хотя плавание за Азорские острова задумано потерявшими рассудок людьми и кончится плохо, но с такими капитанами, как Пинсоны, может быть, и удастся осуществить это рискованное предприятие.

Последнее препятствие, таким образом, отпало. В середине июля оснащение трех судов экспедиции близилось к концу. На якорях недалеко от берега покачивалась 280-тонная карака «Санта Мария». Она была самым крупным судном экспедиции. Ее корпус сплошь перекрывала палуба. «Санта Мария» сидела в воде глубоко и грузно. Рядом с нею стояла каравелла «Пинта» в 140 тонн. Это судно имело крытые помещения только на корме и на носу. Середина его была открыта, как в простой лодке. Каравелла «Нинья» («Малютка») в 100 тонн оправдывала свое имя — маленькая и грациозная, она легко скользила по волнам под треугольными парусами.

«Санта Мария», «Пинта» и «Нинья» вполне удовлетворили Колумба. Несомненно, это были лучшие суда, какими располагал Палос. Колумб издержал на экспедицию большую часть суммы в 1.140 тысяч мараведов, отпущенной ему королевской казной. Все ассигнование не превышало 6 тысяч золотых рублей. Израсходование такой суммы не могло причинить

больших затруднений кастильскому казначейству. Поэтому рассказы о бриллиантах, будто бы заложенных королевой ради оснащения экспедиции, нужно отнести к поэтическим вымыслам.

«Санта Марию» должен был вести сам Колумб, начальник всей флотилии. Кормчим этого флагманского судна был назначен Хуан де ла Коса, его владеец, а штурманом — Санхо Руис. Капитаном «Пинты» согласился быть Мартин Алонсо Пинсон, кормчим его брат — Франсиско. Командовать «Ниньей» должен был третий из братьев Пинсон — Висенте Яньос, кормчим ее стал собственник каравеллы Хуан Ниньо.

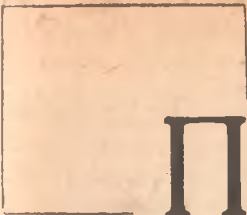
Общее количество матросов, завербованных для экспедиции, достигло девяноста человек. Матросы из Палоса и близлежащих портов нанялись на «Пинту» и «Нинью» под команду Пинсонов. У Колумба на «Санта Марии» оказался разношерстный сброд, обещавший мало хорошего. Вся экспедиция насчитывала сто двадцать человек. В числе отплывающих были королевский нотариус, врач, знаток горного дела, историк, небольшой воинский отряд, слуги. Как это ни странно для тех времен, Колумб не взял ни одного священника. Зато не забыли переводчика — крещеного еврея, знавшего латинский, греческий, еврейский, арабский, коптский и армянский языки. На него возлагалась ответственная задача посредничества между Колумбом и монгольским ханом. Королева передала Колумбу для вручения Великому Хану длинное, составленное в торжественных выражениях, послание. В нем Изабелла красноречиво доказывала превосходство христианства над язычеством и приглашала Хана и его подданных принять крещение.

Незадолго до отплытия Колумб обещал от имени Изабеллы годовую ренту в 10 тысяч мараведов тому

из участников плавания, кто первый увидит землю Индий.

Настал канун отплытия экспедиции. Еще раз проверили мачты, паруса, снасти. Отслужили молебен, окропили святой водой экипажи, корпуса судов. Можно было отправляться в путь. 2 августа вечером Колумб усердно бил поклоны в портовой церкви, а в кабаках царил пьяный разгул. Матросы, робевшие, как дети, перед ожидавшими их испытаниями, не выпускали из рук винных кружек. Когда подошло время посадки на борт, начались раздирающие сцены прощания матросов с их семьями и подругами. Над отплывающими причитали, как над покойниками.

3 августа 1492 года, за полчаса до восхода солнца, маленькая флотилия снялась с якоря, подняла паруса и, обогнув Сальтскую косу, медленно вышла в открытый океан.

П

Первое плавание

По выходе из Палоса Колумб взял курс на юго-запад, к Канарским островам — единственному крупному архипелагу, принадлежавшему испанцам. На Канарских островах он намеревался запастись свежим провиантом, прежде чем двинуться в неизведанную даль океана.

Приподнятое настроение Колумба совершенно не соответствовало душевному состоянию его экипажа. Не успели скрыться из виду берега Испании, как люди на борту впали в уныние. Прежние страхи овладели ими с новой силой. Только боязнь сурового наказания удерживала многих из них от дезертирства.

На третий день после выхода из порта «Пинта» подала сигнал бедствия. Ее руль был поврежден, и судно не могло двигаться дальше. Колумб заподозрил двух владельцев, входивших в состав экипажа, в умышленном повреждении каравеллы. Это, думал он, несомненно проделка этих негодяев, подстроенная для того, чтобы заставить бросить «Пинту» в самом начале. Но ухищрение судовладельцев оказалось тщетным. Ловкому Мартину Пинсону удалось закрепить канатами выбитый руль. Все три судна эскадры двинулись дальше.

Все же «Пинта» не могла плыть с прежней скоростью. Она задерживала всю экспедицию. Колумб решил подыскать на Канарских островах взамен «Пинты» другую каравеллу. Но он обманулся в своих расчетах. Никакие посулы не могли завлечь судовла-

дельцев в столь рискованное предприятие. Пришлось заняться серьезной починкой поврежденной каравеллы — приделать новый руль. Заодно адмирал решил улучшить мореходные качества «Ниньи», отстававшей в пути из-за малых парусов. На ней поставили большие четырехугольные паруса. Непредвиденная задержка отняла три недели. Маленькая эскадра двинулась в дальнейший путь только в конце августа.

В то время, когда суда проходили мимо острова Тенерифа, мощный его вулкан стал извергать лаву и пламя. Весь небосвод был охвачен багрово-красным заревом, берег и даже море сотрясались от подземного гула. Многие матросы, никогда не видевшие извержения вулкана, были подавлены грозной картиной. Суеверные моряки восприняли это явление природы, как предостережение безумцам, покидающим старые земли ради поисков в неизвестности. Это было, говорили они, дурное предзнаменование.

Колумб успокаивал, как мог, свою команду, рассказывал об Этне, приводил в свидетели видевших раньше извержения сицилийского вулкана. Но доводы рассудка не доходили до людей, искавших во всем лишь подтверждения своим страхам. Матросы несколько успокоились лишь после того, как суда потеряли вулкан из виду.

В последний раз перед отплытием в направлении Индий эскадра остановилась у острова Гомеры. Здесь запаслись пресной водой и свежим продовольствием. Жители донесли адмиралу, что к западу от острова крейсируют три португальских судна. Это могла быть ловушка со стороны Жоаньо II, проведавшего о снаряженной испанцами экспедиции и решившего помешать плаванию. Такие опасения были и у кастильских королей, давших Колумбу перед отплытием особое по-

ведение не заходить по пути в Португалию и ее островные владения.

Колумб допускал возможность захвата и насильственного увода его судов. Он поспешил поэтому поскорее сняться с якоря и выйти в открытое море.

6 сентября эскадра оставила Гомеру, а через три дня прошла мимо острова Ферро — крайнего западного пункта архипелага. Экспедиция покинула последний клочок «известного мира». Впереди расстился безбрежный, незнакомый океан.

Когда скрылся Ферро, команду «Санта Марии» покинула последняя надежда на какое-нибудь непредвиденное препятствие в плавании. Матросами овладела апатия. Целые дни валялись они на палубе, поднимаясь изредка лишь для того, чтобы время от времени осмотреть окружающую корабль водную пустыню.

Всеми доступными ему средствами старался Колумб приободрить свой экипаж. Он сходил с капитанского мостика на палубу, собирал команду для бесед о странах, куда они скоро приплывут, говорил о богатстве, ожидавшем каждого из матросов. Но в людях, охваченных страхом смерти, трудно было пробудить даже алчность.

Адмирал понимал всю опасность постепенной деморализации матросов, вызванной безделием и падением дисциплины. С подобной командой на борту судно погибло бы при первом серьезном шторме. Но Колумб остерегался прибегать к крутым мерам, потому что принуждение могло вызвать бунт.

К счастью, флотилия плыла по пути, который впоследствии был назван испанцами «Дорогой дам». В этих широтах почти не бывает морских бурь, и плывущие на запад суда все время находятся в зоне попутных ветров. Очень редко приходится переставлять

паруса, и команда кораблей подолгу свободна от самых тяжелых работ.

На «Пинте» и «Нинье» поведение матросов было иным, чем на «Санта Марии». И здесь много было страхов и господствовала безнадежность, но Пинсоны умели держать своих людей в узде, заставляя их работать и беспрекословно подчиняться.

Несмотря на все огорчения, причиняемые Колумбу командой, он был очень бодр и уверенно вел экспедицию вперед. Каждое утро извлекал он карту Тосканелли и определял положение судов, дальнейший курс и остающееся до азиатских берегов расстояние. Ему не приходилось идти вперед ощупью — перед ним была разработанная во всех деталях морская трасса. Еще перед отплытием из Гомеры он дал капитанам «Пинты» и «Ниньи» указание: в случае бури, если бы капитаны потеряли между собою связь, они должны следовать 700 лиг* прямо на запад, а затем лечь в дрейф и ожидать подхода флагманского судна. 700 лиг, по карте Тосканелли, как раз соответствовали расстоянию до Чипанго.

В начале плавания Колумб завел на флагманском судне шканцевый журнал, в который ежедневно заносил длину пути, пройденного за истекшие сутки. Однако на «Санта Марии» был не один, а два журнала. Один из них Колумб вел секретно только для себя. В него адмирал вписывал действительные длины пройденных расстояний, как он определял их из собственных наблюдений. Во второй журнал, доступный экипажу, Колумб изо дня в день вписывал преуменьшенные величины. Так, например, 10 сентября, когда прошли по оценке Колумба 60 лиг, он вписал во вто-

* Лига — старая испанская мера длины — около $5\frac{1}{2}$ километров.

рой журнал только 48, при 20 лигах отметил только 16.

Этим Колумб стремился, видимо, несколько успокоить своих подчиненных, создать у них иллюзию близости покинутых берегов.

13 сентября, в 200 лигах от Ферро, Колумб натолкнулся на необычайное явление природы. Стрелка корабельного компаса начала вдруг отклоняться от положенного ей направления. Вместо Полярной Звезды она стала показывать на пять с половиной градусов западнее. Колумб был поражен новым явлением и стал пристально изучать дальнейшее поведение компаса «Санта Марии». В течение следующих дней отклонение все возрастало.

Адмирала очень беспокоило впечатление, которое может произвести на команду таинственное расстройство главного навигационного прибора. Он надеялся скрыть это неприятное обстоятельство, но неправильное указание компаса было вскоре замечено лоцманами. Они рассказали об этом матросам. Снова со всех сторон стали раздаваться жалобы и ропот. Говорили, что флотилия вступила в часть океана, где законы природы перестали действовать. Каравеллы скоро лишатся возможности направлять свой путь и затеряются в бесконечных морских просторах.

Еще раз Колумб принялся успокаивать команду, уверять, что стрелка компаса попрежнему указывает точно на север. Изменила свое положение Полярная Звезда. Она сдвинулась по отношению к ушедшим далеко на запад судам экспедиции.

Импровизированное объяснение несколько успокоило матросов.

Колумб очень легко строил гипотезы, объясняя на свой лад встречавшиеся на его пути загадочные яв-

ления природы. В своих предположениях он иногда поднимался до научных догадок, представлявших большой интерес и ценность. Колумб был первым европейцем, наблюдавшим отклонение магнитной стрелки в западной Атлантике. Ему же первому пришла мысль об использовании этого явления для определения географических долгот.

14 сентября над кораблями появились птицы. Когда матросы узнали среди них цаплю, они стали радостно кричать, что земля должна быть близко. Колумб из карты Тосканелли знал, что до земли еще очень далеко, но не хотел разочаровывать своих людей.

Медленно проходили дни. Вокруг трех каравелл, скользивших по легкой зыби, расстилалась все та же водная пустыня под синим, безоблачным небом. Пассаты быстро гнали суда к западу. Они надували паруса, умеряли тропический зной. Но матросы не замечали окружавшего их великолепия. Они были охвачены разочарованием и печалью. Надежда на близость земли их обманула. К тому же они стали бояться и дующего без усталости попутного ветра. Что если в этой части океана не бывает других ветров? Как вернуться они на родину?

Колумб ежедневно записывал в свой секретный журнал большие цифры пройденных расстояний и тут же рядом заносил восторженные заметки об окружающей природе. Целые страницы заполнял он красочными описаниями моря и неба, ясности воздуха, его приятной прохлады. Он сравнивал бодрящую свежесть, царствующую в этой части океана, с апрельскими утрами в Андалузии и сожалел, что для полного сходства нехватало только трелей соловья.

Никогда не покидавшее Колумба острое чувство природы было привлекательнейшей его чертой. Из

дневников, писем и докладов Колумба можно выбрать увесистый том описаний, которые могли бы поспорить с лучшими страницами Руссо и Шатобриана. Труды генуэзца особенно привлекательны тем, что автор и не подозревал их литературных достоинств.

В середине сентября каравеллы стали встречать растения, плавающие на воде. Яркая зелень их служила волнующим напоминанием о земле. По мере движения судов вперед зеленые островки становились все больше и больше. Наконец, флотилия оказалась как бы на изумрудном лугу. Впервые люди Старого Континента увидели Саргассово море. Теперь матросы стали уже бояться, как бы суда не сели на эти зеленые мели и не были опутаны и скованы плавающими растениями. Колумб много раз бросал лот. Море здесь было глубоко, и это успокаивало команду. Но шум растений, задеваемых корпусом «Санта Марии», еще в течение многих дней продолжал пугать матросов.

В один из этих дней на водорослях нашли живого краба. По общему мнению, он забрался сюда с суши. Близость ее подтвердили и трясогузки, пролетевшие над судном. Настроение команды снова поднялось. Колумб радовался, что общее уныние сменилось оживлением, и не умерял восторгов.

Теперь команды судов стали состязаться в скорости. Каждая из каравелл хотела первой подойти к земле. Быстроходнее всех была «Пинта». Подняв все паруса, она скоро вырвалась вперед.

19 сентября над флотилией пролетело множество птиц. На мачты «Санта Марии» сели два пеликана. Колумб решил, что каравеллы прошли мимо одного из нанесенных на карту Тосканелли островов — Антилии или какого-нибудь другого, откуда и прилетели эти птицы. Но целью Колумба были земли

Индий. Он решил поэтому плыть вперед, не теряя времени на поиски этих островов.

Прошло еще несколько дней, и матросы «Санта Марии» убедились, что все признаки близости земли их обманули. Корабль изо дня в день все больше удалялся от Испании, не встречая на своем пути ни одного островка. Снова стали громко раздаваться голоса ропота и недовольства. В отдаленных от капитанского мостика углах начали собираться по два-три человека, а затем и большие группы. Матросы возбуждали друг друга против Колумба — проклятого безумца, ради своих фантастических планов и жажды славы завлекшего их в эту водную пустыню. Они уже достаточно повиновались ему. Теперь надо силой повернуть судно и поплыть обратно к Канарским островам, пока еще оставалось достаточно воды и жизненных припасов.

Колумб будет жаловаться, но какое значение могут иметь жалобы этого иностранца?

Впрочем, спор между честолюбивым адмиралом и испанскими моряками можно решить и по-другому — выкинуть его за борт, а по прибытии на родину сказать, что он свалился в море во время астрономических наблюдений.

В эти дни Колумб старался держаться подальше от разбушевавшихся матросов. Он ухмылялся про себя при мысли, что команда потеряла терпение как раз к тому времени, когда экспедиция уже подходила к цели. Сколько ни прикидывал Колумб, он приходил к одному выводу: его маленькая флотилия находилась у окраин Азии. Тому порукой была карта.

25 сентября к флагманскому судну вплотную подошла «Пинта». Колумб долго совещался с Мартином Пинсоном. Оба сошлись на том, что экспедиция уже

достигла долготы архипелага Тысячи Пряных островов и Чипанго.

Вечером того же дня Мартин Пинсон громко закричал с мостика «Пинты»: «Земля, земля! Сеньор, награда королевы принадлежит мне!» Пинсон показывал на юго-запад, где на горизонте виднелась темная черта. Началась общая радость. Колумб упал на колени. Команды трех судов затянули хвалебную молитву. Колумб велел переменить курс на юго-западный и идти навстречу замеченному берегу. Плыли всю ночь, а на утро, когда встало солнце, видение земли испарилось вместе с предрассветным туманом. Перед глазами отчаявшихся людей простиралась та же бескрайняя водная равнина. Надо было плыть дальше. По приказанию Колумба вся флотилия снова легла на западный курс.

Теперь вокруг судов носились стаи птиц. Признаки земли появлялись все чаще. На мачты садились пеликаны, над головами команды со щебетом носились мелкие пичуги. Даже наиболее мрачно настроенные моряки не могли не поддаться новой надежде.

Радуюсь близкому окончанию плавания, матросы вспомнили о награде, обещанной королевой первому моряку, увидевшему землю. Они стали взлезать на мачты, усердно обозревать горизонт. При тихой ясной погоде низкие облака очень походили на отдаленный берег. То и дело раздавались крики: «Земля, земля!» Но то был лишь обман зрения. Чтобы покончить с этими ложными тревогами, Колумб объявил, что моряк, подавший ложный сигнал, лишается в дальнейшем права на получение награды.

1 октября лоцманы трех кораблей занялись подсчетом пройденного расстояния. Лоцман «Санта Марии» определил путь, проделанный от Канарских островов,

в 580 лиг. В колумбовом журнале, предназначенном для экипажа, значилось 584 лиги, а в тайном журнале — 707 лиг.

Спокойная уверенность в успехе плавания, не покидавшая Колумба со дня отплытия из Палоса, подвергалась теперь жестокому испытанию. Флотилия уже прошла расстояние до Чипанго, указанное Тосканелли, но до земли не добралась. Может быть, течения отнесли ее к югу или северу от правильного пути, и, оставив Японию в стороне, суда идут теперь прямо к Азиатскому материку?

Колумб как бы поменялся ролями со своей командой. Матросы верили в близость земли, адмирал был обескуражен.

6 октября вечером Мартин Алонсо Пинсон стал настаивать перед Колумбом на изменении курса судов. Он предложил взять направление на юго-запад. Туда летели птичьи стаи. Следуя за ними, флотилия придет к земле. Пинсон сослался на португальцев, нередко ориентировавшихся во время разведывательных плаваний на полет птиц. Но Колумб боялся сбиться с пути. Тосканелли в своем письме упорно подчеркивал необходимость следовать прямо на запад. Вопреки доводам Пинсона, Колумб приказал плыть дальше в западном направлении.

Наутро многим матросам показалась в отдалении длинная береговая линия. «Пинта» тотчас распустила паруса и умчалась вперед. Через некоторое время на ее мачте взвился флаг и грянул пушечный выстрел. Но радость длилась недолго — и на этот раз низкие утренние облака ввели моряков в заблуждение.

7 октября сбитый с толку Колумб решил последовать совету Пинсона и переменил курс. Над судами, поплывшими в юго-западном направлении, пролетали

большие стаи воробьев. Трудно было допустить, чтобы эти слабые птицы долго держались вдали от суши. Несомненно, земля близка.

Три дня плыли корабли в новом направлении. Признаки земли становились все явственней. Стаи цапель, пеликанов, воробьев и других пернатых кружились над судами, обгоняли их в своем стремительном полете к югу. Воздух звенел от птичьего пенья. У борта каравелл резвились тунцы и дельфины. По воде носились свежавывранные травы, наполнявшие воздух ароматом. В своем дневнике Колумб в этот день записал: «Воздух был так приятен и благоухал, как апрельское утро в Севилье».

Близость земли с каждым часом становилась все более несомненной. Однако душевное состояние людей как раз в эти дни снова стало подавленным. Ничто уже не могло вызвать в матросах новый подъем духа. Слишком часто обманывались они в своих ожиданиях. Нервы их были вконец издерганы. Частые переходы от надежды к отчаянию толкали матросов на крайние поступки.

Долго назревавший бунт вспыхнул на «Санта Марии» 10 октября. Матросы окружили Колумба. Еще минута — и он будет сброшен в воду. Но несколько человек, не потерявших окончательно головы, воспротивились расправе. Без Колумба не найти обратной дороги. Надо заставить его самого повернуть назад.

В эти критические часы Колумб проявил большое мужество. Он стал взывать к здравому смыслу бунтовщиков. Продовольствия и воды на обратный путь нехватит. К тому же суда нуждаются в ремонте. При таком положении больше шансов на спасение в том, чтобы следовать дальше на запад.

Колумб был прав — это ясно было всякому. Но его правота только усиливала ненависть к нему матросов.

Этот проклятый чужестранец завлек их в ловушку и теперь цепко держит в своих руках.

Долго еще бушевали матросы, грозили смертью виновнику всех бед. Колумбу трудно было спорить с ними, потому что он сам начал терять веру в свое дело. Еще накануне в разговоре со старшим Пинсоном он намекнул на возможную неудачу плаванья и на предстоящий в таком случае поворот судов на восток.

Чем мог адмирал успокоить своих подчиненных? Если признаки близости земли не обманут меня и на этот раз, думал он, то суда должны достигнуть берега в ближайшие дни. Надо обещать команде повернуть назад, если в течение трех дней суда не подойдут к суше.

Предложение Колумба было принято матросами. Для них положение стало, наконец, ясным. Еще три дня, и «Санта Мария» поплывет навстречу Испании; кончится этот долгий, как тяжелый сон, путь в неизвестное.

11 октября мимо «Санта Марии» по воде пронеслась большая, свежеобломленная ветвь шиповника в цвету. Только злая воля могла теперь оспаривать очевидность приближения к берегу. Нет ли, однако, в этом дьявольского наваждения?

Вечером команда выслушала речь Колумба о продоланном плаваньи. Суда флотилии не претерпели ни одной бури. Благоприятные ветры несли каравеллы на своих крыльях. Сейчас они пришли, наконец, к своей великой цели. Возможно, что уже в ближайший день они увидят азиатский берег. Надо непрерывно наблюдать за горизонтом, сменять дозорных. Тому, кто первый увидит землю, Колумб, сверх королевской награды, обещал от себя шелковый плащ.

11 октября после захода солнца Колумб велел пе-

Открытия, сделанные Колумбом в его первом и втором путешествиях

ременить курс снова на западный. Он уже три ночи не смыкал глаз. Как заключенный в клетку зверь, метался он по узким мосткам. Воспаленные глаза на пылавшем, обветренном лице были прикованы к линии горизонта, где давно погас закат.

Колумб заметил вдруг движущуюся в ночном мраке отдаленную светящуюся точку... Что это — мерцание звезды или огонь на далеком берегу? Он позвал Педро Гутьереса, указал ему на запад. Не видит ли он огня? Гутьерес долго приглядывался и затем утвердительно кивнул: да, он тоже видит свет. Тогда Колумб окликнул Родриго Санчеса и задал ему тот же вопрос. Но как ни пялил Санчес глаз, он не видел ничего в окружавшей судно тьме. Колумб и сам усумнился в виденном и решил не подавать сигнала.

Так проплыли еще четыре часа. В два часа пополудни с шедшей впереди «Пинты» раздался пушечный выстрел. С верхушки ее мачты матрос Педро Триана увидел в неверном свете луны темный, низменный берег в двух лигах от корабля. На этот раз сомнений не могло быть. С берега доносились звуки, воздух наполнен был густым ароматом тропического леса. Суда убрали паруса и на виду у берега легли в дрейф до утра.

Все тревожения и страхи сразу покинули участников плавания. На смену им пришло лихорадочное ожидание рассвета. Никто не спал. Всякий жаждал поскорее ощутить под ногами твердую землю после тридцати семи дней, проведенных в томительном плавании. Солдаты чистили оружие, матросы чинили одежду. Адмирал привел их к землям Великого Хана, к стране чудес, где все богато и прекрасно. Надо постараться не уронить достоинство Кастилии перед монголами, закованными в золотые латы, осыпанные жемчугами и драгоценными камнями.

Нетерпеливо вглядывался Колумб в темный берег, как бы стараясь сорвать с него покровы мрака. Увидит ли он при свете загорающегося дня раскрашенные башни буддийских пагод, а рядом с ними на море бесчисленные суда катаяских купцов, груженные райским зерном (перцем), шафраном, амброй и ладаном? Или перед ними откроются окраины владений Хана, и солнце осветит залитые водою рисовые поля, возделываемые одетыми в шелк крестьянами?

В эту историческую ночь Колумб был охвачен радостным предчувствием великих дел, которые ему суждено совершить в будущем. Счастливое окончание плавания он воспринимал, как преддверие в жизнь, исполненную громкой славой и успехов. Генуэзец не мог знать, что он находится не в начале, а в конце своей исторической роли, что все его значение исчерпалось в тот момент, когда он привел к благополучному окончанию свое изумительное плавание, впервые соединившее Европу с новым западным континентом.

Для доброго имени этого человека было бы лучше не высаживаться на открытые им земли. Вся дальнейшая жизнь его будет лишь цепью жалких поступков и нагромождением бед, которые приведут его к печальному концу.

Прежде чем последовать за адмиралом на берег, скажем несколько слов о судьбе награды, обещанной Изабеллой первому, увидевшему землю. Матрос Педро Триана по возвращении в Испанию стал требовать присуждения ему ренты в 10 тысяч мараведов. Ни у кого не возникало сомнений в справедливости этого требования. Однако удовлетворению его воспротивился Колумб. «Землю, — заявил он, — первым увидел я».

Дело было передано в суд. В то время звезда Колумба горела еще очень ярко, и судьи удовлетворили

его домогательство. Триана был так потрясен причиненной ему несправедливостью, что скоро покинул Испанию, перебрался на жительство в Марокко, где и принял магометанство. Очевидно, бедняга крепко не взлюбил бога, имя которого было постоянно на устах Колумба.

Гуанагани

Когда рассвело, моряки увидели перед собой низменный остров, покрытый богатой растительностью. Колумб вместе с двумя своими капитанами, братьями Пинсон, и королевским нотариусом сели в шлюпку и поплыли к берегу. Колумб облачился в начищенную медную кольчугу, поверх которой была наброшена пышная пурпурная мантия. В руках адмирала был кастильский флаг. Высадившись на берег, Колумб объявил остров владением королей и назвал его Сан Сальвадором.

Туземцы, наблюдавшие за церемонией с опушки леса, рискнули немного приблизиться к Колумбу и его спутникам. Это были совершенно голые люди со стройными, коричнево-красными телами, покрытыми цветными разводами. Приближаясь с большой осторожностью к появившимся диковинным существам, они на каждом шагу падали ниц, поднимая руки кверху. Так они надеялись умиловить белолицых богов, сошедших к ним с неба.

Дружелюбные жесты Колумба вскоре рассеяли их страх. Они окружили испанцев, стали щупать их лица, бороды, одежду. Многие хватались за клинки шпаг, раня себе при этом пальцы. Этот эпизод обрадовал Колумба. Туземцы, видимо, незнакомы с металлическим оружием. В руках мужчин были только короткие деревянные копья с укрепленными на их концах рыбьими костями.

Колумб увидел перед собою слабые, безобидные существа. Он решил установить с ними добрые отношения.

Первое изображение прибытия Колумба в Индию

ния. На его судах было запасено много бус, колокольчиков, всяких побрякушек, обычно служивших португальцам для меновой торговли с неграми на

Гвинейском берегу. Он стал одаривать ими мужчин и женщин.

Восторгам туземцев не было конца. На берегу собралась огромная толпа. Счастливые обладатели бубенчиков привязывали их к своим прямым, жестким волосам и затем до одурения трясли головой, упиваясь музыкальным их звоном. Голые красавицы кокетливо повязывали вокруг шеи длинные нити разноцветных бус.

Вскоре со всех сторон гостям стали нести ответные подарки: яркоперых попугаев, мотки хлопчатой пряжи, кассаву — подобие хлеба, изготовленного из юкки. Осмелевшие туземцы стали кружить на длинных узких пирогах около трех сидевших на воде огромных птиц, из утробы которых вышли белые существа.

Колумб назвал жителей острова индейцами, иначе говоря — жителями Индии или Азии. Он заметил, что жители острова лишены понятия о стоимости вещей. Во всяком случае, они оценивали их на свой, особый лад. Они с равным удовольствием принимали от испанцев бусы, колокольчики и кусочки битого стекла, даже черепки от разбитой глиняной посуды. В обмен они предлагали все, что имели, часто в большем количестве, чем у них просили.

Дальнейшее знакомство с обитателями Индий ознаменовалось важным открытием. Адмирал заметил у нескольких индейцев кусочки золота, подвешенные к мочке ушей или продетые в ноздри. Вот оно, наконец, долгожданное золото!

Он стал предлагать за него лучшие побрякушки. Высадившиеся на берег матросы тотчас же начали обходить шалаши туземцев, осматривать поголовно всех встречаемых обитателей острова, забирать все золото. Индейцев удивило такое пристрастие небожителей к кусочкам желтого металла. Они охотно снесли гостям

все их палочки и пластинки. Между матросами, рыскавшими в поисках золотых украшений, начались драки. Колумб тотчас же велел морякам отдать ему все добытое ими золото. Он объявил, что право присвоения драгоценного металла принадлежит только ему, вице-королю, собирающему его для кастильской казны.

Колумб пытался разузнать у туземцев, откуда они добывают драгоценный металл, кто их вождь, в какую сторону следует плыть, чтобы добраться до столицы их государства. Переводчик обращался на всех известных ему азиатских языках, но к общему удивлению индейцы его не понимали. Пришлось объясняться при помощи жестов. Где-то на юге лежит большая страна. Там много золота. Мужчины показывали на покрывавшие их гела рубцы от ран и жестами объясняли, что на остров напали какие-то свирепые люди, похищавшие пленников. Кое-как выяснили, что остров называется туземцами Гуанагани*.

Колумб стремился поскорее отправиться в дальнейший путь. 14 октября, накануне отплытия эскадры, он с группой матросов на шлюпках совершил разведку берега Гуанагани. Плыв вдоль острова, он видел ряд расположенных у берега селений. При появлении шлюпок с белыми индейцы делали призывные жесты, прося плывущих высадиться к ним на землю, протягивали подарки. Если шлюпки не останавливались, туземцы пускались за ними вплавь или догоняли на пирогах. В этот день, отмеченный обильными знаками покорности и обожания, Колумба осенила мысль. Он сообразил, что эти безоружные, жалкие

* Теперь он носит название Ватлинг. Это — маленький островок среди тысяч других, образующих Багамский архипелаг, тянущийся длинною дугою от полуострова Флориды к острову Гаити.

существа можно заставить работать на испанцев. Он записал эту идею в дневник, не забыв при этом отметить, что наитие свыше сошло на него в воскресный день. Адмирал не ошибался, полагая, что индейцы своим трудом смогут создать груды хлопка, добывать золото.

При столь широких планах об'ясняться с туземцами посредством мимики можно было только на первых порах. Их надо будет научить языку белых. Начать следует с обучения нескольких человек. Адмирал велел захватить и насильно усадить на каравеллы семь туземцев.

Крейсирование в архипелаге

14 октября вечером суда снялись с якоря и покинули Гуанагани. Шли всю ночь мимо множества мелких островков и к половине следующего дня подплыли к большому острову, названному Колумбом Консепсион. Пленные с Гуанагани уверяли, что жители этого острова носят тяжелые золотые браслеты. Этого было достаточно, чтобы Колумб решил остановиться здесь для меновой торговли. Вероятно, история о браслетах была придумана пленниками, рассчитывавшими бежать, как только суда подойдут поближе к берегу. Их хитрость отчасти удалась, и трое пленных вскоре скрылись.

Бежавшие, вероятно, рассказали индейцам Консепсиона о чудесных украшениях, имеющих у похитивших их белых. Один из жителей рискнул отправиться к судам на челне с грузом хлопчатой пряжи. Подплывая к одной из каравелл, он остановился в нерешительности. Матросы, решившие, что этого индейца нужно взять взамен бежавших, набросились на него и потащили наверх.

Но Колумб опасался возбудить недовольство туземцев. Он велел привести к себе нового пленника. Дрожавший всем телом индеец упал перед ним ниц, положив к его ногам умиловительную жертву — связку пряжи. Колумб поднял туземца, надел ему на голову красную шапочку, повязал вокруг кистей несколько ниток зеленого бисера, а к ушам подвесил погремушки. Затем велел матросам усадить его обратно в пирогу и отпустить на землю.

На берегу толпа островитян окружила счастливого обладателя невиданных богатств. Белых перестали бояться, тотчас же между испанцами и индейцами завязалась оживленная торговля. Золота, однако, на острове не оказалось. На мимические расспросы о местах, богатых этим металлом, все индейцы и здесь, как на Гуанагани, указывали на юг.

Флотилия поплыла дальше. В открытом море испанцы захватили маленькую пирогу, которой управлял индеец, плывший в одном направлении с судами Колумба. В пироге был кусок кассавы, высушенная тыква, наполненная водою, и немного красной глины для раскрашивания тела. На шее у индейца оказалось бисерное ожерелье, какие были розданы жителям Гуанагани.

Было несомненно, что индеец совершил огромный переход по морю, чтобы разнести весть о появлении на островах белых гостей. Колумб дал индейцу вина и патоки, щедро одарил его и отпустил у большого острова, к которому каравеллы приплыли к ночи. Расчеты Колумба оправдались и на этот раз — туземец послужил хорошим вестником. На утро корабли флотилии окружило множество пирог, испанцам предлагали плоды, съедобные коренья, воду. Колумб раздавал побрякушки, сахар и патоку.

Остров был взят адмиралом во владение Испании

и назван в честь короля Фернандиной. Здесь Колумб увидел на туземцах некоторое подобие одежды—старые женщины носили передники из хлопчатой бумаги. Но большинство жителей обоего пола были совершенно голыми. Жилища их строились из жердей, покрытых листьями. Колумба и его спутников удивили висячие постели из плетеных хлопчатых веревок, протянутых между сваями. Индейцы называли их гамаками.

На Фернандине отношение индейцев к белым было такое же, как и на ранее посещенных островах: поклонение, соединенное с робостью. Туземцы отдавали испанцам все, что имели. Но кассава, попугай, хлопок и ключевая вода не могли удовлетворить мореплавателей, прибывших за несметными богатствами.

Колумб торопился на юг. Он был уверен, что эскадра крейсирует между пресловутыми Пряными островами, описанными Марко Поло. Но никто из экипажа не знал толку в пряностях. Колумб решил подробно обследовать архипелаг на обратном пути. Теперь же надо поскорее добраться до Чипанго.

Предвкушая близость богатых областей Востока, адмирал не оставался, однако, холоден к красотам посещенных им островов. В своем дневнике он описывает их в восторженных выражениях. О Фернандине он пишет: «Ее рощи прекраснее всего, что мне случилось видеть на своем веку. Природа здесь так приятна, зелень так свежа, как май в Андалузии. Деревья, плоды, травы, цветы, самые камни так же отличаются от испанских, как день отличен от ночи».

Приведем описание другого острова, которого эскадра достигла 19 октября и назвала в честь королевы Изабеллой: «Я не знаю, куда идти прежде. Глаза мои не могут насытиться этой прелестной зеленью... Здесь есть большие озера. Рощи, которые их окру-

жают, очаровательны. Птицы поют так, что, кажется, никогда не расстался бы с этими местами. Попугаи летают тучами и застилают солнце. Здесь я вижу великое множество всяких птиц, больших и малых. Они так не похожи на наших, что это — истинное чудо. Тысячи пород деревьев, и каждое из них имеет свой плод, удивительно вкусный».

Вряд ли Колумб писал все это с холодным сердцем, расхваливая земли, оказавшиеся лишенными обещанных богатств.

Но в дневниках Колумба лирические отступления постепенно становятся все короче. Энергия адмирала сосредоточивается на мало поэтических целях. «Я иду дальше исключительно ради золота и пряностей», — повторяет он много раз. Он подолгу расспрашивает индейцев о местах, богатых благородным металлом. Но взаимное понимание между туземцами и Колумбом крайне затруднено. Скупой язык жестов допрашиваемых им краснокожих адмиралу приходится восполнять догадками. Это приводит подчас к курьезным результатам.

Жители Фернандины будто бы сказали Колумбу, что на острове, названном им впоследствии Изабеллой, он найдет большой город, в котором властвует могучий царь, облаченный в дорогие одежды, носящий тяжелые золотые украшения и обладающий несметными сокровищами. На Изабелле он, разумеется, не нашел ни царя, ни его столицы, ни золота, хотя и потратил на их поиски несколько дней; зато ему стало казаться, что Изабелла богата пряностями.

Уже подъезжая к этому острову, Колумб жадно втягивал в себя ароматный воздух тропиков. Он был уверен, что на него веет пряным духом островов, о которых писал ему Тосканелли. «С земли повеял такой пряный и сладостный запах, что я был очарован.

Я думаю, что здесь есть много деревьев и кустарников, годных для красок и лекарств, имеющих в Испании высокую цену. Но я ничего не смыслю в этих вещах, что меня очень огорчает».

На Изабелле Колумб снова долго и обстоятельно допрашивает индейцев. И еще раз он придает их жестам собственное толкование. На юге от Изабеллы будто бы лежит огромный остров. Он ведет обширную торговлю пряностями, золотом и жемчугом. Большие купеческие корабли приходят торговать с его жителями.

Теперь Колумб уже знает все, что ему нужно. Достаточно заглянуть в письмо Тосканелли, чтобы прийти к бесспорному выводу. Этот остров и есть долгожданный Чипанго. Колумб решает немедленно сняться и плыть к нему. На Чипанго он пробудет лишь короткое время, соберет побольше золота, а затем двинется дальше к индийскому материку. Там уже нетрудно будет отыскать великолепный Кинсай, предстать перед Великим Ханом, вручить ему послание королевы и после блестящего завершения всех назначенных дел с ответным ханским письмом направиться в обратный путь.

Куба

Флотилия покинула Изабеллу 24 октября в полночь. Пройдя мимо множества мелких островов, корабли через два дня подошли к устью широкой реки, текущей по обширной территории. Пленники с Гуангани показывали знаками, что земля, к которой пристал Колумб, огромна и что ее нельзя обойти на пироге и в двадцать дней. Указывая на сушу, индейцы произносили: «Куманакан». В голове Колумба тотчас возникло воспоминание о Кублай-Хане. Если здесь

находится резиденция Кублая, то, значит, Колумб добрался уже до азиатского материка, до провинции Манги, где властвовал этот монгольский владыка.

Колумб оказался в большом затруднении. Ему предстояло выбирать между двумя гипотезами: он находился либо в Японии, либо в Катае. Географическая головоломка причинила в дальнейшем адмиралу немало забот.

Для разрешения мучивших его вопросов Колумб решил поскорее установить сношения с туземцами, которые убегали в леса при первом появлении каравелл. Адмирал истолковал страх туземцев на свой лад. Он высказал предположение, что жители этого берега воюют с Ханом и потому спасаются бегством от испанских каравелл, принимая их за грозные эскадры Хана.

1 ноября Колумб велел своему переводчику отправиться одному на шлюпке и разяснить жителям, что суда не принадлежат Великому Хану и что прибывшие намерены установить с ними добрые отношения. Когда шлюпка отделилась от «Санта Марии» и направилась к берегу, там собралась большая толпа. Переводчик, остановивший лодку на небольшом расстоянии от сбившихся в кучу туземцев, прокричал им на халдейском, арабском, армянском и других известных ему языках слова приветия и дружбы, потом бросился в воду и стал плыть к берегу.

На этот раз индейцы рискнули встретиться с подплывавшим к ним белолицым существом. Они дружелюбно приняли посланца, хотя и не поняли его слов. Эта встреча придала им смелости. К стоявшей поодаль эскадре вскоре подплыло множество пирога с водой, попугаями, кассавой и хлопком. Но на этот раз Колумб запретил экипажу производить обмен побрякушек на что бы то ни было, кроме золота.

Адмирал считал, что у подданных Хана его должно быть очень много. Но золота у туземцев не было. Только у одного из них в ноздре была продета серебряная палочка.

Индейцы называли свою землю Кубой. Колумб взял ее во владение Испании и дал ей имя Хуаны в честь старшего сына королевы. Краснокожие кое-как объяснили адмиралу, что царь их живет в четырех днях ходьбы от берега. Колумб понял, что это и есть резиденция Хана и решил немедленно направить к нему делегацию из переводчика Луиса Торреса и офицера Родриго Хереса. Проводниками к ним были приставлены один из пленников Гуанагани и житель Кубы.

Колумб дал своим посланникам обширные инструкции. Они должны передать восточному владыке, что к нему прибыл адмирал кастильских королей для установления дружественных отношений между двумя державами, что адмирал собирается лично вручить Хану королевское послание и подарки. Торрес должен был собрать по пути сведения о городах, армии, богатствах страны и не позже, чем через шесть дней, вернуться к эскадре.

Уморительное посольство к туземному царьку очень характерно для предприятий Колумба. Его сознание было поглощено отысканием места, занимаемого открытыми им землями, на карте Индии. Ничего нет удивительного, что географические представления Колумба в конце концов невообразимо спутались, так как с каждым днем становилось все труднее уложить новый мир на прокрустово ложе карты Тосканелли.

Посланники вернулись 6 ноября. Их тесно обступили участники экспедиции, жаждавшие поскорее узнать подробности о сказочной столице Кублай-Хана.

Торрес и Херес рассказали, что в двенадцати лигах от берега они нашли селение, состоявшее из пятидесяти хижин. Это и была столица. Туземцы приняли их очень радушно, усадили на почетный пенёк, а сами уселись вокруг него на земле, приготовившись внимательно слушать. Торрес обращался к ним на всех известных ему азиатских языках, но его не понимали. Тогда роль оратора перешла к индейцу, привезенному из Гуанагани. Он стал расхваливать перед собравшимися могущество и доброту белых богов, приплывших к их берегам. Туземцы почтительно выслушали речь, а затем стали ощупывать лица, бороды, одежду испанцев.

Ни золота, ни серебра послы не нашли. Они показали индейцам принесенные с собою корицу, перец и другие пряности, но жители отрицательно качали головами: таких растений у них нет. Когда разочарованные послы приготовились отправиться в обратный путь, множество индейцев выразило желание сопровождать их. Туземцы решили, что им представлялся случай побывать на небе, куда белые боги должны будут подняться на своих крылатых судах.

Посланные рассказали, что на обратном пути они видели, как многие туземцы скатывают в трубочки листья какого-то растения, похожего на капусту, потом зажигают один конец их, а другой берут в рот и жадно втягивают и выдыхают из себя дым. Туземцы называют это растение «табак». Питаются индейцы какими-то корнями, выкапываемыми из земли и очень похожими по виду на яблоки, только с темной кожей.

Итак, еще раз ожидания не сбылись. Но Колумб обладал способностью упорно поддерживать в себе иллюзии. Он снова начал расспрашивать обитателей

о богатствах их страны. Из непонятных слов адмирал почему-то заключил, что к востоку от Кубы есть земля, где жители при свете факелов собирают на берегу большой реки золото, которое они затем сбивают молотками в бруски. Страну эту одни называли Бабек, другие же Квисей. Квисей адмирал истолковал, как Кинсай, Небесный город Катая.

12 ноября на рассвете эскадра Колумба отплыла на поиски сказочного Бабека. Перед отплытием с Кубы адмирал взял к себе на судно шестерых мужчин, семерых женщин и троих детей. На этот раз Колумб сделал первую планомерную попытку порабощения индейцев. Вместе с мужчинами он забрал женщин и детей, так как из опыта работорговли на гвинейском берегу он знал, что таким путем ему скорее удастся приручить захваченных.

Корабли двигались теперь в юго-восточном направлении. Сначала следовали за всеми изгибами кубинского берега, а 19 ноября вышли в открытое море. Здесь эскадру застигла первая за время плавания буря. Колумб подал двум каравеллам сигнал следовать за ним и повел флагманское судно к берегу, чтобы там отыскать бухту, где можно было бы укрыться от шторма. «Нинья» последовала за «Санта Марией», но «Пинта» неожиданно стала уходить к востоку. Колумб повторил сигнал, однако «Пинта» и на этот раз не обратила на него внимания. При приближении ночи Колумб велел привесить к мачтам фонари в надежде, что Пинсон заметит их и вернется к экспедиции. Но когда наступило утро, Колумб убедился, что «Пинта» скрылась.

Мартин Пинсон не раз открыто высказывал недовольство Колумбом. Нищий чужестранец, заискивавший в нем во время совещаний в ла Рибиде и при подготовке плавания в Палосе, теперь держался вы-

сокомерно, не принимал советов, требовал беспрекословного повиновения. Данное в тяжелую минуту обещание поделиться доходами от плавания адмирал теперь забыл.

Все это вызывало озлобление Пинсона. К тому же он считал необходимым ускорить плавание, не задерживаясь на бессмысленных расспросах туземцев. Мартин Алонсо решил поэтому действовать самостоятельно.

Дезертирство Пинсона сильно взволновало Колумба.

Адмирал не мог сомневаться в значении поступка командира «Пинты». Он заподозрил его в желании воспользоваться быстроходностью каравеллы, чтобы первым возвратиться в Испанию. Там Пинсон сумеет приписать себе всю заслугу благополучного завершения экспедиции.

Колумб начал форсировать окончание плавания. Его не покидало больше стремление поскорее завершить первую разведку и как можно раньше отплыть обратно в Европу. Но все же он считал совершенно необходимым до возвращения получить неоспоримые доказательства наличия золота и пряностей, что одно только могло оправдать в глазах королей все предприятие.

Восточного края Кубы Колумб достиг только 5 декабря. Он принял его за крайнюю точку азиатского материка и потому назвал мысом Альфа и Омега — Начало и Конец. Адмирала очень соблазняло желание обогнуть этот мыс и проследовать вдоль южного берега Кубы, которую он считал резко выдвинутым на восток азиатским полуостровом. Но для подобного предприятия у него теперь не было времени. К тому же, он боялся, как бы Пинсон не завладел раньше него богатствами Бабеки.

5 декабря, крейсируя у мыса Альфа и Омега, Колумб заметил в северо-восточном направлении покрытую горами землю и направился к ней. Захваченные на Кубе индейцы стали кричать: «Богио, Богио» и делать умоляющие жесты, прося адмирала не приближаться к этой земле. Из их жестов Колумб понял, что на острове живут страшные одноглазые людоеды. Встречный ветер долгое время мешал судам подойти к острову. Адмирал вынужден был в течение целого дня любоваться на расстоянии прекрасным горным пейзажем, яркозелеными лугами, широкими возделанными долинами, по которым текли многочисленные реки. Ночью весь остров сверкал огнями. Колумб находился перед густо населенным Гаити.

6 декабря к концу дня «Санта Мария» и «Нинья» вошли, наконец, в большую естественную гавань, но уже на следующий день снова вышли в море и начали обходить северный берег острова. Здесь было множество бухт, одна удобнее другой. Колумб задержался в одной из них, которой дал имя Порта Копсепсьон. Рыбы, выловленные матросами, напоминали им рыб Испании, с гор дул свежий ветерок, Колумбу почудилось даже пение соловья, по которому он так долго скучал. Все напоминало морякам родину. Колумб назвал остров Эспаньолой — Маленькой Испанией.

12 декабря Колумб проделал обычную церемонию присоединения острова к испанским владениям. На берегу водрузили большой деревянный крест.

За дни, протекавшие со времени появления испанцев на острове, им не удалось еще приблизиться к жителям, в панике удиравшим от пришельцев, как только те спускались на берег. Колумб применил свой обыч-

ный способ приручения пугливых туземцев. Он велел изловить нескольких человек. Отправившиеся на охоту матросы вскоре привели к нему на судно совершенно нагую миловидную дикарку. На этот раз адмирала ожидала приятная новость — ноздри и мочки ушей женщины были увешаны золотыми украшениями. Колумб разукрасил туземку всевозможными побрякушками и чуть ли не силой отослал ее на берег: она была так очарована подарками и ласковым приемом, что долго упиралась, не желая покидать корабль.

На другой день Колумб отрядил на берег команду из десяти человек, приказав им разыскать ближайшее туземное селение. В пяти лигах от берега они нашли деревню из тысячи хижин, покинутую жителями, бежавшими в лес.

Надо было начать переговоры. Для этого один из кубинских пленников отделился от команды и направился на поиски бежавших. Найдя их, он стал всячески расхваливать перед ними белых богов, сошедших с неба и обходящих землю, раздавая ее жителям великолепные дары. Переговоры дали ожидаемый эффект, панический страх постепенно уступил место любопытству. Бежавшие стали выходить из лесу и осторожно приближаться к белым. Руки их лежали на головах в знак глубочайшего почтения и смиренной покорности.

Вскоре индейцы совсем оправились от страха, ввели гостей в свои жилища и стали угощать лучшими своими яствами: кассавой, рыбой, плодами и кореньями. Испанцы были восхищены радушием туземцев. Однако и здесь они не нашли ожидаемых богатств. Жители Эспаньолы были людьми неприхотливыми, питались вылавливаемой в реках рыбой и утками, за которыми охотились при помощи силков. Землю они возделывали только для получения кассавы. Ни-

каких признаков восточной пышности и богатства на Эспаньоле нельзя было обнаружить. Жители были скорее бедны.

*Индейцы
С испанской гравюры начала XVI века*

Колумба, вскоре познакомившегося с туземцами острова, поразило полное отсутствие у них частной собственности и совершенное их бескорыстие. «Когда они ободраются и страх их проходит, — писал он, — то предлагают с готовностью все, что у них есть. Надо быть свидетелем подобных вещей, чтобы им поверить. Когда у них просишь что-нибудь, они никогда не отказывают, но дают тотчас же, и обнаруживают при этом такую радость, как если бы отдавали свое сердце. И какую бы вещь вы ни предложили им вза-

мен, имеет ли она ценность или нет, все равно — они довольны ею... На всех этих островах, насколько я успел заметить, каждый мужчина довольствуется одной женой. Но своему старшине они дают по двадцати жен. Женщины у них работают, кажется, больше мужчин. Я не могу добиться, известно ли у них разделение собственности. Думаю, однако, что на принадлежащее одному имеют право все, в особенности — в отношении пищи».

Ни прекрасный климат острова, ни радушие его жителей не могли, однако, удержать здесь Колумба. Он стремился вперед — поскорее добраться до сказочно богатой Бабеки. Уже 14 декабря эскадра снялась с якоря.

Идя вдоль Эспаньолы, Колумб остановился 16 декабря в глубокой гавани, названной им Портом Мира. Здесь Колумба посетил важный кацик — царек, которого принесли на носилках четыре туземца. За кациком следовал почетный эскорт в двести человек.

Царек в сопровождении двух старших своих советников вошел к Колумбу, когда тот обедал. Адмирал усадил гостя и стал предлагать ему еду и питье. Кацик принимал все, но только прикасался губами к яствам. Великолепным жестом, сохраняя все время величественную осанку, передавал он угощения своим подчиненным. При расставании царек подарил Колумбу две плитки золота и пояс. Колумб предложил гостю кусок сукна, красные башмаки и стакан померанцевой настойки. Стороны остались очень довольны друг другом. Колумб надеялся вскоре вывести у кацика о местонахождении золотых россыпей Бабеки.

Кацика с почестями спустили на берег. Там выстроился длинный кортеж. Впереди с большой торжественностью несли подарки, за ними в носилках

следовал кацик, сопровождаемый своим почетным караулом, на некотором расстоянии несли сына кацика, а за ними шел его брат, поддерживаемый с двух сторон слугами.

22 декабря Колумба посетила депутация от кацика Гуаканагари, властвовавшего над большей частью острова. Депутация привезла адмиралу дары: пояс из костей и камешков и деревянную головку с глазами, носом и языком из золота. Гуаканагари просил Колумба перевести суда к востоку, поближе к его резиденции, лежавшей у самого берега. Колумб готов был выполнить пожелание кацика немедленно, но неблагоприятная погода заставила его отложить отплытие до 24 декабря. Однако и в этот день внезапно наступивший штиль позволял двигаться лишь очень медленно.

В 11 часов вечера, в рождественский сочельник, медленно ползшие суда находились в полутора лигах от столицы Гуаканагари. Колумб, не покидавший обычно во время плавания капитанского мостика, на этот раз доверился господствовавшему на море штилю и отправился спать. Рулевой, воспользовавшись отсутствием адмирала, передал штурвал юнге, а сам последовал примеру Колумба. Вскоре вся команда судна погрузилась в глубокий сон. Тем временем корабль относилось течением в сторону от курса. «Санта Мария», ведомая неопытным мальчиком, вдруг села на песчаную мель.

Юнга разбудил Колумба. Он немедленно отрядил группу матросов на шлюпке, приказав им бросить якорь с кормы. Этот маневр еще мог спасти «Санта Марию». Матросы, потерявшие голову, бросились в шлюпку, однако вместо того, чтобы исполнить приказание адмирала, пустились вдогонку «Нинье». Когда они доплыли до «Ниньи», Висенте Пинсон приказал им направиться назад и немедленно выполнить рас-

поражение Колумба. Но было уже поздно. «Санта Мария» легла на бок, в ней образовалась течь. Колумб велел срубить мачту, чтобы облегчить корабль, но и это не помогло. Адмиралу и команде не оставалось ничего другого, как покинуть тонущее судно и перебраться на «Нинью».

Гуаканагари отрядил людей на пирогах помочь белым спасти с тонущего корабля наиболее ценное. Помощь туземцев была так своевременна и энергична, что на берег удалось перевезти почти все имущество «Санты Марии». Кадик сделал очень многое, чтобы облегчить Колумбу эти тяжелые часы. По его приказу, имущество сложили в хижины для защиты от непогоды.

Все туземцы проявляли самое горячее участие в злоключении белых. Их сердечность была так трогательна, что Колумб, поглощенный своими бедами, в эти дни записал в своем журнале: «Эти люди так добры, так кротки и ласковы, что, могу заверить ваше величество, в целой вселенной нет ни лучшего народа, ни лучшей страны».

26 декабря Колумб в большом унынии сидел на борту «Ниньи». Он очутился перед труднейшей задачей. Единственная из оставшихся у него каравелл не могла перевезти всех белых обратно на родину. Придется оставить на Эспаньоле часть экипажа. Но как заставить людей поселиться на острове на долгие месяцы?

Дальнейшие события позволили Колумбу легко выйти из затруднения. 27 декабря к «Нинье» подплыла пирога, привезшая из соседней деревни индейцев, желавших обменять имевшиеся у них золотые плитки на погремушки. Слава о чудесной вещице — бубенце — быстро разнеслась по всему острову. Индейцы воспылали к ней любовью. Жители Гаити лю-

били пляски. Их сопровождала самая нехитрая музыка — удары палкой о выдолбленный пень. Можно себе представить, какой райской мелодией представлялся танцору звон бубенцов, привешенных к его волосам.

Гуаканагари заметил наступившее среди его белых гостей радостное возбуждение. Колумб и его экипаж словно забыли о постигшей их беде. Когда кацик понял причину радости Колумба, он рассказал ему, что недалеко в горах есть место, где этого металла так много, что его не подобрать. Место это называется Чибоа (здесь Колумб снова вспомнил о Чипанго).

Туземцы продолжали осыпать белых всевозможными знаками внимания. Гуаканагарий устроил для гостей большие празднества. Колумб решил, что настал удобный момент показать индейцам свое могущество. Он велел выстрелить из пушки. От страшного гула туземцы в ужасе упали на землю. Колумб велел затем выстрелить в прибрежный лес — и индейцы увидели, как толстые деревья превратились в щепы. После этого адмирал приказал стрелять в цель из ружей. Этот наглядный урок могущества белых Колумб считал полезным для дальнейших отношений с туземцами.

Между тем к «Нинье» каждый день продолжали приплывать индейцы с золотыми плитками. Мы уже говорили, что матросы обязаны были сдавать все золото вице-королю Индий. Но Колумб решил закрыть глаза на их мелкие плутни. Золото накапливалось не только у Колумба, но и в матросских сундуках. Эспаньола стала очень мила сердцу моряков.

Наряду с золотом, испанцев привлекала к Эспаньоле возможность беспечного существования. С удивительной быстротой стали они принимать угощения и подарки, как должное, и смотреть на индейцев, как

на подчиненные существа. Особенно избаловала их господствовавшая на острове простота нравов. Незамужние женщины были здесь легко доступны, и каждый из матросов Колумба скоро обратился в белолицего султана, окруженного гаремом.

Когда Колумб стал говорить со своими людьми о необходимости покинуть часть экипажа на Эспаньоле, охотников обосноваться на острове оказалось очень много. На Эспаньоле решено было оставить сорок человек, в том числе инженера, врача, плотника, портного. Командовать остающимися должен был Диего де Арана.

Колумб все же побоялся оставить вынужденных колонистов без должной защиты. Он приказал построить форт с башней и окружить его рвом. Адмирал рассчитывал, что форт этот явится ядром будущего поселения. Для постройки форта употребили остатки корпуса «Санта Марии». В крепости установили пушки, пороховой погреб снабдили огнестрельными припасами.

Колумб решил оставить гарнизону большое количество продовольствия и семена для производства посевов. Адмирал много раз говорил остающимся, что их главной задачей должно быть отыскание на острове золотых руд. С присущим ему оптимизмом Колумб надеялся, что за время его отсутствия гарнизон соберет не меньше тонны золота.

27 декабря, через три дня после гибели «Санта Марии», адмиралу донесли, что видели у берегов Эспаньолы бежавшую «Пинту». Колумб попросил кадика немедленно направить к ней пирогу с несколькими туземцами и испанцем, которому он вручил письмо для Мартина Пинсона. В очень мягких выражениях просил он своего капитана поскорее присоединиться к «Нинье». Через три дня после отплытия на

розыски лодка вернулась. Она обследовала берег на расстоянии тридцати лиг, но нигде «Пинты» не обнаружила.

Гуаканагари и его подданные были счастливы, что не все белые покинут их землю. Наивные туземцы не подозревали, что, усердно помогая строить форт, они закладывают фундамент своего порабощения. Вся постройка была закончена в несколько дней. Адмирал назвал возведенную крепость Фортом Рождества.

2 января Колумб торжественно распрощался с гарнизоном форта и кадиком и перебрался на приготовившуюся к отплытию каравеллу. Но полный штиль два дня не позволял «Нинье» тронуться в путь. Она отплыла только 4 января.

Через два дня после отплытия от Форта Рождества на горизонте показались паруса «Пинты». Каравелла на полном ходу шла на сближение с адмиралом. После встречи Мартин Пинсон стал заверять Колумба, что его отсутствие было невольным. Колумб сделал вид, что поверил рассказу Пинсона. Он не рискнул наказать неверного помощника, ни даже выбрать его. Про себя же решил, что капитан не нашел золота, для завладения которым он отделился от эскадры. Вместе с тем Мартин Пинсон, повидимому, раздумал направиться в одиночку в Испанию, боясь навлечь на себя гнев королей.

С присоединением «Пинты» отпала основная причина, заставлявшая Колумба торопиться с возвращением в Испанию. Он решил теперь внимательно осмотреть берег Эспаньолы.

Вскоре каравеллы вошли в устье большой реки. Здесь Колумб увидел трех тюленей, случайно забравшихся в эти южные широты. Тюлени долго плыли за судами. Адмирал никогда раньше не встречал в

своих плаваниях этих морских животных. Он принял их за... сирен. Глядя на их черномазые головы, Колумб не мог поверить, что подобные непривлекательные обитательницы моря могут сводить с ума мореходов. Как откровенно признался адмирал на страницах своего дневника, у него ни на минуту не возникало желания броситься в море за «соблазнительными» русалками.

Гораздо привлекательнее сирен оказались блестящие крупицы, оставшиеся на обручах бочек, которыми черпали воду из реки. Колумб увидел в этом доказательство исключительно богатого содержания драгоценного металла в речном песке и назвал реку Золотой. Вернее всего, бредивший золотом адмирал видел только блески кварцевого песка.

12 января экспедиция оказалась у берегов области, населенной туземцами, не похожими ни на одно из племен, виденных испанцами до сих пор. Это были индейцы со свирепым выражением лица и воинственной осанкой. Тела их были густо размаLEVаны. В волосах, завязанных пучком кверху, торчали перья попугаев. В руках этих людей Колумб увидел луки со стрелами, дубинки и большие деревянные мечи, сделанные из тяжелого и твердого, как железо, дерева. Это было племя Чигаев, населявшее горную часть Эспаньолы. Чигаи были грозой мирных индейцев Гаити и Кубы.

По приказанию Колумба матросы поймали одного из горцев и доставили на «Пинту». Колумб угостил пленника медом и сахаром, а затем велел свезти его на берег.

Когда шлюпка с матросами стала приближаться к расположившимся на берегу горцам, вооруженным дротиками, дубинками и стрелами, они скрылись за деревьями. Находившийся с матросами горец сказал

Тогда несколько слов, успокоивших чигаев. Они положили оружие и вышли к матросам. Началась мена. Но вдруг горцы схватились за оружие, рассчитывая, очевидно, легко справиться с кучкой пришельцев.

После короткой схватки два чигая были убиты, а остальные, уstraшенные блеском мечей и шпаг, обратились в бегство.

Это была первая кровь, пролитая испанцами в открытых ими землях.

16 января, пользуясь попутным ветром, адмирал отплыл на юго-восток для отыскания земли карибов, канибов или каннибалов. Он хотел взять с собой в Испанию нескольких представителей этого племени, обитавшего на острове, названном впоследствии Порто Рико. Карибы находились в непрерывной войне с племенами, жившими на посещенных Колумбом островах. У них было в обычае поедать своих пленных.

Но адмиралу не удалось в этот раз добраться до Порто Рико. Команды обеих каравелл, торопясь на родину, стали проявлять все возрастающее недовольство. Адмирал начал бояться, как бы оба его капитана, братья Пинсоны, не подбили матросов на открытое возмущение. Это заставило его персменить курс и направиться на северо-восток, к Испании.

16 января вечером Колумб и его спутники в последний раз увидели в лучах заходящего солнца берега Эспаньолы.

Обратный путь

Пассаты, так помогавшие эскадре при плавании на запад, теперь, при обратном движении на восток, делали ее путь очень тяжелым. Суда еле подвигались вперед. Колумб решил подняться на север, чтобы выйти на широту Испании и на этой параллели плыть

уже прямо к востоку. Такого ступенчатого курса придерживались мореплаватели тех времен, когда определение долгот представляло большие трудности и было еще очень неточным. Помимо навигационных преимуществ, Колумб рассчитывал таким курсом выйти из области встречных ветров.

Расчеты адмирала оправдались. Когда эскадра поднялась на север до 38-й северной параллели, пассаты остались к югу от нее. Теперь, при благоприятных ветрах, обе каравеллы понеслись по прямой линии к родным берегам.

10 февраля на «Нинье» собрались лоцманы и капитаны, чтобы определить местонахождение судов. По общему мнению, суда находились на широте Мадейры и близко от берегов Португалии. Колумб по ряду несомненных признаков установил, что в действительности они были на широте Азорских островов, при этом на расстоянии не менее 150 лиг от Европы.

12 февраля матросы и офицеры обеих каравелл ожидали с часу на час увидеть берега Португалии. Но неожиданно поднялась жестокая буря. По океану заметались свинцовые волны. Налетавшие на флотилию порывы ветра были столь яростны, что судам грозила потеря всех парусов вместе с мачтами. Паруса пришлось убрать. Оба судна, потерявшие управление, обратились в игрушку взбудораженной водной стихии. В довершение бед налетела гроза, полил дождь и открытые суденышки начали наполняться водой.

В таком отчаянном положении обе каравеллы два дня носились по вспененным волнам, как две брошенные рядом щепки. Только к 14 февраля ветер несколько спал. На «Пинте» передняя мачта была очень слаба, и Мартин Пинсон теперь не рисковал поставить ни одного паруса. Его продолжало нести ветром прямо на север. На «Нинье» же адмирал, же-

лавший воспользоваться затишьем, велел поднять часть парусов, чтобы кое-как удержать курс на восток. Теперь каравеллы стали двигаться в разных направлениях и вскоре потеряли друг друга из виду.

Измученная команда «Ниньи» вычерпывала воду и давала набожные обеты. Еле державшиеся на ногах матросы метали жребий, кто из них в случае спасения должен будет совершить паломничество к Гваделупской богоматери, а кто отстоит всенощную в Могерской церкви.

Обеты увеличивались, но буря не унималась. Колумб был уверен, что «Пинта» уже погибла. Он перестал надеяться и на собственное спасение. Им овладело отчаяние. Все труды его погибнут. Никто в Испании не узнает об островах и землях, им открытых. Сорок человек, оставленных на Эспаньоле, до конца своей жизни напрасно будут ждать его возвращения.

Уверенный в неминуемой гибели, адмирал решил написать письмо о результатах плавания и в просмоленной бочке бросить его в море. Для верности он написал два одинаковых письма. Одно бросил в бочке за борт, другое оставил на «Нинье», поставив бочку с ним так, чтобы она всплыла в минуту крушения.

Перед лицом смерти Колумба оставило его тщеславие. Он думал о людях экспедиции, о своих детях. «Это бедствие могло бы мне казаться менее ужасным, если бы я не был окружен людьми, которых увлек с собой против их воли и в отчаянии проклинающих не только минуту своего отплытия со мною, но и страх, который внушали им мои слова и который удерживал их от возвращения на родину, что они намерены были сделать не один раз. Но более всего приводит меня в отчаяние воспоминание о моих детях, оставленных мной в Кордове, — одних, без всякой защиты, в чужой земле, без всякого доказательства о заслу-

гах отца, которые могли бы побудить ваши величества взять их под свое покровительство».

15 февраля на рассвете небо вдруг прояснилось и ветер утих. «Нинья» снова поставила часть парусов и пошла к востоку. Через несколько часов увидели землю. Радость матросов была на этот раз, пожалуй, не меньшей, чем при приближении к Гуанагани. Лопман «Ниньи» был уверен, что каравелла находится у Лиссабона. В действительности же перед судном был один из островов Азорского архипелага. Долго не утихавшее волнение не позволяло приблизиться к берегу. Только вечером третьего дня подошли к нему вплотную и бросили якорь.

Колумб, жестоко страдавший в эти дни от подагры, отправил на берег трех моряков, чтобы выяснить, у какой земли они находятся. С ними в одежде кающихся отправилась половина команды для исполнения одного из обетов, данных во время бури. Вскоре к каравелле подплыла португальская шлюпка, сообщившая адмиралу, что перед «Ниньей» находится Азорский остров Св. Марии. Прибывшие привезли, по приказу губернатора острова, свежее продовольствие и воду для терпящего бедствие судна.

Колумб горячо благодарил португальцев и стал ждать спустившихся на берег людей. Но ни посланные на разведку матросы, ни отправившиеся на моление не возвращались. Колумб стал подозревать неладное. Несмотря на огромную усталость оставшихся на борту людей, он велел сняться с якоря и начал двигаться вдоль берега в надежде увидеть с каравеллы своих людей.

Как выяснилось впоследствии, всех спустившихся на остров португальцы задержали. Губернатор намеревался арестовать и Колумба, как только он сойдет на берег. Враждебность властей Азорского архипела-

га была вызвана инструкциями из Лиссабона о задержании испанской эскадры в случае ее появления у португальских владений. Больной Колумб не спустился на берег, и это расстроило планы португальцев.

Адмирал объяснял себе враждебность властей острова тем, что между Испанией и Португалией, как видно, происходит война, вспыхнувшая за время его отсутствия. Положение было тяжелым. Без задержанного экипажа каравелла не сможет добраться до Испании — на «Нинье» осталось только три здоровых матроса. В случае прямого нападения португальцев каравелла не сможет даже защищаться.

Опасения Колумба скоро рассеялись, появился шлюп, в котором находился сам губернатор. Португальцы побоялись, очевидно, возможных репрессий и решили покончить дело миром. После переговоров, длившихся два дня, Колумб получил, наконец, своих людей и смог сделать необходимые приготовления для отплытия в Европу.

24 февраля «Нинья» подняла паруса и направилась на восток. Плыли три дня при благоприятном ветре и спокойной погоде. Когда каравелле осталось пройти около 100 лиг до португальского мыса Св. Винсента, снова налетела ужасная буря. 2 марта ураганным ветром изорвало все паруса «Ниньи». Опять маленькое суденышко оказалось на грани гибели; вновь начались обеты и метание жребия, какие паломничества кому совершить в случае спасения. Когда ночью 3 марта матросы увидели столь желанный берег, это вызвало в них вместо радости ужас — потерявшей управление «Нинье» угрожала опасность разбиться о прибрежные скалы.

Но вот буря стала понемногу ослабевать, и 4 марта «Нинья» вошла, наконец, в устье Таго. Колумб мог бы теперь продолжать свой путь до испанского порта,

но он решил воспользоваться представившимся случаем и навестить Португалию. «Нинья» бросила якорь в порту Растело.

Отсюда Колумб направил Изабелле и Фердинанду весть о своем благополучном возвращении. Впервые в этом документе адмирал употребил по отношению ко всем открытым им землям имя Индий, хотя, как мы видели, он нигде не нашел того, что было связано в представлении его современников с этой частью света.

Одновременно с кратким посланием своим королям Колумб отправил письмо Жоаньо II, прося у него разрешения на заход «Ниньи» в Лиссабон под тем предлогом, что он опасается ограбления его каравеллы, «везущей много золота из открытых им Индий» в пользующемся дурной славой порту Растело. Вся история с опасностью пребывания в Растело была выдумана Колумбом для того, чтобы досадить королю, дважды пренебрегшему его услугами. Он рассчитывал получить приглашение ко двору, своими рассказами вызвать у Жоаньо позднее сожаление и показать ему всю огромность его потери. В своих ожиданиях Колумб не ошибся. Жоаньо разрешил перевести «Нинью» в Лиссабон, а самого адмирала пригласил в Вальпарайсо, резиденцию, расположенную вблизи столицы.

Король принял адмирала с большим почетом и просил рассказать об его открытиях. Колумб не пожалел красок, расписывая перед Жоаньо страны, откуда он прибыл. Хитрый Жоаньо сумел скрыть свою досаду от бывшего просителя. Он выслушал Колумба с благосклонной улыбкой, а затем заявил, что земли, посещенные адмиралом, должны в силу договора Португалии с королями Кастилии от 1479 года принадлежать португальской короне. Ведь Колумб только бо-

лее коротким путем проник в страны, которые уже сто лет искали португальские мореплаватели. Все нехристианские страны Востока были на вечные времена закреплены папской буллой за Португалией.

Высокомерный и независимый тон Колумба вызвал большое раздражение у португальских придворных. Некоторые из них предлагали Жоаньо свои услуги: можно затеять ссору с Колумбом и затем разделаться с ним. Более тонкие советовали снарядить экспедицию и отправить ее немедленно в области, откуда вернулся Колумб.

Между тем Колумб, получив удовлетворение за прежние обиды, нанесенные ему Жоаньо, вернулся на «Нинью». 13 марта он вышел из португальской Лиссабона, а утром 15 марта 1493 года бросил якорь в Палосе.

Триумф в Испании

Жители Палоса, увидевшие в своем порту «Нинью» после отсутствия в течение семи с половиной месяцев всяких вестей об эскадре, устроили ей восторженную встречу. Купцы закрыли лавки, во всех церквах звонили колокола. Радость жителей маленького порта возросла еще больше, когда через несколько часов после «Ниньи» в порт вошла «Пинта». Палосцы теперь узнали, что все люди, принимавшие участие в экспедиции, остались живы.

Общего веселья не разделял только Мартин Пинсон. Он был мрачен и заперся в своем доме. Его постигла большая неудача. Когда «Пинта», уцелев от гибели, пристала к Байонне в Бискайском заливе, Пинсон поспешил уведомить королей о своем благополучном прибытии и о намерении направиться ко двору, чтобы доложить о результатах плавания. Мартин

Алонсо оставался в Байонне в ожидании возвращения гонца. Тот привез капитану строгий запрет появляться при дворе и повеление ожидать адмирала. Подобная немилость страшно огорчила Пинсона. Он поспешил сняться с якоря и направился в свой родной Палос. Здесь он появился в разгар народных увеселений, устроенных в честь Колумба.

Пинсон умер через три дня после возвращения домой. Как говорили в Палосе, он проклял на смертном одре час, когда связал свою судьбу с Колумбом.

Слухи о необыкновенном плавании, совершенном эскадрой Колумба, быстро разнеслись по Испании. Моряки с «Пинты» и «Ниньи», ставшие героями дня, изоощрялись в измышлении чудес, виденных ими в странах, откуда они прибыли, а стоустая молва разносила эти рассказы по всем углам страны.

Следует ясно представить себе положение Колумба ко времени его возвращения из плавания. Вскоре ему предстоит отдать отчет пославшим его королям. Что мог он сообщить им? Вместо чудесных городов Востока и их блестящих обитателей он видел в посещенных им землях лишь девственную природу и нагих, первобытных ее детей. Видел ли он Великого Хана? Тысячи Пряных островов, сотни кораблей с грузом перца, имбиря, мускатного ореха и других пряных и благовонных веществ... Видел ли он все это? Он привез с собою какие-то остро пахнущие растения, но даже сам увлекающийся адмирал подозревал, что это не те пряности, на отыскание которых его благословил Тосканелли.

Он собрал очень мало золота — гораздо меньше того, что нужно было для оплаты затрат на экспедицию. Чем мог он подтвердить свою уверенность в изобилии золота на Эспаньоле? Он мог только сослаться на малопонятные слова и жесты дикарей.

Все, что привез он с собой, не представляло большой ценности, хотя и могло возбудить любопытство: сотня золотых слитков, множество пестрых попугаев, незнакомые экзотические семена и плоды, наборы туземного оружия и несколько голых индейцев, полуживых от тяжелых испытаний долгого морского пути.

Колумб не решался сообщить королям неприкрашенную правду о посещенных им землях. Кроме того, он искренно верил, что еще извлечет груды золота из недр Эспаньолы. Поэтому, не кривя душой, он принялся прикрашивать действительность. В подготовленном им длинном отчете он сообщил Фердинанду и Изабелле, что на посещенных им островах и землях изобилуют пряности. Там — огромные россыпи золота. Оставленные в форте Рождества люди ко времени возвращения Колумба соберут груды драгоценного металла.

Заверяя королей в несметных богатствах открытых им земель, Колумб совершил самый опрометчивый шаг в своей жизни: он сеял очень опасные иллюзии.

Адмирал отправил в Барселону, где в то время находился двор, гонца со своим отчетом, а сам переехал в Севилью и остался там ждать приказаний Изабеллы. 30 марта прибыл ответ. «Донну Кристовалу Колону, адмиралу моря-океана, вице-королю и губернатору островов, открытых в Индии», велено было немедленно начать в Севилье приготовления к новой экспедиции. Только после обеспечения скорого второго плавания он должен был прибыть с докладом ко двору.

Видно, Колумб своим отчетом до такой степени возбудил алчность владык Испании, что они не хотели ни на минуту откладывать овладение богатствами Индий. Они готовы были оставить на некоторое время свое любопытство неудовлетворенным,

лишь бы было сделано все необходимое для скорейшего нового отплытия адмирала.

Колумб отдал все распоряжения для подготовки новой флотилии. После этого в сопровождении экзотического кортежа он направился к Барселоне через весь полуостров. В городах и селах, лежавших на пути следования адмирала, собирались огромные толпы народа.

По стране двигалась невиданная процессия. Впереди шли привезенные им индейцы, с головы до пят увешанные золотыми украшениями. Хотя для этого пришлось употребить все добытые экспедицией золотые плитки и палочки, но эффект получился огромный — жители Индии были покрыты золотом. За индейцами выступали моряки, державшие в руках попугаев и чучела зверей и птиц. Дальше на плоских щитах несли куски дерева и всевозможные корни и зерна — это были пряности. За всем этим великолепием верхом на белом коне следовал сам адмирал в сопровождении блестящей свиты рыцарей, облаченных в сверкавшие на солнце доспехи.

Было чем вскружить голову легко воспламенявшимся испанцам. Со времени празднеств по случаю победы над маврами они не видели более блестящего зрелища. Богатства Индии стали отныне притчей во языцех. О них с жадностью говорили в замках, к ним устремились надежды обитателей крестьянских хижин.

В середине апреля Колумб прибыл в Барселону. Здесь, по распоряжению королей, были сделаны грандиозные приготовления для встречи героя. Когда Колумб приблизился к столице Каталонии, из стен ее навстречу ему выехала кавалькада рыцарей и гidalго. Адмирал с большим трудом двигался со своими трофеями по улицам города. Все площади,

балконы и даже крыши покрылись любопытными, приветствовавшими адмирала восторженными криками.

Королева хотела придать приему характер всенародного празднества. Она велела поставить троны на высоком помосте в обширном зале мавританского Алькасара так, чтобы сквозь окна церемония приема видна была толпе.

Под высоким балдахином из алой альмерийской парчи, затканной золотом, Изабелла и Фердинанд ожидали своего адмирала. Вошедшего в зал Колумба короли встретили стоя, а после того, как он преклонил перед ними колени и поцеловал руки, они усадили его подле себя. Никому еще кастильские короли не оказывали подобной милости.

Колумб начал свой длинный рассказ о чудесах, виденных им в далеких землях Индий. Со свойственным его речи обаянием говорил он о добрых, как дети, обитателях тех стран, живущих среди природы, прекрасной как рай, о птицах и зверях, каких не знают во всем западном мире, о пряностях и благовониях, гниющих несобранными на месте, где они произрастают, и о неисчерпаемых количествах золота — в песке, слитках, самородках. В подтверждение своих слов он красноречивым жестом указывал то на попугаев, то на индейцев, то на их украшения.

Фердинанд и Изабелла даже прослезились от умиления. Тут же был отслужен благодарственный молебен за ниспослание золота и новых подданных.

Дни, проведенные адмиралом в Барселоне, были, несомненно, счастливейшими в его жизни. Фердинанд и Изабелла не скупилась на проявление своего благоволения. За все время пребывания в столице Каталонии Колумб был их личным гостем. Они предоставили ему один из лучших дворцов Барселоны.

Колумб ездил верхом по городу рядом с королем и принцем Хуаном. На улицах его встречали овацями. Самые надменные гранды Испании низко кланялись ему. Знатнейшие рыцари домогались чести войти в состав второй экспедиции.

В жизненных успехах Колумба, превзошедших самые дерзкие мечты его честолюбия, была, однако, слабая сторона: эти успехи покоились на созданном им самим золотом мираже. Как говорит историк Уинсор, — «Все, с кем только ему приходилось говорить о чудесах новооткрытых земель, относились к нему с одинаковым чувством восторга и надежды. Всем им, как и ему самому, грезились золотые города с сотнями мостов, где их ожидали новые торжества, в сравнении с которыми уже достигнутое было ничтожно. Испанцы жадно устремились на роковую приманку, и никому не было суждено искупить безумные мечты такими горькими мучениями, как самому Колумбу».

Да, мучения Колумба были уже совсем близки. Уже отмечалось, что апогеем исторической роли Колумба явился момент, когда он приплыл к острову Гуаанагани. Для личной его судьбы такой высшей точкой было время пребывания в Барселоне. Скоро начнется крутой спад, и ткач, обратившийся, как в народной сказке, в блестящего царедворца, станет клонить голову все ниже и ниже под ударами, сыплющимися на него с постоянством и силой, достойными греческой трагедии. Однако не один «рок» будет повинен в бедах адмирала. Большую роль сыграет несоответствие Колумба задачам, взваленным на его плечи.

Из Барселоны весть об испанских открытиях распространилась через иностранных послов по всем соседним странам. Так как в те времена земли, найденные Колумбом, мог закрепить за Испанией только

римский папа, то Фердинанд направил в Рим послов хлопотать об издании соответствующей папской буллы.

3 мая 1493 года папа Александр VI издал знаменитую Демаркационную буллу. По ней Испания получала во владение еще не занятые христианскими королями земли, лежащие на запад от меридиана, проведенного в 100 лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. За Португалией закреплялись все земли к востоку от этой линии. Этим актом папа размежевал зоны разведывательных предприятий Испании и Португалии и предупреждал таким образом возможные между этими двумя королевствами споры.

Однако, несмотря на решение всесильного главы церкви, Португалия пока не думала отказываться от посылки на запад разведывательной эскадры. Слухи о приготовлениях в Лиссабоне достигли Фердинанда, и он стал торопить Колумба с отплытием. Пока же испанская королевская чета осыпала адмирала все новыми знаками внимания.

20 мая Изабелла и Фердинанд пожаловали Колумбу дворянский герб. Колумб настоял на том, чтобы на геральдическом щите были помещены цвета «герба его предков». Однако этим честолюбие адмирала еще не было утолено. Он изменил геральдические изображения так, что его герб стал походить на королевский. Хотя эта дерзость и сошла ему с рук, но она вызвала сильное недовольство королей.

28 мая по настоянию беспокойного Колумба Изабелла и Фердинанд еще раз подтвердили договор о причитающихся ему почестях и прибылях. Сверх того, адмиралу была вверена королевская печать. Был также издан указ об отводе Колумбу и его спутникам даровых квартир по всей Испании, куда бы они ни

явились. Колумб добился также распоряжения о специальном вице-королевском и адмиральском жалованье.

В самом бодром настроении духа Колумб готовился покинуть двор, чтобы стать во главе второй экспедиции.

28 мая, после торжественного прощания с королями, Колумб покинул Барселону. В первых числах июня он был уже в Севилье, где стал деятельно готовиться ко второй экспедиции. Ему помогал в этом севильский архидьякон Хуан ди Фонсека, назначенный Изабеллой представителем королей для наблюдения за организацией плавания.

С первых же дней Фонсека начал противиться чрезмерным тратам адмирала. Особое негодование Колумба вызвали возражения Фонсеки против чрезмерного количества людей, набранных Колумбом для личного услужения. Это сразу обострило их отношения, которые еще ухудшились, когда адмирал обратился с жалобой к королеве. Изабелла приказала Фонсеке уступить. С этих пор Фонсека затаил злобу против Колумба. Впоследствии архидьякон, ставший всесильным председателем совета по делам Индий, причинил Колумбу немало обид и горя.

Как не походила эскадра, готовившаяся к отплытию из Кадикса, на ту, которая год назад ушла из Палоса! Теперь экспедиция состояла из семнадцати судов: трех тяжелых карак и четырнадцати каравелл разной величины. Число людей, отправляющихся в Индии, Колумб хотел было ограничить тысячей. Но адмирала осаждали просьбами со всех сторон. Вскоре состав экспедиции вырос до тысячи двухсот человек, а к моменту отплытия достиг полутора тысяч. Она состояла из самого разнообразного люда: здесь были крестьяне — поселенцы на новых землях,

были и ремесленники—плотники, каменщики, кузнецы, нужные для возведения городов и крепостей.

Но преобладали все же люди без определенной профессии, стремившиеся в Индии исключительно ради золота и приключений. Это были первые конкистадоры, бродяги-завоеватели, передовая группа тех испанцев, которые в течение последующих десятилетий залили кровью индейцев весь американский континент. Среди них было немало дворян, отправлявшихся в путешествие на собственном иждивении. Они рассматривали себя как пайщиков предприятия, сулившего огромные барыши.

В числе отплывающих был монах Бойль, которого папа назначил своим наместником в новых землях. С Бойлем отправлялось одиннадцать других монахов. Королева крестила в Барселоне нескольких индейцев, привезенных Колумбом. Этих первых краснокожих христиан отсылали теперь на родину для того, чтобы они служили примером своим собратьям. Когда один из них умер, отслужили благодарственный молебен; наконец-то, одна языческая душа попала в рай.

В состав экспедиции входили Понс де Леон, будущий покоритель Флориды, Алонсо де Охеда, отличившийся в войнах с маврами, и много других знатных рыцарей, чиновников, блестящих офицеров.

Всеми этими людьми должен был руководить Колумб. В нем олицетворялось все обширное предприятие, стоившее кастильской казне огромных затрат, он один нес за него полную ответственность.

25 сентября 1493 года глубоко сидевшие в воде суда, переполненные людьми, запасами продовольствия, семенами, лошадьми и оружием, снялись с якоря и отплыли, наконец, в далекую Эспаньолу.

К

Гибель форта Рождества

Как и в первое плавание, адмирал направил свой флот к Канарским островам. На Гомере погрузили телят, коз, овец и свиней, домашнюю птицу, огородные и садовые семена, саженцы апельсиновых и лимонных деревьев. 7 октября эскадра снова ушла в море. На этот раз Колумб намеревался пересечь океан значительно южнее, чем при первом путешествии. Таким образом он рассчитывал подойти к лежащим на юго-восток от Эспаньолы, заселенным каннибалами островам, о которых ему так много говорили.

3 ноября, после месячного плавания, экспедиция подошла к большому острову, названному адмиралом Доминикой. Так как здесь не оказалось удобного порта, поплыли дальше. На соседнем острове, получившем имя Маригаланте, нашли хорошую бухту, где экспедиция и бросила якорь.

Колумб находился теперь на тысячу километров южнее Сан Сальвадора. Тропическая растительность Маригаланте поразила испанцев своей красотой и мощью. Особое их восхищение вызвали плоды, сладость и аромат которых показались им поистине райскими. Здесь испанцы впервые увидели дикорастущие ананасы. Моряки обедали ими до того, что многие из них заболели.

На Маригаланте Колумб не нашел никаких признаков человека. Первые карибские деревни он уви-

дел на соседнем острове, названном им Гваделупой. В заброшенных туземцами хижинах валялись обглоданные человеческие кости. Обитатели покинули селение с такой поспешностью, что побросали на очагах горшки, в которых, как уверял Колумб, варилось человеческое мясо. В некоторых жилищах остались дети, забытые бежавшими матерями. Колумб привесил к их шеям погремушки, но и это не уменьшило страха вернувшихся людоедов перед непрощенными гостями.

Адмирал направил команду моряков отыскать в лесу и привести к нему хотя бы одного взрослого кариба. Посланные не вернулись ни к вечеру, ни на следующий день. Колумбом овладело сильнейшее беспокойство. Опасаясь, не стали ли матросы жертвой людоедов, он послал на их поиски отряд солдат во главе с Охедой. После нескольких дней безуспешных разведок Охеда вернулся к кораблям. Адмирал не сомневался теперь, что пропавшие съедены каннибалами, и решил плыть дальше. Но в тот момент, когда испанцы собрались покинуть Гваделупу, на берегу появились еле живые от усталости матросы. Оказалось, что они в усердной погоне за туземцами заблудились в лесах и в течение десяти дней никак не могли найти места стоянки судов.

Флотилия двинулась в северо-западном направлении к Эспаньоле. На своем пути она посетила много островов, населенных воинственными, свирепыми племенами. На острове, названном Санта Крус, карибы яростно атаковали высадившихся испанцев. В происшедшем сражении туземцы забросали пришельцев отравленными дротиками. Один испанский солдат был смертельно ранен стрелой, пущенной женщиной с такой силой, что она пробила его щит.

Убив многих карибов, забрав часть из них в плен,

испанцы направились дальше. Вскоре они достигли Порто Рико, большого острова, уже виденного однажды Колумбом. 24 ноября флотилия подошла к восточной оконечности Эспаньолы.

Полторы тысячи людей стали готовиться к встрече с живущими на острове сорока испанцами. Особое нетерпение проявлял сам Колумб. За одиннадцать месяцев, протекших со времени его отплытия с Эспаньолы, оставленные здесь люди должны были обследовать весь остров, открыть золотые рудники, добыть много металла. Колумб прекрасно сознавал, что прибывшие с ним переселенцы и авантюристы будут судить об открытых адмиралом землях по результатам деятельности гарнизона форта.

25 ноября эскадра бросила якорь в устье Золотой Реки. Матросы, спущенные на берег для пополнения запасов свежей воды, случайно обнаружили закопанные в песке, сильно разложившиеся трупы. Один из них имел черную бороду. Колумб ощутил смутное беспокойство. Он не мог припомнить, чтобы какой-нибудь из виденных им до сих пор туземцев имел на подбородке растительность. Впрочем, может быть, имеются и бородатые племена...

Появившиеся вскоре на берегу чигаи начали усердно предлагать испанцам кассаву, плоды и золото в обмен на погремушки и бисер. Это несколько рассеяло тревогу адмирала.

Ночью 27 ноября семнадцать парусников экспедиции бросили якорь против форта на расстоянии полулиги от берега. Пристать к берегу адмирал не решался из-за множества подводных камней. Колумб хотел поскорее уведомить Арану о своем прибытии. Он приказал выстрелить из пушки. Долго прислушивались испанцы на судах, ожидая ответного вы-

стрела. Но ночную тишину не прорезал ни один звук.

Форт не отвечал ни на выстрелы, ни на световые сигналы.

Испанцами овладело сильнейшее волнение. Начали беспорядочно палить из пушек, на мачтах развесили фонари. Но близлежащий берег был попрежнему погружен в ночную тишину и темень. Только со стороны гор зловещим гулом доносилось эхо.

Среди ночи к флотилии подплыла туземная пирога. Прибывшего индейца доставили на адмиральское судно. Начался длинный взволнованный рассказ, переводимый на ломаный испанский язык единственным переводчиком, индейцем с Гуанагани, не покидавшим Колумба.

Насколько мог понять адмирал, в форте не осталось ни одного испанца. Часть из них погибла от болезней, многие были убиты во время драк белых между собой, некоторые выселились из форта внутрь острова. Два месяца назад на владения Гуаканагари напал кацик Каонабо. Он уничтожил селение Гуаканагари, поджег крепость и перебил ее гарнизон.

Зрелище, представившееся Колумбу по прибытии его на развалины форта, было ужасно. Из земли торчали еле прикрытые трупы защитников крепости. Повсюду валялись обломки оружия, обрывки одежды.

Не меньше, чем участь людей, интересовала Колумба судьба накопленного золота. Перед отплытием из Эспаньола адмирал приказал Аране, чтобы в случае опасности он бросил казну в колодезь, выкопанный в форте. Колодезь был пуст. Видно, нападение было так внезапно, что гарнизон не успел ничего предпринять.

Удивительная перемена произошла и в настроении

туземцев близлежащих деревень. От прежнего радушия и доверчивости не осталось и следа. Теперь при появлении белого индейцы стремглав убегали в лес. В их хижинах испанцы находили куски сукна, чулки и другие вещи, которые не могли оказаться у индейцев в результате обмена. Они были украдены или награблены.

С большим трудом Колумбу удалось восстановить доверие к себе нескольких индейцев. При помощи переводчика он сумел разобраться, наконец, в трагических событиях, происшедших за время его отсутствия.

Ему рассказали, что оставленный им гарнизон вскоре после отъезда кораблей превратился в банду разнузданных грабителей, дни и ночи рыскавших по острову в поисках золота, грабивших и убивавших туземцев. Несмотря на то, что Гуаканагари дал каждому из них по две или три наложницы, испанцы нападали на индианок, уводили их в форт, насиловали жен туземцев.

Арана пытался применять строгие меры, но он не сумел удержать своих людей в стенах форта. Многие из них вовсе покинули укрепление, собирались в шайки, начавшие враждовать и сражаться между собой за награбленное золото и женщин. Часть испанцев, направившаяся за золотом в горы Чибоа, была схвачена и умерщвлена свирепым кациком горной области карибом Каонабо, ненавидевшим белых пришельцев.

Каонабо не удовлетворился истреблением испанцев, забравшихся в его владения. Он задался целью уничтожить всех белых и береговое их укрепление. Вместе с кациком Марионом отряд чигаев глубокой ночью внезапно напал на форт, где остался только Арана с десятью подчиненными, не выставившими

даже часового. Форт был взят с налета, и его маленький гарнизон уничтожен. После этого Каонабо стал умерщвлять белых, спавших в близлежащих селениях кацика Гуаканагари.

Несмотря на обиды, причиненные ему испанцами, Гуаканагари сражался всю ночь на их стороне против Каонабо. Это обошлось ему дорого. Чиган сожгли его селения, убили многих его подданных. Сам кацик был ранен и еле спасся бегством от смерти.

Основание Изабеллы

Пока Колумб искал и расспрашивал свидетелей всех этих событий, люди на каравеллах проявляли все возрастающее нетерпение. После утомительного полуторамесячного плавания они оказались, наконец, у цели. Рядом с ними были золотоносные горы. Зачем же адмирал теряет драгоценное время? Надо поскорее построить колонию и отправиться в Чибао за золотом.

Колумб не хотел основывать новое поселение на месте уничтоженного форта. Он решил разбить город в другом месте, на расстоянии двух дней морского пути к востоку. Здесь был, казалось ему, более здоровый климат. Кроме того, горный хребет подходил здесь очень близко к берегу.

Приступили к разгрузке кораблей. На берег спустили лошадей и других животных. Всем испанцам роздали топоры и лопаты. Расчистили площадь, распланировали будущий поселок. Затем стали возводить общественные здания. Каменщики отстроили склады, дом для вице-короля, большую церковь. Вокруг этих центральных строений появились многочисленные сооружения из дерева, глины и тростника. Это были дома для колонистов,

Колумб назвал новый город в честь королевы — Изабеллой. Первое время в нем царила кипучая деятельность. Наряду с ремесленниками и крестьянами копали, строга́ли, работали пилой и мотыгой и зна́ные члены экспедиции. Но постепенно от работы начало отлынивать все большее количество колонистов. Рыцари и купцы, офицеры и чиновники пересекли океан не для того, чтобы заниматься физическим трудом. Из полутора тысяч жителей Изабеллы продолжало работать не более восьмисот. Остальные, в ожидании похода за золотом, проводили дни в своих хижинах, в церкви да в вице-королевском доме. Начались попойки, разгул.

Дела колонии стали очень плохи, когда поселенцы один за другим начали заболевать малярией. Скоро половина жителей Изабеллы оказалась неспособной. В эту тяжелую пору заболел и сам Колумб.

Был момент, когда поселенцы впали в отчаяние: скоро все они вымрут, и поселок погибнет. Но постепенно приспособились к климату и оправились от болезни. Работа по благоустройству городка возобновилась и теперь уже близилась к концу. Весь груз с каравелл был свезен в отстроенные помещения. Пришло время отсылать суда обратно на родину.

С затаенным страхом ожидал Колумб момента отправления кораблей. Ведь надо будет переслать с ними отчет о делах экспедиции. Что мог он сообщить королям? Вместо золота, собранного в форте Рождества, он должен передать весть об ужасной гибели форта и всего гарнизона. Дела новоприбывших испанцев также не были блестящи — болезни, недостаток самого необходимого. К тому же среди знатных поселенцев начался ропот. Они стали убеждаться, что вместо приключений, сражений и золота, разбросанного повсюду — стоит только нагнуться,

чтобы подобрать его, — им приходится напряженно работать в нездоровом, непривычном климате тропиков.

Адмирал решил попытать счастья и до отсылки судов направить в горы Чибао два отряда на разведку золота. Если разведчики принесут хорошие вести, он сможет еще раз обнадеежить Фердинанда и Изабеллу, поддержать свои шансы при дворе.

В Чибао выступил Алонсо де Охеда с пятнадцатью воинами и другой молодой рыцарь Гарвалан с несколькими смельчаками. Дело предстояло нелегкое — горы Чибао принадлежали кацкику Каонабо, истребившему гарнизон форта Рождества.

Походы Охеда и Гарвалана завершились блестящим успехом. Жители гор, вопреки ожиданиям, приняли испанцев дружелюбно. На плоскогорье, лежавшем среди горных цепей, испанцы нашли богатые россыпи золота. Два славных рыцаря очень мало смыслили в горном деле, но зато были молоды и склонны к преувеличениям. Особенно увлеклся Охеда. Захлебываясь от восторга, он рассказал своим согражданам о фонтане золотого песка, виденном в горах. Когда один из солдат вонзил лом в скалу, из нее ручьем потекли крупинки золота, так заблестевшие на солнце, что все вынуждены были прикрыть глаза, чтобы не ослепнуть.

Слушая эти реляции, Колумб вздохнул, наконец, с облегчением. Теперь можно без страха писать королям.

В архивах Испании сохранился этот первый отчет Колумба из города Изабеллы — любопытнейший документ, испещренный королевскими пометками. Отчет адмирала начинался подробным пересказом результатов экспедиции Охеда и Гарвалана. Колумб сообщал, что отсылает Гарвалана в Испанию, чтобы

их величества могли из его уст услышать о чудесных россыпях и рудниках Чибоа.

Адмирал, в совершенстве владевший искусством фальшивого религиозного пафоса, вслед за сообщением о найденном золоте, предлагал Фердинанду и Изабелле воздать хвалу всевышнему за его благоволение. На полях письма в этом месте можно прочесть благочестивую пометку Изабеллы: «Их величества благодарят господа».

После этого обнадеживающего вступления Колумб мог приступить к изложению бесконечных своих нужд. Люди болеют — поселению необходимы лекарства. Нужен свежий провиант — колония еще не может производить собственного. Бочки с вином разохлись и вино вытекло — адмирал просит спешно направить из Испании партию вина. Колумб требует телят, ослов, рабочих лошадей.

Вскользь говорит он о том, что золота он еще не может послать королям, так как колония занята пока возведением крепостных стен, индейцы освоились с белыми и толпами бродят вокруг их поселения. Того и гляди, нападут на Изабеллу. В этом месте королева великодушно пометила: «Он поступает правильно».

Как видим, короли еще оказывают адмиралу большое доверие.

Центральное место в письме занимает предложение Колумба организовать торговлю индейцами. Колонии, писал Колумб, впредь потребуются много скота. Суда, которые будут привозить его на Эспаньолу, должны забирать «обратным фрахтом» карибских людоедов. Эти чудовища могут быть с большой прибылью распроданы на рынках Испании. Колумб озабочится постройкой легких шляпок, незаменимых для массового захвата краснокожих. За

право торговли невольниками можно будет обложить купцов специальной пошлиной. Подобная пошлина даст королевской казне огромные доходы.

Итак, адмирал, вспомнив советы королевского интенданта Сантанхеля, собирался заняться работами торговли и приводил обычные доводы в пользу выгодности этого промысла. Но Колумб не был бы самим собой, если бы тут же, воздев очи горе, не стал говорить о спасении душ своих рабов.

Королева не должна возражать против подобного обращения с ее новыми подданными. Она должна вспомнить о высших целях. Чем больше язычников и людоедов перевезут на католическую почву Испании, тем больше душ будет спасено. Их католические величества должны помочь бедным язычникам обрести свет христовой веры и разрешить Колумбу отправлять в Испанию каравеллы с живым товаром.

Колумб настаивал на том, что в его предложении прекрасно согласованы мирские и религиозные интересы. «Таким образом, — говорит он в заключение своего письма, — колония будет снабжена всякого рода домашними животными, не истратив на это ни одного мараведа, казна получит значительную прибыль, мирные островитяне избавятся от своих опасных и жестоких соседей и множество душ будет спасено от вечной гибели».

Сколь ни был восторжен Колумб по натуре, он понимал, что черпать золото ковшом не придется. Полторы тысячи спесивых, недисциплинированных людей нужно было заставить работать в горах, просеивать и промывать песок, добывать драгоценные крупинки тяжелым трудом. Этому прибывшие на остров не потерпят от вице-короля, который был в их глазах только пронырой-чужестранцем.

Колумб рассчитывал на принудительный труд ин-

дейцев. Он собирался заставить их выполнять тяжелые горные работы. Но и при этом он не мог быть уверен, что ему удастся удовлетворить требования двора и претензии прибывшей с ним знати.

Изабелла отнеслась к проекту работоторговли, разрабатанному адмиралом, без всякого энтузиазма. В пометке на письме предложено отложить решение до получения от Колумба более подробных сведений.

Первый мятеж

В начале февраля 1494 года из Изабеллы в Испанию отплыло двенадцать пустых судов. Уход кораблей болезненно отзывался в сердцах многих оставшихся колонистов — надолго прерывалась их связь с родиной. За два месяца, проведенных в колонии, они растеряли почти все свои иллюзии. Понятно, что их недовольство сосредоточилось на Колумбе.

Во главе партии недовольных стал контролер колонии Берналь Диас де Писа, влиятельный при дворе чиновник. Де Писа стал исподтишка восстанавливать колонистов против адмирала. Ему нетрудно было найти сообщников — оснований для недовольства было слишком много. Колумба упрекали в урезке рационов, в принуждении к тяжелому труду. Но главную вину его видели в том, что он преувеличенными рассказами о богатых золотых россыпях вовлек их в явно невыгодное предприятие, связанное с большими трудностями и лишениями при весьма скромных результатах.

К образовавшейся партии недовольных скоро примкнул Фермин Кадо — пробиращик колонии. Этот человек довольно резонно утверждал, что золото, приносимое индейцами, скопилось у них в течение многих лет и даже передавалось из рода в род. Новая же

добыча будет ничтожной, так как горы бедны золотом. Недовольные решили захватить пять оставшихся каравелл и покинуть остров. В Испании они сумеют раскрыть глаза королеве на действительное положение во вновь открытых землях.

Когда заговорщики были уже близки к осуществлению своего плана, о нем стало известно Колумбу. Он арестовал де Пису и усадил его на судно для отсылки в Испанию. Там он будет предан королевскому суду. На остальных участников заговора Колумб наложил собственной властью различные наказания, в том числе и телесные.

Это был первый случай, когда Колумб использовал предоставленное ему право наказания непокорных. Хотя адмирал проявил при этом большую умеренность, но впечатление от репрессии было ужасное. Колонисты преисполнились ненавистью к Колумбу. Теперь ему приписывали все пороки, какие только могли измыслить враждебно настроенные люди. Честолюбие, казнокрад, жестокий самодур, наглый лжец — эти эпитеты не сходили с уст колонистов, шептавшихся по углам.

Все отрицательное, что видели поселенцы в своем правителе, об'единилось для них в том, что Колумб — чужестранец. Это делало вражду к нему непримиримой, вырывало глубокую пропасть между ним и его подчиненными. Колумба и его младшего брата Диего, прибывшего на Эспаньолу вместе с адмиралом, окружили глухой стеной недружелюбия и отчужденности.

В горах Чибао

Чтобы несколько разрядить напряженную атмосферу, Колумб решил лично во главе большого отряда направиться на разведки золота в горах Чибао.

В Изабелле он оставил наместником своего брата Диего — безвольного и незначительного человека.

Из Изабеллы выступили четыреста вооруженных пехотинцев и всадников, за которыми следовала колонна рудокопов, ремесленников, носильщиков с продовольствием и товарами для обмена. Шествие замыкалось толпою индейцев. Краснокожие к этому времени успели хорошо узнать своих новых владык. Им по-своему была ясна цель экспедиции. Всюду по пути следования Колумба они сообщали собратьям, что белые направляются в горы на поиски своего бога — золота.

Колонна войск и рабочих перешла через первую высокую гряду и оказалась в обширной горной долине. Природа была здесь так прекрасна, плоды ее так изобильны, что Колумб долго не хотел покидать этого места. Он назвал долину Царской. Войско расположилось в селах, разбросанных по долине, на многодневный отдых. Отдохнув, двинулись к главному хребту, где, по словам индейцев, находились богатые золотые россыпи. Колумб теперь увидел собственными глазами много золотых крупинок, желтый металлический блеск речного песка. Здесь он основал для охраны рудокопов форт, названный им в честь евангелиста-скептика фортом Св. Фомы. Колумб считал, что все Фомы-неверные из колонии могли, прибыв в форт, убедиться в золотом изобилии гор Чиббо.

Когда в конце марта адмирал вернулся из похода, он застал в городе тяжелую картину. Огромное количество колонистов снова заболело перемежающейся лихорадкой. Поселок опять превратился в большой госпиталь. Рыцари и гидальго, истощенные непривычным для них трудом и тропическими болезнями, быстро вымирали.

В поисках выхода из угрожающего положения Колумб решил предпринять массовые походы в горы, где сухой воздух высот должен был предохранить оставшихся здоровыми людей от страшной заразы. Много испанцев расселилось в Царской долине.

Но жизнь испанских колонистов среди индейцев всегда приводила к одинаковым последствиям. Белые угнетали и обирали туземцев, насиловали их женщин.

В пачавшихся столкновениях испанцы проявили много жестокости — отрезали туземцам носы и уши, вешали их за малейшее противодействие.

Индейцы не могли оказать поработителям никакого сопротивления. Особый страх внушала им лошадь. Долгое время туземцы, не знавшие этого животного, не могли привыкнуть к тому, что конь и сидевший на нем всадник представляют собой два самостоятельных существа, и приходили в неописуемый ужас, когда они разделялись на две живые части. Этим страхом ловко пользовались пришельцы — один кавалерист обращал в бегство несколько сот туземцев.

Плавание к Кубе и Ямайке

В конце апреля 1494 года Колумб во главе трех небольших каравелл отплыл из Изабеллы, чтобы обследовать окружающие Эспаньолу острова и земли. Колония была оставлена адмиралом в самом плачевном состоянии. В горах работали рудокопы, но плоды их трудов были ничтожны. Золота явно нехватало, чтобы удовлетворить колонистов и королей.

Отношения между белыми и туземцами все ухудшались. В Царской долине и близ Изабеллы непрерывно вспыхивали возмущения индейцев, подавляе-

infra Ensaui Argitem su
 m folus nung caretem ou
 uilustrantes Jandos. Tetr a
 is metat frugea vice byemis
 as bominea. depibantes in
 Edmuz quocq signu. 7 plu
 re pcedosda plurimos Jbi
 chonea 7 griffes ac immido
 Jnoia valde magna e. Naz
 ia est tertia pars habitabi
 ipse vocat Europaz esse ma
 Dico igit qz frons Jnoie
 propter regionem Jacha
 7z maris magnu descendens
 am inferiorem seu Africaz
 a Jnoie descendit a tropi
 co montem adaleu. 7 regi
 et nunc Arym vocatur Na
 est Syene. una sub solsti
 io de qua nunc est sermo.
 ia in medio habitacionis
 octidie septentrione 7 meri
 dionta ponetia Hierusalē
 7 salutem in medio terre.
 e habitabilia ut ostendit
 uni sicut supradictum est
 ulibz Jnoie. Ca xvi.
 noia in qatate. Sed ex
 mirabiliu varietate. Na
 pignu quoz cubitonuz
 paruit octauo semelcune
 iamen serpentem qui iba
 trobu. nu. cubitonuz 10gi
 saaqz et unguet pferunt
 o in igne amore alter al
 7 qui parentes coferreos
 dum parat 7 impius in
 murem munt. 7 se

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi
 in pignu alicuiusmodi

Рисунок, приписываемый Христофору Колумбу

мые со все возрастающей жестокостью. Индейцы стали теперь истреблять белых, появившихся в одиночку или небольшими группами вдали от города и войсковых стоянок.

В довершение бед — колонии грозил голод. Привезенные из Испании запасы были съедены или испорчены влажным воздухом тропиков. Чтобы не умереть с голоду, начали есть всякие туземные коренья и травы.

Управление колонией Колумб на время своего отсутствия передал хунте, во главе которой поставил своего брата Диего. Отплытие адмирала очень походило на бегство управителя от одолевавших его забот. Несомненно, Колумба толкала в море также надежда на какое-нибудь новое блестящее открытие, которое возместило бы неблагоприятное впечатление от положения дел на Эспаньоле.

Адмирала все еще не покидало стремление достигнуть областей, населенных богатыми и культурными народами Востока. В эту пору он еще считал пребывание на Изабелле лишь этапом на пути к дальнейшим открытиям.

Колумб прежде всего направился на запад, к кубинскому мысу Альфа и Омега. Полтора года назад он уже побывал здесь. Он продолжал считать мыс восточной оконечностью азиатского материка. Теперь он получил возможность, следуя вдоль южной стороны полуострова, добраться, наконец, как казалось Колумбу, до культурных стран Азии.

Подарками и ласковым обращением ему удалось установить добрые отношения с прибрежными жителями. Экипажи трех каравелл получали от них пищу и питьевую воду в обмен на безделушки. Неизменной путеводной звездой адмирала во всех его плаваниях было золото. И теперь на стоянках он допытывался

о местах, богатых желтым металлом. Индейцы через переводчика советовали адмиралу направиться к югу — там лежит большой остров Ямайка, изобилующий золотом.

Когда суда Колумба, пересекши широкий пролив, подошли к этому острову, туземцы встретили пришельцев враждебно. Это были крепкие, свирепые индейцы высокого роста, покрытые татуировкой. Спущенные с каравелл шлюпки они встретили градом стрел. Долго лодки не могли пристать. Их забрасывали дротиками. Колумб приказал обстрелять туземцев из бомбард. Под прикрытием их огня на берег высадились группа матросов, окончательно слоившая сопротивление индейцев. Здесь впервые на бегущих краснокожих спустили собаку, преследовавшую и терзавшую в клочья нагих дикарей, обезумевших от ужаса при виде страшного рычащего чудовища.

Урок, данный жителям Ямайки, не пропал даром — воинственные племена покорились могуществу белых. Дальнейшее плавание вдоль берегов Ямайки прошло без столкновений. Флотилия Колумба вскоре подошла к западному краю этого острова. Расчеты на золото не оправдались и на этот раз. Поэтому, когда сильный ветер погнал каравеллы к северу, в сторону Кубы, Колумб без сожаления расстался с обманувшей его надежды Ямайкой.

Подойдя снова к Кубе, Колумб стал медленно подвигаться все дальше и дальше к западу. Адмирал ждал поворота берега к югу в том месте, где полуостров примкнет, наконец, к матерiku. Расспрашиваемые жители давали неизменный ответ: Куба — большой остров. Но это не убеждало адмирала, необычайно цепко державшегося за свои предвзятые географические представления.

Его уверенность в своей правоте возросла ещё больше, когда суда оказались среди множества островов, разбросанных у южного берега Кубы. Колумб назвал их Садами Королевы. Почти все они были необитаемы, но их покрывала густая, великолепная растительность. Снова — в который уже раз! — вспоминал адмирал о Тысяче Пряных островов, виденных Марко Поло у берегов Азии. Колумба охватило нетерпение, со дня на день ожидал он увидеть один из портов Китая.

Долго плыл Колумб вдоль южного берега Кубы, тянувшегося все дальше и дальше в том же северо-западном направлении. Его деревянные корабли стали рассыхаться, провизия испортилась, вино из бочек наполовину вытекло, но Колумб, увлекаемый своей пламенной верой в близость земель Великого Хана, не замечал ни ропота команды, ни собственной крайней усталости от долгих бессонных ночей. В его измученном мозгу возникла вскоре новая гипотеза — эскадра подходит к Золотому Херсонесу, месту, где океан, омывающий Азию с Востока, соединяется проливом с Южным Индийским океаном, открывающим путь к Аравии и Египту.

Охваченный этой новой идеей, Колумб начал фантазировать о продолжении плавания до самой Испании. Во главе своей эскадры из трех каравелл он обогнет Африку и посрамит португальских капитанов. Или же зайдет в Красное море, совершит паломничество через Синайский полуостров в Иерусалим, а оттуда на каком-нибудь судне нетрудно уж будет добраться до Барселоны.

К несчастью, Колумб не смог довести своего плавания вдоль кубинского берега до конца. Еще несколько дней пути, и он пришел бы к крайней за-

падной окончности Кубы и получил бы бесспорные доказательства ее островного характера. Поневоле он должен был бы освободиться от части своих необоснованных географических представлений. Может быть, он продолжил бы плавание до берегов Мексики или Гондураса и нашел бы здесь, наконец, золото, которое он так долго и тщетно искал.

Но терпение команды истощилось. Суда дали течь по всем швам. Приходилось непрерывно вычерпывать воду. Матросы к тому же голодали. Они стали яростно требовать возвращения в Изабеллу, угрожая самоуправством.

Бунт экипажа подействовал на Колумба, как холодный компресс на бредящего больного. Плавание, на которое он рассчитывал как на крупнейший козырь в своей игре, оказалось совершенно бесплодным. По возвращении в Изабеллу его ждут старые беды. Что скажет он королеве? Надо во что бы то ни стало представить ей неоспоримые доказательства посещения эскадрой азиатского материка..

Колумб не сомневался, что каравеллы находятся у вожделенного континента. Надо, чтобы это подтвердил экипаж. Пусть каждый из матросов даст под присягою показание, что они могли бы при желании вернуться из Кубы в Испанию сухим путем.

Адмирал принялся за дело, и на свет появился документ, подобного которому не знает богатая история мореплавания. Колумб заставил судового нотариуса допросить под присягою восемьдесят человек, составлявших экипаж трех каравелл. Все матросы и офицеры расписались в том, что они побывали на азиатском материке. Все участники плавания давали торжественное согласие на то, чтобы всякий офицер, который откажется от данной присяги, уплатил де-

сять тысяч мараведов штрафа. Если же это будет матрос, то за отрицание того, что Куба является частью азиатского материка, он получит сто ударов плетью. Помимо этого, у него будет вырван язык.

Подобно страусу, прячущему голову в песок при виде врага, Колумб, терявший под собою почву, пытался укрыться за этим жалким документом от грозивших ему неприятностей. Команда без сопротивления дала адмиралу требуемую присягу — лишь бы поскорее оказаться на Эспаньоле.

12 июня каравеллы поплыли обратно в направлении Изабеллы. Теперь суда должны были в течение трех томительных месяцев бороться со шквалами, бурями, противными ветрами. Команда нередко терпела жестокий голод. Деревянные каравеллы, изъеденные червями, протекали во многих местах. При таком плачевном состоянии людей и судов Колумб вынужден был из-за штормовой погоды все время уклоняться от прямого пути. Эскадра возвращалась в Изабеллу вдоль южного берега Ямайки и Эспаньолы.

Когда корабли были уже близки к цели — у острова Мона, лежащего между Порто Рико и Эспаньолой, — Колумб тяжело захворал. Его могучий организм был расшатан мучительными тревогами и лишениями пятимесячного плавания. Острое нервное истощение привело к резкой реакции. Он впал в летаргическое состояние — лежал в полном оцепенении с помраченным сознанием, помутневшими, ничего не видевшими глазами. До Изабеллы флотилия добралась под командованием помощника Колумба. 29 сентября суда бросили якорь в порту.

Находившегося в бессознательном состоянии адмирала снесли в вице-королевский дворец.

Когда Колумб пришел в сознание, он увидел у своей постели Бартоломео. Присутствие любимого брата, с которым он расстался восемь лет тому назад, очень обрадовало Колумба. К тому же появление энергичного Бартоломео было как нельзя более своевременным. Колумб узнал от братьев о беспорядках на острове и решил принять строгие меры. Так как сам он был болен, то назначил Бартоломео своим наместником. Это был опрометчивый шаг, вызвавший впоследствии недовольство королей, считавших, что право подобных назначений принадлежит только короне.

Колумб узнал от Бартоломео, что в Испании, несмотря на происки врагов, популярность адмирала попрежнему очень велика, что Фердинанд и Изабелла продолжают благоволить к нему. Оба его сына состоят пажими при дворе. Когда Бартоломео был представлен королям в Вальядолиде, Изабелла поручила ему повезти на Эспаньолу часть снаряженной для острова флотилии с продовольствием. В Изабеллу Бартоломео прибыл на следующий день после отплытия Колумба к берегам Кубы.

От брата же Колумб узнал о беспорядках, происходивших на острове. Педро Маргарит и патер Бойль, виднейшие лица колонии, взбунтовались против власти Колумба. Маргарит был начальником гарнизона острова. По приказанию адмирала, он должен был в его отсутствие произвести тщательную разведку золота в горах, а также организовать поход на непокорных туземцев и поимку каика Каонабо. Вместо исполнения порученных ему дел Маргарит со своими солдатами тотчас же по отплытии адмирала перешел в Царскую долину. Здесь солдаты предались

бесшабашному житью, грабежу и разврату. Во всей обширной долине начались волнения туземцев.

Глава оставленной Колумбом правительственной хунты — Диего Колон направил Маргариту выговор и потребовал от него выполнения поручения адмирала. Этого спесивый испанский дворянин, приближенный короля, не мог стерпеть от иностранца, да еще ничем, кроме родства с адмиралом, не замечательного. Маргарит бросил свои войска на произвол судьбы и явился в Изабеллу. Проявляя полное пренебрежение к председателю хунты, он принялся за организацию заговора. К нему тотчас же примкнул Бойль, наместник папы. Оба они с группой соучастников захватили корабли, приведенные на Эспаньолу Бартоломео Колоном, и отплыли в Испанию.

Этот мятеж имел двойные последствия. Столь влиятельные при дворе враги, явившись в Испанию, сумели сильно поколебать положение Колумба. Но не менее тяжелы были последствия заговора и на самом острове. И без того распущенные солдаты, лишенные начальства, разбрелись по острову, грабя, насилая и убивая туземцев. По всей Эспаньоле кровавым пятном растеклась жестокая резня.

Чтобы помочь лучше разобраться в дальнейших событиях на злополучном острове, сыгравшем такую большую роль в судьбе Колумба, скажем несколько слов о его самобытном управлении. Весь остров был разделен между пятью наследственными кациками. Царская долина принадлежала кацiku Гарионексу. Область Мариен, у берегов которой погибла «Санта Мария», принадлежала знакомому нам Гуаканагари. На юго-востоке острова лежала область Ксарагва, управляемая кациком Бегечию. Восточная часть Гаити являлась владением Котабанана. Наконец, внутренняя горная часть была подвластна пришлому завоева-

телю, карибу Каонабо, отличавшемуся большими военными способностями и непримиримой ненавистью к вторгшимся на остров белым.

Когда индейцы стали повсюду теснить испанцев, Каонабо решил взять основную их опору внутри страны — форт Св. Фомы. Но о намерениях кацика проведал начальник форта Охеда. Он выстроил вдоль стен пятьдесят солдат, встретивших индейцев ожесточенным огнем. Внезапная атака, подобная той, которой Каонабо захватил форт Рождества, на этот раз не удалась. Индейцы много раз мужественно возобновляли приступ, но это привело лишь к тому, что крепостные рвы заполнились их трупами. Каонабо переменял тактику и осадил форт, пытаясь отрезать его от снабжения продовольствием. Однако у индейцев нехватило выдержки, и в самые критические для гарнизона дни Каонабо снял осаду.

Но кацик не отчаивался. Напротив, он строил все более широкие планы борьбы. Он побывал у остальных четырех кациков острова и горячо убеждал их соединенными силами напасть на Изабеллу — жизненный центр белых. Каонабо уверял других царьков, что против общего натиска не устоит даже божественная природа их врагов. Кацики Гарионекс, Бегечию, Котабанана, успевшие проникнуться ненавистью к белым, примкнули к заговору. Только Гуаканагари, считавший себя другом Колумба, отказался принять в нем участие. Он же вскоре сообщил адмиралу о подготовляемом индейцами общем выступлении.

В это время из Испании на четырех кораблях, приплывших под командою Антонио Торреса, в Изабеллу было доставлено много продовольствия и медикаментов. Прибыла также партия ремесленников и огородников, в которых колония остро нужда-

лась. Среди прочего груза привезли большую свору свирепых собак, которая обрадовала Колумба не меньше, чем продовольствие.

С Торресом адмиралу доставлено было письмо от королей; его уведомляли, что споры с Португалией о праве разведок в западном направлении разрешены благополучно. Между обеими странами заключено соглашение в Тордесильясе, по которому разграничительная линия отодвигалась еще дальше на запад — на 370 лиг от островов Зеленого Мыса.

Короли выражали Колумбу удовлетворение по поводу его новых открытий и просили прислать со специальным человеком, хорошо знакомым с географией, карту островов и земель Индии, необходимую для выработки окончательного соглашения с португальцами.

В этом же письме Изабелла советовала Колумбу найти какой-нибудь способ обращения в христианство людоедов без того, чтобы продавать их в рабство.

Торрес привез также специальное обращение королей к колонистам Эспаньолы, в котором им предписывалось подчиняться всем требованиям Колумба и уважать предоставленную ему власть. Виновным в неповиновении адмиралу короли грозили штрафом в десять тысяч мараведов.

Читая это послание, Колумб не мог ошибиться в оценке благожелательного тона Фердинанда и Изабеллы. Он понимал, что доверие двора к нему должно скоро исчерпаться, если он не сумеет дать королям более осязательные доказательства своей полезности, чем постоянные обещания золота и пряностей. Однако золота в сокровищнице вице-короля попрежнему было очень мало. Белые рудокопы, по-

сылаемые в горы, гибли от рук индейцев. Меновые сделки с туземцами почти прекратились.

Вопреки ясно выраженному нежеланию двора, Колумб решил направить в Испанию первую крупную партию рабов. Когда в конце февраля 1495 года каравеллы Торреса отправились в обратный путь, на них были погружены пятьсот индейцев Эспаньолы, набитых, как скот, в тесные судовые помещения. Многие из этих несчастных погибли в пути, не выдержав морского переезда и зверского обращения. Уцелевшие вымерли впоследствии в Испании от непосильной работы и от тоски по родным островам.

Любопытно, как встретили Фердинанд и Изабелла этот колумбов подарок. Сначала они разрешили продажу индейцев и даже предложили Фонсеке «провести торговлю в Андалузии, потому что здесь выручка будет больше», но уже через четыре дня разрешение было отменено, а еще через несколько дней Изабелла отдала распоряжение: «Необходимо безусловно прекратить продажу и не принимать за индейцев платы до тех пор, пока мы не выясним у ученых людей—теологов и канонистов, можно ли со спокойной совестью продолжать это дело. Необходимо, в частности, чтобы Торрес немедленно доставил нам письма адмирала для того, чтобы мы могли выяснить, по каким причинам он направил этих людей для продажи в рабство в Севилью».

Но это был лишь минутный проблеск человечности. Жадность вскоре восторжествовала, и работорговля индейцами была окончательно разрешена их католическими величествами.

После отсылки невольников Колумб стал готовиться к большому походу для захвата новой партии туземцев. Он начал собирать всех боеспособных колонистов, готовясь выступить навстречу индейским

воинам, собравшимся со всех концов острова в Царскую долину. Здесь вскоре произошло генеральное сражение, которое вернее назвать бойней туземцев. На стороне Колумба было только двести пехотинцев и двадцать всадников, а также двадцать свирепых собак, специально натасканных на растерзание нагих обитателей острова.

Десять тысяч индейцев, испуская дикие вопли, первыми бросились в атаку. Колумб приказал бить в барабаны и трубить в трубы. Воинственные крики дикарей потонули в этих звуках. Вслед за тем солдаты, находившиеся под прикрытием в лесу, стали со всех сторон стрелять из аркебузов в густую толпу нападавших. Среди туземцев началось замешательство. В этот момент Охеда во главе двух десятков всадников с копьями наперевес бросился в гущу смятенных индейцев. С фланга на них напала свора кровожадных псов. В смертельном ужасе индейцы бросились бежать во все стороны, преследуемые собаками и кавалеристами.

Цветущая долина, в которой еще недавно индейцы с робостью и обожанием встречали белых, покрылась трупами многих сотен краснокожих, пытавшихся оказать сопротивление.

На Гаити впервые лицом к лицу встретились представители двух разных общественных укладов: члены первобытного родового общества и алчные рыцари первоначального накопления. Если бы у туземцев был только кассавный хлеб, рыба, плоды, может быть, белые боги улетели бы прочь от них, предоставив их на какой-то исторический срок их собственной судьбе. Но на горе туземцев Эспаньолы у некоторых из них в ушах и носу так приятно поблескивали кусочки желтого металла. Это решило их судьбу. Не прошло двадцати лет, как от миллион-

ного населения острова не осталось в живых и десяти тысяч. Конкистадоры подвергли туземцев острова лютым мукам во славу своего бога—золота.

Вернемся, однако, к событиям, последовавшим за битвой в Царской долине. После разгрома индейцев Колумб решил изловить главного бунтовщика — кацика Каонабо. Охеда вызвался взять его хитростью. С десятью всадниками отправился он на поиски кацика в отдаленную часть острова. Найдя Каонабо, Охеда и всадники отдались ему в руки без всякой борьбы. Такая смелость понравилась мужественному кацiku. Этого и добивался Охеда. Он предложил Каонабо отправиться с ним в Изабеллу для заключения почетного мира с Колумбом. В знак вечной дружбы, говорил Охеда, адмирал готов подарить Каонабо большой церковный колокол. Предложение это поразило кацика. Все индейцы принимали этот единственный на острове колокол за живое существо, управляющее белыми. Они заметили, что как только этот колокол начинал кричать своим зычным голосом, все испанцы покорно устремлялись на его зов.

Охеда рассчитывал завлечь Каонабо в Изабеллу одного. Какова же была его досада, когда кацик, приняв предложение Охеды, приготовился выступить в резиденцию адмирала с большим вооруженным эскортом.

Охеде пришлось усложнить свою тактику. Когда испанские всадники с кациком и его воинами находились уже на пути в Изабеллу. Охеда, зная пристрастие индейцев к блестящим металлическим вещам, предложил Каонабо в подарок пару хорошо начищенных стальных наручников. Каонабо принял этот дар с восторгом. Еще больше был он восхищен предложением сесть на лошадь сзади Охеды и проехаться с ним перед индейцами. Каонабо несказанно

обрадовался возможности поразить подданных своей отвагой, взобравшись на страшное чудовище. Не подозревавший ничего кацик сидел за Охедой на крупе лошади с надетыми на руки цепями. Охеда прищипорил коня, за ним галопом понеслись его спутники. Когда они отъехали подальше от эскорта, испанцы слезли с коней, прикрутили плененного кацика покрепче веревками и в таком виде доставили его Колумбу.

С пленением Каонабо индейцы лишились своего предводителя. Теперь их сопротивление рассыпалось, и испанцы без труда подавили одну за другой все местные вспышки. Когда туземцы осознали свое бессилие побороть испанцев в открытой вооруженной борьбе, они прибегли к способу, внушенному им отчаянием. Жители Царской долины забросили возделывание полей, вытоптали и выжгли уже поднявшиеся всходы и массами стали уходить в горы. Обрекая себя на голод, они надеялись, вместе с тем, заставить белых, лишенных кассавы и кукурузы, удалиться с острова.

Но простодушные дикари не могли предвидеть всей изощренности своих врагов. Испанцы стали гоняться за индейцами в пустынных горах и силой уводить их в долину, принуждая обрабатывать покинутые земли. Женщины и дети, скрываясь от преследователей, травивших беглецов собаками, забирались все глубже в неприступные горные расщелины. Здесь они могли поддерживать свою жизнь лишь скудными горными травами. Они гибли от истощения.

Когда индейцы убедились, что белые продолжают оставаться на острове, им пришлось покорно склонить голову. Страх, внушенный испанцами, был так велик, что безоружный колонист мог теперь в оди-

ночку безнаказанно пройти по всему острову. Победители могли даже заставить носить себя на плечах — никто не осмеливался роптать. На острове, три года назад полном смеха, песен и пляски, воцарилась мрачная тишина. Кожкистадоры выиграли свою первую битву за неограниченное владычество над краснокожими.

Порабощение индейцев было увенчано целой системой принудительного, крепостного труда. Краснокожих заставляли работать на полях, принадлежавших белым. Каждый индеец старше четырнадцати лет обязан был вносить вице-королю раз в три месяца дань золотым песком в количестве, вмещающемся в бубенчике. В местах, отдаленных от горных золотоносных районов, дань вносилась хлопком — по двадцать пять фунтов с человека. Чтобы знать, кто из туземцев уже внес дань, уплатившим привешивали на шею медный кружок. Не имевшие кружков подвергались телесным наказаниям.

Так завоеватели сделали очаровавшую наивных детей природы погремушку мерой их каторжного труда. Установленная адмиралом золотая дань была непосильна, так как на острове золота было очень мало. Кацики умоляли Колумба заменить ее данью хлебом, плодами или другими продуктами полей и лесов острова. Колумб был непреклонен — ему нужно было золото.

Таким образом, впервые в этой части света создана была система колониального хозяйства: крепостной труд на полях белых, подушная подать золотом. Тех индейцев, которые не вносили наложенной золотой дани, Колумб намеревался грузить на суда для продажи на невольничьих рынках Испании.

Теперь адмирал мог, казалось бы, почить на лаврах. Он сумеет, наконец, закрыть рот всем своим

врагам в Испании и на острове. Поток золота, добываемого туземцами, вместе с золотом, выручаемым от продажи рабов, будет достаточно мощным, чтобы смыть с его пути всех недоброжелателей.

Но все это были пока только мечты. Жизнь на Изабелле продолжала быть очень тяжелой. Болезни, недоедание попрежнему подтачивали силы поселенцев. «Семейство Колонов», как презрительно называли колонисты Колумба и его братьев, как и прежде, были в их глазах лишь проходимцами, обманным путем добившимися благоволения королей Кастилии. Все возвращавшиеся с Эспаньолы на родину поносили адмирала, распространяли по всей Испании дурную славу о жизни за океаном.

Конфликт

Колумб был прикован к острову царившими на нем неурядицами в то время, как его враги изо дня в день чернили его в Испании при дворе. Непрерывные жалобы, отовсюду доходившие до королей, постепенно расшатывали престиж Колумба. Короли не могли отмахнуться от свидетельства таких влиятельных лиц, как Маргарит и Бойль. К тому же в начале 1495 года к королям обратились братья Пинсоны с ходатайством о выдаче им патентов на разведывательные плавания на запад, причем они выговаривали себе значительно меньшую долю прибылей от своих открытий и добычи, чем Колумб. Подобные предложения стали поступать со всех сторон.

Колумб за три года, протекавшие со времени его первого плавания, успел побывать только в маленьком уголке обширных земель, лежащих на западе. Стоит ли ждать, пока адмирал, оказавшийся столь

*Гравюра XVI века, изображающая расправу испанцев
над туземцами Эспаньолы*

незадачливым администратором, упорядочит, наконец, дела на Эспаньоле и отправится на дальнейшие поиски и открытия? Не лучше ли предоставить право разведок и поисков другим капитанам, представляющим гораздо более скромные требования, чем Колумб? У королей совершенно естественно возникло желание попытаться ускорить разведки и извлечь, наконец, обещанные прибыли.

Правда, Колумб получил от Фердинанда и Изабеллы исключительное право на поиски и власть над всеми островами и землями, лежащими в море-океане. Но теперь короли стали рассматривать заключенный ими с Колумбом договор, как ошибку, совершенную ими в минуту ослепления.

Впрочем, ни Изабелла, ни, тем более, Фердинанд не склонны были считать себя надолго связанными этим соглашением. 10 апреля 1495 года они опубликовали указ, по которому каждый испанец получал право свободно плавать в морях, считавшихся до этого времени в нераздельном владении Колумба. Морякам дозволялось производить разведывательные плавания и даже селиться на Эспаньоле — резиденции адмирала — без его разрешения.

Нетрудно понять, какой сокрушительный удар наносился монополии адмирала королевским указом о свободе разведок. Узнав о нем, подавленный несправедливостью Колумб с горечью сказал, что после того, как им была указана дорога, даже портные смогут открывать новые земли. Он настойчиво жаловался королям на нарушение этим указом его бесспорных прав и добился его временной отмены уже в середине 1497 года. Но формальное восстановление Колумба в правах не могло изменить сущности создавшегося положения. Адмирал, с его исключительными правами, становился для двора обузой.

Современные Колумбы изобретения: посещение испанцами острова Каньибале

Положение Колумба к середине 1495 года может представить богатейший материал для размышлений. Прошло только два с половиной года после блестящего успеха самого смелого плавания, какое только знала история. Не более двух лет истекло со времени воздаяния величайших почестей смелому мореходу. Но заслуги этого человека уже забыты. Многочисленные недоброжелатели ищут путей, чтобы лишить его всех, присвоенных ему, законных прав и наград.

Условия соглашения с кастильскими королями — результат пятнадцати лет упорной борьбы, которые Колумб рассматривал, как величайший свой успех — становились тормозом для широкого развития дальнейших попыток изучения и освоения земель, открытых адмиралом. Монополии одного человека на подобные разведки, хоть и скрепленной подписями и печатями королей, суждено было стать мертвой буквой. С этим никак не мог примириться Колумб, не понимая, что отстаиванием своим монопольных прав на вновь открытые земли он вступает в конфликт не только с людьми, но и с потребностями исторического развития, вызванного его же собственным открытием.

Договор с королями Кастилии почти лишил его возможности заниматься делом, являвшимся его подлинным призванием, — разведывательными плаваниями. Вместо них он должен был теперь отдавать все силы распутыванию клубка все возрастающих осложнений на Эспаньоле. Не покидавший его отныне страх за сохранение всех полученных им прав и привилегий не позволял ему ни на минуту упускать из виду кастильский двор и его интриги. При таком положении его стремление собственными силами обследовать все земли в западной части океана стало бес-

почвенной претензией. Быть одновременно администратором, исследователем и царедворцем Колумб не мог.

Королевский контролер Агуадо

Все возрастающее число жалоб на Колумба заставляло королей направить на Эспаньолу особого королевского контролера с чрезвычайными полномочиями. Выбор их пал на Хуана Агуадо, уже побывавшего на Эспаньоле.

Агуадо отправился из Испании в конце августа 1495 года с четырьмя каравеллами, везшими для Эспаньолы недостававшее ей продовольствие. Когда в октябре корабли прибыли в Изабеллу, Колумб был в походе в горах.

Агуадо присвоил себе непосредственное управление островом, устранив наместника адмирала — Бартоломео, власти которого он не признал.

С торжественной церемонией, при звуке труб, огласил он перед народом свою доверительную грамоту. Она была составлена королями в очень решительных выражениях: «Рыцарь, оруженосцы, все, находящиеся по нашим делам в Индии. Посылаем вам Хуана Агуадо, нашего придворного, с поручением переговорить с вами от нашего имени. Повелеваем верить его словам».

Ни для кого на острове не оставалось больше сомнений в том, что положение вице-короля при дворе пошатнулось. Бурная радость охватила многочисленных врагов Колумба. Наконец-то они получили возможность высказать свое мнение об его управлении! Жалобы посыпались со всех сторон. Жаловались на несправедливые наказания, на злоупотребления при распределении продовольствия, на незаконную власть братьев адмирала.

Вслед за колонистами принесли жалобы и туземцы. Кацики собрались и условились вместе направиться к Агуадо, чтобы потребовать наказания человека, которого они считали виновником всех своих бед.

Адмирал долгое время не возвращался в Изабеллу. Агуадо направил в горы отряд кавалерии, чтобы разыскать его. Когда Колумб прибыл, наконец, в Изабеллу, он не проявил никаких признаков негодования. Напротив того, с большой учтивостью выслушал он сообщение Агуадо о предоставленных тому полномочиях и выразил готовность исполнять все его распоряжения. Агуадо ожидал бурного сопротивления и надеялся получить возможность проявить при этом все свое могущество, — тактика адмирала сбила его с толку.

После выяснения многих обстоятельств, достаточно, по мнению Агуадо, обличающих Колумба, контролер стал готовиться в обратный путь.

Для адмирала создалось очень тяжелое положение. Если Агуадо направится в Испанию один, осуждение Колумба королями неизбежно. Он не сможет даже высказать свои оправдания. Колумб решил поэтому оставить колонию и направиться в Испанию вместе с Агуадо.

Когда адмирал и контролер совсем уже собрались в путь, на Эспаньолу налетел один из страшных ураганов, какие изредка навещают спокойные воды Антильских островов. Водяной смерч потопил все каравеллы, стоявшие на якоре в порту. Уцелела одна лишь «Нинья» — судно, на котором Колумб плывал к Кубе.

По приказанию адмирала из выброшенных на берег обломков стали строить вторую каравеллу. В это время в Изабеллу из отдаленной части острова явил-

ся Мигель Диас — поселенец, пропавший много месяцев назад, которого уже считали погибшим. Диас рассказал Колумбу романтическую историю своего исчезновения. На поединке он убил другого испанца. Боясь наказания, Диас ушел в глубь острова и поселился среди индейцев. Здесь он стал любовником дочери кацика. Вскоре испанец начал томиться в обществе индейцев и затосковал по белым. Чтобы не потерять возлюбленного, индианка открыла ему тайну: река Гайана, протекающая по владениям ее отца, очень богата золотом. Если Диас расскажет об этом белому вождю, может быть, тот согласится перенести свою столицу в земли ее отца. Тогда Диас будет жить среди своих братьев и не покинет ее.

Колумб немедленно направил разведчиков. Вместе с Диасом отправились Бартоломео с отрядом и прибывший на остров знаток горного дела. Через некоторое время посланные вернулись с сообщением, что содержание золота в песках Гайаны действительно очень велико. Оно значительно превосходит золотосодержащие пески Чибо. Золото найдено не только во всех близлежащих реках, но и по склонам гор. В горах обнаружены две пещеры — следы давних разработок.

Как ни был Колумб удручен свалившимися на него с приездом контролера заботами, при получении этой приятной вести он не мог не отдаться своим фантазиям. Он вспомнил о библейском Офире, в котором премудрый царь Соломон добывал золото для Иерусалимского храма. Увлекающийся адмирал имел убедительное доказательство тому, что эти россыпи — действительно библейский Офир. Ведь они расположены вблизи Золотого Херсонеса, у которого он побывал при плавании вдоль Кубы.

Настроение адмирала сразу поднялось. Он стал

дейтельно готовиться в путь. Привезти в Испанию весть об открытии Офира — это стоило его первого сообщения об открытии Индий. Долго еще носился Колумб со своим неожиданным открытием. «Офир» — упивался он звучным библейским названием. И в его пламенном воображении возникло видение — бесконечная перспектива колонн, литых из чистого золота.

Снова в Испании

Когда постройка новой каравеллы была закончена, Колумб передал управление островом Бартоломео, а сам стал во главе «Ниньи».

Но борту второй каравеллы находился его обвинитель Агуадо. Королева приказала отослать на родину всех испанцев, в пребывании которых на острове не было настоящей необходимости. Исполняя это повеление, Колумб забирал с собой 225 человек. Кроме них, на суда было погружено 30 туземцев, в том числе и закованный в цепи Каонабо. Пленный кацик проявил подлинный героизм в выпавших на его долю испытаниях. Ни на минуту не покидало его надменное достоинство. Он не произносил ни слова и отворачивался от ненавистных ему белых. Так он и погиб в пути.

Отплыли из Изабеллы 10 марта. Колумбу пришла несчастная мысль — не поднимаясь к северу, повести каравеллы прямо на восток, против пассатов. 9 апреля, почти через месяц после отплытия, он был только у Карибских островов. Пополнив на Гваделупе запас продовольствия, эскадра вышла в море 20 апреля, но противные ветры долго еще не позволяли двигаться вперед.

В начале июня, когда флотилия находилась уже

вблизи Испании, запасы провизии на судах были совершенно исчерпаны. Многодневные лишения так измучили экипаж, что матросы стали поговаривать об умерщвлении имевшихся на борту каннибалов, чтобы их телами утолить свой нестерпимый голод.

Но вот 11 июня 1496 года, после тяжелейшего трехмесячного плавания, суда вошли, наконец, в Кадикский порт. Обессиленные люди выбирались из судов на набережную, еле волоча ноги. Они мало походили на счастливых, покинувших этот порт два года назад. Один современный Колумбу историк так описал эту сцену: «Желтые лица прибывших были как бы насмешливым изображением того золота, которое составляло цель их путешествия и вместо которого они привезли одни лишь рассказы о нищете, страданиях и обманутых надеждах».

Сам Колумб появился на берегу в рясе францисканца, подпоясанный веревкой. Его осунувшееся лицо было изборозжено морщинами, могучий стан согнут. Глаза смотрели в землю, изредка отрываясь от нее, чтобы беглым взглядом взглянуться в испанцев, окружавших прибывшие каравеллы. Но на всех лицах адмирал мог прочесть только осуждение и неприязнь. От былой его славы не осталось и следа.

Колумб направил королям известие о своем прибытии и с трепетом стал ждать ответа. Но мрачные предчувствия на этот раз обманули адмирала: его очень ласково пригласили прибыть ко двору в Бургос. Оказавшись перед своими коронованными господами, Колумб снова попытался яркими рассказами воодушевить Фердинанда и Изабеллу. Он рассказал им об Офире. Его восторженное красноречие и на этот раз нашло благосклонных слушателей. Колумб стал просить о снаряжении флота с продовольствием для терпящей большие лишения колонии и о предоставле-

нии ему нескольких каравелл для разведывательного плавания к югу от Карибских островов, где он рассчитывал найти культурные страны азиатского материка.

Фердинанд и Изабелла обещали удовлетворить желание адмирала. Но кастильские самодержцы были заняты приготовлениями к войне с Францией и собирали свой флот в водах Средиземного моря. В то же время их внимание было поглощено предстоящим браком принцессы Хуаны с Филиппом Австрийским. Хуану с почетным эскортом рыцарей и грандов собирались отвезить к жениху во Фландрию на многочисленных судах, составивших внушительную армаду. Эта же армада должна была доставить в Испанию сестру Филиппа — Маргариту, невесту инфанта Хуана.

Колумбу пришлось ждать до осени. В сентябре было издано распоряжение о снаряжении для него небольшой эскадры и об отпуске на это шести миллионов мараведов. Но тут произошло неприятнейшее недоразумение. Когда казначейство было уже готово выдать адмиралу ассигнованные деньги, ему было доставлено письмо от капитана, только-что приведшего из Эспаньолы флотилию судов в Кадикс. Капитан спешил сообщить адмиралу весть о доставке им в Испанию большой партии золота. Колумб был вне себя от восторга: золото открытого Офира уже стало притекать в Испанию! На радостях адмирал показал письмо королям и придворным. Некоторое время он ходил с видом победителя.

Казначейство в то время испытывало большую нужду в деньгах. После получения столь приятных вестей из колонии Фердинанд позволил издержать предназначенные для Колумба шесть миллионов мараведов на другие надобности. Адмирал сможет ведь

снарядить свои суда на часть золота, привезенного из Офира.

Через несколько дней гонец привез Колумбу задержавшееся в пути письмо от Бартоломео. Тот жаловался на крайне тяжелое положение на Изабелле и сообщал, что направляет в Испанию груз невольников.

Это и было то золото, о котором писал увлекшийся поэтическими сравнениями капитан.

Долго еще сиятельные придворные зубоскалы не могли забыть, как Колумб хотел выдать триста полуживых краснокожих за звонкие дукаты. Вот каково оно, хваленое золото Офира.

Смешное, как известно, убивает. Эта история сильно пошатнула и без того непрочное положение Колумба при дворе. С тех пор многие стали говорить об открытиях адмирала в шутовском тоне. Может быть, карьера великого мореплавателя закончилась бы уже в эту тяжелую для него осень 1496 года. Но на его счастье, Изабелла считала, что он еще может быть полезен, так как никто не сумеет лучше него провести новые разведки. Однако теперь королеве приходилось преодолевать все возрастающее сопротивление группы влиятельных придворных. Во главе враждебной адмиралу партии стоял сам Фердинанд.

У короля в это время возникла мысль подарить Колумбу большие земли на Эспаньоле. Если адмирал примет дар, то в дальнейшем легче будет лишить его некоторых существенных прав по договору. Можно будет указать на эспаньольское имение, как на возмещение за отнятые преимущества. Но Колумб разгадал замысел короля и с большим тактом отказался от заманчивого подарка.

Решающее влияние на государственные дела Кастилии имела, как уже указывалось, королева. Встре-

ки возражениям Фердинанда, она велела снова отпустить средства для снаряжения третьего плавания.

Перед отплытием Колумб получил от королевы новое подтверждение прав, предоставленных ему договором в Санта Фэ. Он сумел добиться даже новых льгот. Изабелла освободила адмирала от обязательства внести за истекшее трехлетие восьмую долю издержек по колонии, адмирал же отказался от причитавшейся ему восьмой части валовой прибыли. Тогда же королева подтвердила назначение Бартоломео наместником Колумба.

Получив новое подтверждение своих прав, адмирал в феврале 1498 года составил завещание. Он учредил майорат, по которому должны были переходить его титулы и преимущества. Звание адмирала, которым Колумб дорожил больше всего, становилось пожизненным отличием наследников майората. Десятая часть доходов от передаваемых потомкам привилегий обращалась на благотворительные цели. Много внимания уделил Колумб в своем завещании родной Генуе. Адмирал обязывал своих наследников оказывать этому городу содействие, а бедным своей родины — денежную помощь.

Колумб требовал от своих потомков, чтобы «суммы, какие будут оставаться от годовых издержек», они частью вносили в генуэзский банк Св. Георгия. Из взносов должен был составиться фонд, предназначенный для... освобождения гроба господня. Когда придет время, фонд этот покроет издержки крестового похода, предпринятого правительством или отдельными лицами.

Нельзя не заметить, как строго коммерчески строит Колумб свой проект завоевания Иерусалима.

П

Третье плавание

Получив, наконец, королевское ассигнование, Колумб натолкнулся на те же затруднения, что и при подготовке первого плавания из Палоса. Нельзя было найти ни судов, ни экипажа. Но причины затруднений за прошедшие шесть лет совершенно изменились. Теперь от предприятий Колумба моряков отпугивали не смутные страхи и суеверные представления, а печальный опыт и рассказы людей, прибывших из Индий. Околовдававшие страну золотые миражи испарились, и никто не желал больше плыть за океан.

Правительству пришлось снова прибегнуть к реквизиции нескольких судов с их экипажем. В качестве новых поселенцев Колумбу пришлось взять каторжников, приговоренных к галерам. Их он собирался сделать рудокопами на золотых приисках.

Приготовления к плаванию шли очень медленно. Колумб особенно нуждался в содействии королевы, но скоропостижно скончался наследный принц, и Изабелла, почти лишившаяся рассудка, совсем перестала заниматься делами адмирала. Только бесконечными просьбами Колумбу удалось довести приготовления до конца. 30 мая 1498 года шесть кораблей под его командой вышли из порта Сан Люкар в море.

Еще перед отъездом из Испании адмирал получил письмо известного в то время гранильщика драгоценных камней Хаиме Феррера. Феррер советовал Колумбу поискать золото и бриллианты в южных об-

ластях Индий. Гранильщик побывал во многих землях, откуда привозили в Европу золото и драгоценные камни. Основываясь на своем опыте, он утверждал, что, чем ближе к экватору лежит страна и чем чернее ее жители, тем больше в ней драгоценных камней и металлов. Адмирал был склонен последовать совету Феррера. Это совпадало с желанием самого адмирала поискать к югу от Эспаньолы культурные земли азиатского материка. Колумб решил в этот раз двигаться на запад, держась возможно ближе к экватору.

На острове Гомера Колумб разделил экспедицию на две группы. Три судна пойдут отсюда к Эспаньоле, к новому городу Сан Доминго, построенному Бартоломео в золотоносном районе у реки Гайаны, три других направятся на поиски земель вдоль экватора.

Суда расстались в конце июня у острова Ферро. Каравеллы Колумба направились отсюда к югу — к островам Зеленого Мыса.

По мере приближения к экватору жара все усиливалась и вскоре сделалась невыносимой. От резкой перемены климата Колумб стал страдать подагрой, сопровождавшейся сильнейшей лихорадкой.

Утесы архипелага были совершенно выжжены и являли картину полного бесплодия. Как свинцовая крышка, висело над островами мутное небо, покрытое низкими тучами. Воздух был раскален, насыщен водяными парами. Грудно было дышать. Колумб, рассчитывавший пополнить на этих островах свои запасы, теперь старался поскорее покинуть их. В начале июля эскадра поплыла на юго-запад. В середине месяца она спустилась еще ниже к экватору, достигнув пяти градусов северной широты.

Здесь царило полное безветрие. Паруса судов об-

висали вокруг мачт, как тряпки. Океан походил на обширное зеркало, ни одна складка не бороздила его поверхности. Люди задыхались и обливались потом. Воздух, словно подоженный отвесными лучами солнца, был совершенно неподвижен.

Колумб повернул суда на запад, но они почти не двигались. Покрывавшая корпуса судов смола стала растопляться, начали расходиться швы. Во многих местах каравеллы дали течь. Хлеб стал плесневеть и сделался твердым, как камень. Вода и вино вытекали из бочек.

Как ни медленно двигалась флотилия к западу, но по мере отхода от берегов Африки климат стал меняться. Жара постепенно спадала, небо прояснилось. Прошло еще несколько дней, и каравеллы вошли в область океана, где дул приятный свежий ветер, над головами мореплавателей простиралось теперь синее небо, покрытое ночью яркими звездами. Все муки тропиков остались позади. Дальнейшее плавание стало исключительно приятным. Колумбу трудно было поверить, что в ста лигах к югу находилась полуденная линия.

31 июля на судах осталось по одной бочке воды. Но на счастье моряков, на западе показался остров. Над низкой, пологой землей высоко в небо подымались три симметричные горные вершины. Адмирал назвал этот остров Тринидадом.

Когда подошли ближе, перед Колумбом и его спутниками открылась прекрасная панорама. Среди пальмовых лесов по холмам разбросаны были деревни попеременно с возделанными полями. Подобно рою пчел, в воздухе носились маленькие птички, блиставшие на солнце всеми цветами радуги. Воздух был напоен густым ароматом тропических растений.

Пристав к берегу и пополнив запасы пресной во-

ды, флотилия направилась к югу. 1 августа Колумб впервые подошел к континенту. По странной иронии судьбы он на этот раз был уверен, что видит один из многочисленных островов, и назвал увиденную им землю Святым Островом.

На другой день каравеллы стали на якорь у юго-западной оконечности Тринидада. В это время от берега отплыла многовесельная пирога, в которой находилось двадцать пять юных, стройных и высоких индейцев. Подплыв к судам на расстояние выстрела из лука, пирога остановилась. Адмирал, желавший завлечь гребцов поближе, стал показывать им каstrюли из начищенной меди, зеркала и другие блестящие предметы. Но все попытки оказались тщетными. Туземцы застыли в неподвижности, вероятно, глубоко пораженные видом каравелл.

Тогда Колумб попробовал установить добрые отношения посредством музыки. Зная любовь индейцев к пляскам, он приказал юнгам устроить на палубе флагманского судна танцы. Но как только раздавались первые удары барабана, индейцы, принявшие эти звуки за начало враждебных действий, стали осыпать корабли стрелами. Пришлось дважды выстрелить из ружей, чтобы отогнать их.

Но через некоторое время эта же лодка, осторожно обходя флагманское судно, подплыла к одной из каравелл, на этот раз вплотную. Матросы смогли теперь хорошо разглядеть туземцев. На головах у них были сетки из хлопчатой пряжи, бедра стягивали куски ткани, расписанные цветными рисунками. Помимо луков и копий, они имели в руках щиты.

Путем подарков удалось наладить дружественные отношения. Туземцы жестами стали горячо приглашать белых сойти на берег. Несколько испанцев сели в шлюпку и направились за разрешением к Ко-

любил. Но тут индейцы, испугавшись измены, стремглав умчались прочь и скрылись из виду.

Корабли экспедиции поплыли дальше. Пройдя через бурный пролив, названный Колумбом Змеиной Пастью, эскадра начала крейсировать вдоль берегов обширного пресноводного залива. Здесь адмиралу удалось, наконец, установить связь с жителями. От них он узнал, что страна зовется Париа и что дальше на запад живет много людей.

Берега Парии были исключительно красивы. Колумб не мог налюбоваться на прекрасные леса, сочные луга, множество ручьев и водопадов. Адмирал назвал это место Садам. Жители Сада были высоки и стройны. Они проявляли большую ловкость в своих примитивных ремеслах, строили лодки с крытыми сиденьями, наподобие венецианских гондол, изготавливали красиво раскрашенные ткани. Их оружие и домашняя утварь были замысловато разрисованы.

Почти все женщины носили на шее нити жемчуга. Это возбудило жадность испанцев. Они принялись допытываться, где находятся места, откуда индейцы получают свои украшения. Им указывали на противоположный берег. Там ловят жемчуг в больших количествах.

Как раз в эти дни, когда адмирал достиг новых прекрасных земель, состояние его здоровья резко ухудшилось. Он страдал от сильного воспаления глаз, не позволявшего ему быть на ярком свете. К тому же его снова начал мучить жестокий приступ подагры. Колумб почти не сходил больше на берег.

Приходилось подумать о скорейшем возвращении на Эспаньолу. Провиант на судах близился к концу, а угощения, предлагаемые гостеприимными индейцами, были непривычны для испанцев и не могли в течение долгого времени заменить им обычную пищу.

Колумб и все участники плавания с большим сожалением покидали берега Парии. Все привлекало здесь мореходов: исключительная мягкость климата, какой они не ожидали встретить вблизи экватора, радушие туземцев.

Выйдя из залива Парии через второй опасный и бурный пролив, названный адмиралом Драконовой Пастью, флотилия направилась на север, к Эспаньоле. По пути она посетила несколько небольших островов. Здесь Колумб увидел туземцев, ловящих жемчуг. Испанцы пробыли у этих островов несколько дней и выменяли на безделушки три фунта жемчуга. Колумб охотно остался бы здесь на долгое время. Может быть, он смог бы обилием жемчуга заинтересовать охладевших к нему королей. Но обстоятельства не позволяли ему задерживаться. 19 августа 1498 года эскадра была уже у Эспаньолы.

Рай найден

Привлекательнейшей чертой Колумба являлась пытливость его ума. Ни одно явление природы он не оставлял без того, чтобы не попытаться понять его до конца. Этот мореплаватель-самоучка интересовался не только вопросами моря. Колумб обладал универсальной любознательностью. Ясным взглядом естествоиспытателя окидывал он мир.

В своих письмах и дневниках он уделяет много места особенностям всех виденных им людей, животных и растений. Многие его наблюдения были так вдумчивы, что вызывали восторг натуралистов последующих веков.

Наряду с живой природой он внимательно изучает форму гор, строение почвы, очертания берегов. Колумб был первым европейцем, высказавшим мысль

о связи между морскими течениями и формой островов. Гумбольдт не мог без восхищения говорить об этой гипотезе Колумба, видя в ней один из ярких примеров его интуитивной мысли. Мы уже упоминали о наблюдениях Колумба над отклонениями магнитной стрелки.

Можно было бы приумножить число примеров, которые показывают нам Колумба, как одаренного и тонкого наблюдателя, ищущего разумных объяснений явлениям окружающего мира. Однако мы впали бы в ошибку, если бы попытались видеть в Колумбе ученого. Все его научные, идущие от разума, высказывания и догадки были только просветами в сознании, тонувшем в религиозной догматике и церковных канонах.

На протяжении всей жизни у Колумба никогда не возникало сомнений в отношении положений и выводов, сообщаемых церковными авторитетами. Изучал ли он «Картину Мира», читал ли библию, — все, что сообщалось этими книгами, принималось им на веру, без какой-либо критической оценки.

Колумб жил на грани двух эпох — схоластических средних веков и нового времени, постепенно раскрепостившего человеческое сознание. Рядом с ним жило немало людей, высвободившихся из пут догматической мысли. Его современниками были Коперник и Леонардо да Винчи. По умственному своему складу Колумб мало походил на этих людей. Его сознание еще уходило корнями в средневековье, в церковную ученость и непререкаемость авторитетов.

Следует представить себе внутренний мир человека, одаренного большой наблюдательностью и способностью к обобщениям, наделенного в то же время сильным воображением и вместе с тем слепо следующего за церковной догмой. Только при таком складе

ума у Колумба могла возникнуть нелепая идея, что им во время третьего плавания открыт библейский рай.

Колумб три раза пересек океан в направлении с востока на запад. Всякий раз по мере движения к западу климат становился все мягче и приятнее. Особенно резко это явление было выражено при третьем плавании, когда из жестоких мук тропиков Колумб вырвался на просторы Атлантики. Колумб не мог оставить это без объяснения, как сделали бы тысячи других мореплавателей. Его мысль без устали работала и искала разгадки.

Когда флотилия адмирала стояла у Парии, Колумб был поражен обилием пресной воды, изливаемой в залив многочисленными реками. Он начал догадываться, что такие мощные реки могут течь только по большой территории, и стал подозревать, что он находится у континента.

После отплытия из Парии в Эспаньолу полуослепший адмирал, лежа в затененной каюте, напряженно думал над своими наблюдениями. Вот к чему он пришел, что он написал в своем отчете королям о плавании к берегам Парии:

«Я всегда считал, что земля имеет форму шара, как суша, так и море. Это можно найти у Птолемея и у других писателей. Но я видел столько отклонений, что составил себе совсем иное представление о форме земли. Она не круглая, как о том пишут, но имеет форму груши, несомненно округлой, но удлиненной в том месте, где находится ее хвостик. Это нечто в форме шара, имеющего в одной своей части возвышение в виде соска женской груди. Это возвышение ближе к небу. Оно находится на востоке. Именно этим объясняется то, что суда, движущиеся к западу, начинают в ста лигах от Азорских островов

постепенно и плавно подыматься к небу. Поэтому температура становится прохладнее».

«Священное писание сообщает, что бог создал рай и поместил в нем древо жизни и направил из рая четыре величайших реки вселенной: Ганг, Евфрат, Тигр и Нил. Я не нашел нигде в книгах указания о местонахождении земного рая. Св. Амвросий и ряд других теологов утверждают, что рай находится на востоке. Я уже говорил об открытом мною повышении земли. Я не думаю о возможности проникнуть в рай, так как там можно оказаться только по воле господней. Рай находится на вершине хвостика груши или соска. Чтобы добраться туда, нужно постепенно подниматься очень издалека. Это оттуда притекают эти огромные количества пресной воды. Все это — несомненные доказательства того, что рай находится здесь. Если бы эти реки текли не из рая, чудо было бы еще большим, так как нигде в мире нет рек, более длинных и глубоких».

Сенсационное открытие Колумбом затерянного рая не произвело впечатления в Испании. Там от адмирала ждали более полезных и ощутимых находок — золота и драгоценных пряностей.

Заговор Ролдана

Больной и усталый, прибыл Колумб после двухлетнего отсутствия на Эспаньолу. Он застал здесь общее брожение и вооруженные распри между колонистами.

Колумбу стало известно, что на острове через год после его отъезда вспыхнул мятеж, который с тех пор все разрастался, угрожая не только интересам адмирала, но и существованию самой колонии.

Тяжело было Колумбу узнать, что на него опол-

чился Франсиско Ролдан, человек, обязанный ему всей своей карьерой и благополучием. Ролдан был долгое время личным слугою Колумба. Его природные способности обратили на себя внимание адмирала, и он назначил сметливого слугу младшим алкальдом колонии, что соответствовало должности мирового судьи.

Ролдан проявил много ловкости и здравого смысла при улаживании споров между жителями Изабеллы. Когда Колумб готовился покинуть остров вместе с Агуадо, ему пришла мысль назначить Ролдана на пост старшего алкальда. Это был уже высокий пост главного судьи, второго лица на острове после вице-короля. Колумб рассчитывал, что Ролдан, обязанный ему своим преуспеванием, будет в его отсутствие строго блюсти интересы семьи Колонов.

Столь часто обманывавшийся насчет привязанности благодетельствованных им людей, Колумб ошибся и на этот раз. Ролдан больше всего интересовался упрочением своего высокого положения. После того, как Колумб покинул остров вместе с королевским контролером, у Ролдана и у всех колонистов не оставалось больше сомнения в том, что адмирал будет в ближайшее время смещен. Оставленным на острове наместнику Бартоломео Колону и его брату Диего скоро придется удалиться из Эспаньолы — их заметит новый губернатор, назначенный королями.

Главный судья понял, что при создавшемся положении стать врагом Колонов будет более целесообразно. Он поспешил порвать с Колонами всякие отношения. Но намерения Ролдана простирались дальше — он решил воспользоваться своим высоким положением, отстранить от власти обоих Колонов и захватить управление Эспаньолой в свои руки.

Франсиско Ролдан вышел из крестьян. Он пре-

красно знал настроения колонистов-простолюдинов и в разговоре с ними, переходя на народный говор, легко рядился в одежды защитника интересов простого народа. Судья принялся исподволь сеять недовольство среди земледельцев, ремесленников и солдат колонии против наместника, оставленного Колумбом. Когда колонисты жаловались на суровую дисциплину, жестокие наказания, налагаемые Бартоломео Колоном, на тяжелые работы, Ролдан лицемерно выражал сочувствие обиженным и утешал их тем, что адмирал будет скоро смещен, так как после обследования контролера короли в нем разочаровались. Скоро уберутся с острова и оба Колона, которые равнодушны к страданиям испанцев и используют их только как рабов при постройке домов и крепостей, или как вооруженных наемников при ограблении кациков.

Внушения Ролдана нашли отклик среди многих поселенцев и особенно солдат, испытывавших тяжелые лишения. Почувствовав, что за ним пойдет на открытую борьбу с Колонами большая часть солдат и колонистов Эспаньолы, Ролдан приступил к более решительным действиям. Воспользовавшись длительным отсутствием наместника, отправившегося для собирания дани в отдаленную часть острова, он как главный судья выступил во имя защиты интересов испанской короны. Придравшись к тому, что Диего Колон велел вытащить на берег единственную из оставшихся на острове каравелл, он заявил, что это сделано Колоном умышленно, чтобы лишить поселенцев возможности отправиться на родину и принести жалобу королям. Братья, говорил он, решили остаться хозяевами Эспаньолы и удержать в своей власти испанцев, превращенных ими в рабов. Ролдан призывал недовольных захватить во имя торжества законов Кастилии каравеллу и спустить ее на воду.

Диего Колон был мягким, слабохарактерным человеком. Вместо того, чтобы немедленно арестовать бунтовщика, он отправил его с сорока солдатами в Царскую долину, будто бы для умирения туземцев, а в действительности для того, чтобы удалить из центра колонии.

Ошибка Диего Колона дала возможность Ролдану сделаться хозяином житницы острова. Здесь он начал вербовать себе сторонников среди гарнизона фортов долины и восстанавливать против Колонов индейских кациков. Когда Бартоломео вернулся в Изабеллу, Ролдан собрал уже большие силы. Во главе многочисленного и хорошо вооруженного отряда вошел он в город, где надменно заявил наместнику, что выступает, как судья от имени королей и для защиты их интересов. Он потребовал от Бартоломео немедленного спуска каравеллы на воду. Старший Колон был человеком твердой воли — угрозы не могли запугать его. Он отказался выполнить требование главного судьи. После этого Ролдан снова ушел в долину.

Бартоломео долгое время не решался применить силу для подавления мятежа. Причиной колебаний энергичного наместника была неуверенность в оставшихся у него солдатах. До наместника дошли сведения, что Диего де Эскобар, начальник форта Магдалины, а также офицеры де Моксика и де Вальдивиссо, — люди с большим влиянием в Испании, — присоединились к Ролдану. Только Бальестер, начальник форта Консепсьон, остался верен и умолял Бартоломео притти ему на помощь против осаждавших форт бунтовщиков.

Бартоломео сделал попытку договориться с Ролданом. Он отправил парламентаров в деревушку, где расположился глава мятежников. Наместник обещал

Ролдану прощение, если он немедленно сложит оружие и прибудет в Изабеллу. В противном случае он навлечет на себя обвинение в мятеже — преступлении, караемом смертью. Ролдан высокомерно ответил, что он продолжает оставаться на службе королей и защищает их подданных против захватчиков.

Возможность примирения, таким образом, отпала. Мятежник двинул снова свои силы на Изабеллу. Здесь ему удалось разграбить склады и раздать своим соучастникам оружие, амуницию, одежду и скот. После опустошения города Ролдан снова выступил в долину.

Тем временем управление островом пришло в полное расстройство. Туземцы, видя раздоры белых между собой, перестали платить подати. Кацики вступали в союз с мятежниками, освобождая их от дани, но грабившими их пуше прежнего. Теперь почти весь остров оказался в руках Ролдана. Только Изабелла и несколько оставшихся верными фортов еще оказывали ему сопротивление.

В критические для Бартоломео дни февраля 1498 года он получил известие о прибытии в новый порт колонии Сан Доминго эскадры с продовольствием. Начальник эскадры Коронель вез радостные для Колонов вести: Колумб получил у королей подтверждение всех своих прав и отправлен ими в новое плавание. Королева особым указом закрепила назначение Бартоломео наместником. Братьям Колон и оставшимся верными Колумбу колонистам особую радость доставило получение жизненных припасов. Это позволяло надеяться на под'ем настроения защитников фортов и Изабеллы, испытывавших жестокий голод.

Для Ролдана привезенные из Испании новости были тяжелым ударом, сокрушавшим все его надежды. Перед ним выросло довольно мрачное будущее мя-

тежника, восставшего против законного вице-короля. Теперь он охотно воспользовался бы прощением, предложенным ему Бартоломео вторично. Но он мало доверял крутому нраву старшего Колона и опасался жестокой расправы. Ролдан колебался недолго. Будучи по натуре азартным игроком и авантюристом, он решил пойти в затейной им борьбе с Колонами до конца.

Наместник, чувствуя за собой авторитет законной власти, всенародно объявил Ролдана и его сообщников изменниками. Однако ни одна из борющихся сторон не рисковала пойти на вооруженное столкновение. Наместник и мятежник приглядывались друг к другу и выжидали благоприятного момента для нанесения удара.

Колумб и Ролдан

Таково было положение на острове, когда Колумб высадился в Сан Доминго после утомительного трехмесячного плавания. Вместо заслуженного отдыха адмиралу пришлось погрузиться в дела Эспаньолы, превратившейся за время его отсутствия в осиное гнездо интриг и предательства.

Куда бы ни заглянул адмирал, он всюду видел расстройство и упадок. Поля вокруг Изабеллы и Сан Доминго не возделывались, добыча золота прекратилась.

Воспользовавшись распрями между своими господами, индейцы стали снова нападать на испанцев. Всех колонистов объединяло одно страстное желание — поскорее покинуть этот несчастный остров.

Колумб начал свою деятельность с обнародования приказа, одобрявшего действия наместника против Ролдана. Судья лишен был им звания и вместе с со-

общниками об'явлен изменником, подлежащим поимке и казни.

Узнав о прибытии адмирала, Ролдан удалился в уединенную часть острова, в область Ксарагву. Здесь, в богатых землях кацика Бегечию, Ролдан расположил свои силы и стал ждать действий Колумба. Банды мятежников принялись опустошать запасы туземцев, грабить и развратничать. Разбойничья вольница привлекала испанцев в стан Ролдана. Судья поэтому охотно поощрял разбой и разгул.

Бунтовщиков очень усилило присоединение к ним почти всех испанцев, прибывших на Эспаньола на трех каравеллах, с которыми Колумб расстался у острова Ферро. Случилось так, что течения отнесли флотилию к берегам Ксарагвы. Ролдан так ловко обошелся с попавшими в его расположение моряками и переселенцами, что в дальнейший путь в Изабеллу отправились только капитаны и горсть солдат. Все остальные примкнули к банде Ролдана. Одному из капитанов, Карвахалю, Ролдан передал письмо для Колумба. Мятежник писал адмиралу, что сможет при личном свидании передать ему свои жалобы и доказать законность своих действий.

Главным доводом Ролдана при возбуждении колонистов против Колумба и его братьев была жалоба на удержание поселенцев на острове силой. Чтобы покончить с этим, Колумб об'явил, что всякий, желающий отправиться на родину, может покинуть остров на одной из пяти стоявших в порту каравелл. Этой мерой адмирал рассчитывал ослабить партию Ролдана, а среди своих сторонников оставить только самых надежных людей.

После этого Колумб попытался начать переговоры с Ролданом через посредничество Бельестера, коменданта форта Консепсьон. Адмирал обещал Ролдану

прощение, если тот прекратит мятеж. Он приглашал его явиться для переговоров в Сан Доминго, давая ему клятвенную гарантию неприкосновенности.

Ответ Ролдана на предложенную адмиралом амнистию был очень краток. Он отвергал предлагаемое ему снисхождение и требовал от Колумба признания своей правоты.

Надменный ответ Ролдана ставил адмирала в необходимость прибегнуть к оружию. Но когда Колумб попробовал проверить свои силы и приказал колонистам Сан Доминго собраться для выступления против мятежников, на его зов явилось только семьдесят человек, из которых можно было положиться только на сорок. Остальные под разными предлогами не захотели стать в его ряды.

Адмирал убедился, что он со всех сторон окружен недоброжелателями. При таком положении о вооруженном подавлении мятежа не могло быть и речи. Но Ролдан не шел на переговоры. Адмиралу оставалось только ждать и рассчитывать на непредвиденные обстоятельства, которые могли бы изменить положение в его пользу.

Когда суда, которые снаряжал Колумб для отсылки на родину колонистов, желавших покинуть остров, были готовы к отплытию, Колумб долго не находил в себе мужества отправить их в море. Он все надеялся получить возможность передать двору весть о прекращении мятежа. Восемнадцать дней стояли на рейде пять каравелл, совсем готовых к отплытию. Среди возвращавшихся в Испанию колонистов начался ропот. Погруженные в трюмы рабы гибли от духоты и голода.

Конца мятежу не было видно. Дальнейшая оттяжка отсылки каравелл могла привести лишь к новым возмущениям. В середине октября Колумб вынужден

был отправить суда. С ними он посылал королям доклад о мятеже. Он просил отозвать непокорного Ролдана в Испанию и прислать чиновника для производства следствия. Одновременно с донесением Колумба в Испанию пошли многочисленные письма сторонников Ролдана. Сам Ролдан через своих приверженцев отослал королям доклад, в котором оправдывал свои действия поведением Колумба и его братьев,ставляя их в самом мрачном свете.

Между тем положение Колумба, отсиживавшегося в Сан Доминго, становилось с каждым днем все более неприглядным. Через верных людей он получил сведения о новых изменах. Адмирал решил искать путей к соглашению со своим врагом. Он написал Ролдану любезное письмо, напоминал ему о старой их дружбе, говорил о боли, испытываемой им из-за ссоры, возникшей между его лучшим другом и братьями. Адмирал призывал судью ради общественного блага не упорствовать и пойти на мировую.

В ответ Ролдан написал Колумбу, что он готов прибыть в Сан Доминго для переговоров, но требовал присылки охранных листов для него и для лиц, которые будут сопровождать его. Колумб исполнил требование мятежника, и вскоре Ролдан был в Сан Доминго.

Начались унижительные для вице-короля переговоры. Но Колумб вынужден был идти на соглашение любой ценой. После долгих обсуждений между сторонами подписано было соглашение, состоявшее из следующих условий:

1. Ролдану и его товарищам разрешалось отплыть в Испанию на судах, которые адмирал обязывался оснастить в течение пятидесяти дней со дня подписания договора.

2. Товарищи Ролдана, имущество которых было

конфисковано, имеют право на полное возмещение золотом.

3. Вице-король обязывался выдать всем сторонникам Ролдана аттестаты о безупречном их поведении за все время пребывания под его властью.

6

esta le fela q sea en el poder de su gener ya desfela y
o q sea con bueno q desfela q faga la gener en q
le sea a cargo // de dia y de noche y todos momentos
le debrian las gentes dar gracias deo confiteor
yo dize arriba q quise mucho por cumplir de las pro-
piedades / y digo q sea cosas gentes en el mundo . v
digo q la fela es q no sea da guerra a ello. el
jueces del mundo en todos tiempos de la paxa tro
a ca me lo dice .

Рукопись Колумба

Это соглашение было подписано в конце ноября. Как ни тяжело было адмиралу отсылать в Испанию суда, на которых он рассчитывал совершить новые разведки у берегов Парии, он пошел и на это, — лишь бы поскорее избавиться от бунтовщиков.

Но снаряжение судов затянулось из-за полного расстройства хозяйственной жизни на острове. Они были готовы только через два месяца после установленного в договоре срока. Ролдан воспользовался этим предлогом для отказа от соглашения.

Все унижения Колумба оказались напрасными. Ролдан и его сторонники чувствовали себя хозяевами по-

ложения и считали, что проявили в соглашении с адмиралом излишнюю уступчивость.

Колумб был в отчаянии. Его смятение еще возросло, когда из Испании прибыл ответ на его донесение о мятеже. Ответ был составлен Фонсекой во враждебном тоне. Епископ сообщал, что решение по делу отложено до тех пор, когда короли смогут лично рассмотреть его. После высочайшего рассмотрения будут приняты необходимые меры.

Теперь адмиралу нетрудно было догадаться, что его враги восторжествовали при дворе. Первым его побуждением было немедленно отплыть в Испанию. Но это значило бы оставить остров во власти Ролдана.

На беду Колумба, Ролдан дознался о письме Фонсеки. Теперь его условия были уже значительно более наглыми, но Колумбу не оставалось выбора. Он подписал новое соглашение:

1. Пятнадцать человек из заговорщиков адмирал обязывался отправить в Испанию на судне, стоявшем в Сандомингском порту.

2. Все остальные сторонники Ролдана получают на острове в собственность участки земли и крепостных индейцев для обработки.

3. Адмирал обнародует приказ о том, что все обвинения, возведенные на Ролдана и его товарищей, были основаны на ложных доносах и клевете людей, намеревавшихся погубить их в глазах королей.

4. Ролдан восстанавливается в своем звании старшего алкальда Эспаньолы.

Так глава мятежа оказался снова в роли важнейшего должностного лица колонии. Вступив победителем в Сан Доминго, Ролдан продолжал поддерживать тесные связи со своими сторонниками. Люди Ролдана стали наиболее влиятельными лицами на

острове. Колумбу приходилось сносить вызывающий тон старшего алкальда, видевшего в адмирале лишь побежденного и униженного им врага.

Королевский ревизор Бобадилья

Великий мореплаватель, завязший в несчастных делах своего вице-королевства, мог только догадываться о том, какое тягостное впечатление произведут при дворе события на Эспаньоле.

Мятеж Ролдана был крупнейшим козырем в руках Фердинанда, стремившегося к отмене прав, выговоренных Колумбом в его договоре с короной.

В конце 1498 года Фонсека с разрешения королей выдал Охеде, участнику второго плавания Колумба, патент на экспедицию к берегам Парии, подробное донесение о которой только-что прибыло от адмирала. Красочное описание края, изобиловавшего жемчугом, возбудило алчность конкистадора, любителя легкой наживы.

Такое же разрешение получил лоцман Ниньо, участник первого и третьего плаваний Колумба. Это был бедный моряк. Он с большим трудом занял нужные для экспедиции деньги, на которые снарядил маленькое суденышко. Его плавание к местам, указанным Колумбом, к островам, изобиловавшим жемчугом, дало богатые результаты. В начале апреля 1500 года Ниньо вернулся в Испанию с грудой жемчуга.

В конце 1499 года с таким же разрешением отплыл на запад Висенте Пинсон, участник первого плавания адмирала.

Фонсека, с согласия королей, давал теперь разрешения на разведки всем желающим, лишь бы они обя-

зались внести часть прибыли в королевскую казну. Все эти люди при осуществлении своих экспедиций пользовались не только знаниями, добытыми в совместных с Колумбом плаваниях, но и его картами.

Эти экспедиции ускоряли исследование западного континента и в этом отношении имели большое положительное значение, но Колумб видел только грубое нарушение присвоенной ему договором монополии.

Он посылал королям письма, в которых старался убедить их в ложности доносов, в необходимости терпения с их стороны, умолял не принимать поспешных решений: «Да простит бог тем, кто поносил и продолжает поносить мое прекрасное дело, кто мешал и продолжает мешать его дальнейшим успехам. Люди не хотят понять, что они возвеличат славу и силу их величеств перед лицом всего мира. Они ничего не находят сказать в осуждение этого предприятия, кроме того, что оно требует расходов и что я не послал тотчас же кораблей, груженных золотом».

Как бы в предчувствии своего грядущего поражения в борьбе с врагами, он с отчаянием в душе пишет: «Я знаю, что вода, падая по каплям, в конце концов проточит камень».

Но теперь никакие мольбы уже не могли спасти положение Колумба. Вера королей в адмирала была исчерпана. Его энтузиазм стал восприниматься, как дерзкое самомнение. Его начали упрекать в высокомерии и алчности, в пристрастном покровительстве своим братьям.

По существу, неудовольствие против адмирала питалось жестоким разочарованием, овладевшим всей страной и двором. Слишком щедры были посулы адмирала, слишком много было выдано им обязательств.

С каким-то непостижимым постоянством события

следовали одно за другим, ускоряя падение Колумба. Многие вернувшиеся в Испанию из Эспаньолы ремесленники и земледельцы, не получившие при отъезде следуемых им денег, стали шумно требовать расчета. Недовольные добирались до дворца, толпились под его окнами. При виде разряженных сыновей Колумба, пажей королевы, толпа озлобленных и изнуренных людей провожала их свистом и враждебными криками. Эти повторявшиеся несколько раз демонстрации производили на придворных самое тягостное впечатление.

Из несчастной истории с заговором Ролдана Изабелла могла сделать только один вывод — Колумб был высоко одаренным моряком, но беспомощным администратором, нерешительным и, повидимому, не сознававшим всей значительности доверенной ему вице-королевской власти. Королева решила принять советы Фердинанда и заменить Колумба другим лицом, которому будет поручено управление островом. Повод для подобного назначения дал сам Колумб, просивший направить на остров доверенное лицо королей для расследования мятежа.

Выбор пал на Франсиско Бобадилю, придворного вельможу, кавалера военно-религиозного братства Калатравы. Короли снабдили Бобадилю своими инструкциями. В течение двух месяцев были изданы одно за другим четыре королевских повеления. По ним можно видеть, как круто менялось отношение Фердинанда и Изабеллы к Колумбу. В первом повелении Бобадиле предлагалось произвести строгое расследование и наказать всех возмущившихся против вице-короля, прибегая при надобности к его содействию. Во втором имя Колумба не упоминалось вовсе. Оно представляло собою обращение ко всем жителям острова, в котором сообщалось о назначении Боба-

дильи губернатором. Третье распоряжение, обращенное к Колумбу, адресовано было адмиралу моря-океана и не включало в себя второго титула вице-короля. Колумбу предлагалось все состоящие в его ведении крепости, суда, магазины, оружие, припасы и вообще все казенное имущество сдать, под страхом строгого наказания, губернатору Бобадилье. Четвертое повеление, данное на имя «адмирала Колона», было лаконично и обязывало его верить и повиноваться всему, что ему сообщит Бобадилья.

Любопытно, что в то время, когда на голову Колумба готов был обрушиться направленный королями удар, дела на острове стали приходить в некоторый порядок. Колумб и его братья деятельно занимались хозяйством колонии. Им удалось добиться возобновления полевых работ, индейцы снова принялись за добычу золота, стали вносить подати. Когда Бобадилья, облеченный неограниченными полномочиями, был уже в пути, Колумб решил, что Эспаньола не нуждается больше в его попечении и он может, наконец, заняться своим любимым делом — он начал приготовления к новому разведывательному плаванию в южных водах.

Колумб в цепях

23 августа 1500 года на рейде Сан Доминго показались две каравеллы, лавировавшие у берега в ожидании лоцмана. К пристани вышел дон Диего Колон, управлявший колонией в отсутствии старших братьев, отправившихся в горы. Дон Диего долго разглядывал парусники, а затем направил к ним портового лоцмана. Подойдя к ставшим на рейде судам, лоцман спросил, с каким грузом они прибыли. Тут появился Бобадилья и сообщил, что прибыл королев-

ский ревизор для расследования беспорядков на острове.

Новость, привезенная лоцманом, вмиг облетела все поселение. Жители Сан Доминго пришли в неопишное волнение. Сразу же появилось множество недовольных, желавших принести жалобу на адмирала и его братьев. Многие колонисты, не дожидаясь подхода судов к берегу, отплыли в лодках к каравелле Бобадиля и засыпали его своими претензиями.

Когда судно Бобадиля вошло в порт, первое, что бросилось комиссару в глаза, была виселица, на которой раскачивался недавно повешенный испанец. «Кто этот человек,—спросил королевский ревизор,—и за что он повешен?» Ему ответили, что казненный — один из участников недавнего заговора Моксикки, последнего мятежа против семейства Колонов. Уже повешено семеро бунтовщиков, а пятерых, приговоренных к смерти и заключенных в Сандомингскую крепость, скоро ждет та же участь.

Бобадиля решил, что жалобы на жестокость адмирала не лишены оснований. Узнав, что Колумба нет в городе, он остался на судне. В течение всего дня к каравелле подплывали на шлюпках жалобщики. Среди них было немало людей, боявшихся наказания и спешивших заранее очернить адмирала, чтобы самим уклониться от ответа.

На завтра Бобадиля спустился на берег и отправился в церковь. Здесь были Диего Колон и все знатные лица колонии. Контролер велел прочесть перед сановниками Сан Доминго и собравшейся на церковной площади толпой королевскую грамоту, гласившую, что Франсиско Бобадиля назначается ревизором острова. После этого он потребовал от Диего передачи в его ведение всех арестованных. Диего отказался выполнить это распоряжение — преступ-

ники арестованы по повелению адмирала и без его разрешения он не может ничего предпринять. На это Бобадилья презрительно ответил, что если для дон-а Диего Колона недостаточно его полномочий королевского ревизора, то он сможет завтра пред'явить другие полномочия.

На следующий день, при огромной толпе колонистов, жадно ожидавших дальнейшего течения событий, Бобадилья велел огласить королевскую грамоту, назначавшую его губернатором острова, и потребовал затем передачи ему арестованных. Но и на этот раз он получил тот же ответ — при всем уважении к королевским грамотам Диего Колон не может выполнить требований нового губернатора, так как он лично держит перед адмиралом ответ за всех арестованных.

Видя стойкое сопротивление Диего Колона, толпа стала уже сомневаться в могуществе нового губернатора. Разочарование зрителей не укрылось от Бобадильи. Это вывело из себя спесивого сановника. Он велел огласить королевский указ, повелевавший Колумбу сдать Бобадилье все крепости, корабли и казенное имущество. Когда Диего и на этот раз отказался выполнить его требование, Бобадилья призвал на помощь прибывших с ним моряков и солдат и вместе с толпой колонистов направился к крепости, чтобы завладеть ею силой. Крепостные ворота были сорваны с петель. Бобадилья велел расковать приговоренных к повешению и перевести их в город.

После этого новый губернатор издал ряд распоряжений, которыми рассчитывал привлечь к себе симпатии колонистов. Он приказал уплатить всем, находившимся на службе в колонии, следуемое им жалование, обязал адмирала уплатить его собственные долги. Через несколько дней он об'явил о разрешении

всём живущим на острове испанцам добывать и приобретать золото, внося в казну только одиннадцатую долю добытого, вместо трети, установленной Колумбом.

В одном из своих приказов, опьяненный властью и успехом среди колонистов, Бобадилья об'явил, что отправит адмирала на цепи в Испанию и что впредь ни он сам и никто из его семьи не ступит ногою на Эспаньолу.

Когда слухи о действиях Бобадильи достигли Колумба, находившегося в форте Консепсьон, он решил, что все, происшедшее в Сан Доминго, — продолжка какого-то развязного проходимца, забравшегося на остров. В последнее время, после того как Фонсека стал широко раздавать патенты на плавание, к Эспаньоле не раз подплывали люди, не внушавшие ни уважения, ни доверия. Вероятно, это один из них. Диего не смог справиться с наглцом только из-за своей мягкости.

Но скоро Колумбу пришлось убедиться, что человек, обещавший посадить его на цепь, был облечен неограниченным доверием королей. По острову разъезжали алкальды, оглашавшие повсюду полномочия Бобадильи.

В жестоком смятении адмирал обратился к королевскому ревизору с письмом. Он приветствовал своего гостя и просил его не принимать поспешных мер. Он сообщал Бобадилье, что собирается отправиться в ближайшее время в Испанию и охотно передаст ему управление островом на время своего отсутствия.

Растерявшийся Колумб искал какого-нибудь не очень унижительного для себя выхода.

Но напрасно ждал адмирал ответа на свое письмо — Бобадилья не удостоил его своим вниманием.

Через несколько дней к Колумбу прибыли из Сан Доминго чиновник и монах, пред'явившие ему королевскую грамоту, которая повелевала адмиралу повиноваться во всем Бобадилье. Посланные передали Колумбу также приказ нового губернатора явиться немедленно к нему в Сан Доминго.

Один, без свиты, в'ехал вице-король в город. Встречавшиеся на пути колонисты отворачивались от него или осыпали его бранью. Колумб надеялся на личное свидание с Бобадильей, но тот не допустил его к себе. Он велел задержать адмирала и заковать его в цепи. Как рассказывал друг Колумба, историк Лас Касас, «его собственный повар, бесстыдный и подлый негодяй, заметив, что никто не решается принять на себя исполнение этой отвратительной обязанности, взял кандалы и набил их своему господину так проворно и с таким довольным видом, как будто бы он стряпал для него какое-нибудь любимое блюдо».

В Сандомингской крепости, в грязной и темной башне, томились три закованных в цепи узника—Колумб и его братья. Днем они задыхались от нестерпимой духоты, а когда наступали часы вечерней прохлады и измученные заключенные готовы были забиться в тяжелом сне, их слух начинали терзать доносившиеся извне, сквозь узкие щели тюремной башни, звуки труб и крики толпы. Каждый вечер у стен крепости собирались враги поверженного адмирала, чтобы напомнить ему о своем торжестве и радости.

Бобадилья готовил корабли для отсылки Колумба и его братьев в Испанию и назначил для сопровождения арестованных и сдачи их епископу Фонсеке одного из офицеров своей свиты—Вильехо.

Пришло время отплытия. Когда Вильехо с конвоем вошел в тюремную башню, Колумб решил, что про-

бил его смертный час, — в темницу явились убийцы, подосланные губернатором, чтобы прикончить его.

— Вильехо, куда вы хотите вести меня?

— На корабль, ваша светлость, мы едем в Испанию.

— Едем в Испанию? Правду ли вы мне говорите?

— Клянусь вам, ваша светлость, что это совершенная правда.

Искренний тон Вильехо и его явное сочувствие узнику несколько ободрили Колумба. Он долго расспрашивал офицера и в конце концов поверил тому, что его действительно собираются доставить в Испанию.

Колумб стал надеяться на будущее. Если он доберется до Испании, он сможет обратиться за помощью к своим старым покровителям, к королеве. Он будет взывать к чувству справедливости. Ведь не может быть, чтобы за величайшие услуги, оказанные им Кастилии, его вознаградили тюрьмой и цепями.

Вскоре арестантов перевели на каравеллы и тотчас же вышли в море. Вильехо оказался человеком добрым. В пути он склонил капитана каравеллы нарушить жестокие инструкции Бобадильи и облегчить участь узников. Их выводили наверх, хорошо кормили. Вильехо предлагал Колумбу снять с него цепи, но адмирал решительно отказывался. Теперь он упивался своими страданиями, его потрясала и экзальтировала безмерность учиненной над ним несправедливости. Он видел себя прибывшим в Испанию в образе многострадального Иова. Там он загремит своими оковами так, что звон их лишит покоя всех, кто позволил такое жестокое надругательство.

— Нет, — ответил он Вильехо, — их величества писали мне, чтобы я повиновался всему, что Боба-

дилья велит мне их именем. Их именем он наложил на меня цепи. Я буду их носить до тех пор, пока они сами не дадут повеления снять их с меня. Но и тогда я сохраню эти цепи как память о награде, полученной мною за все мои труды и услуги Кастильскому королевству.

В Кадиксе

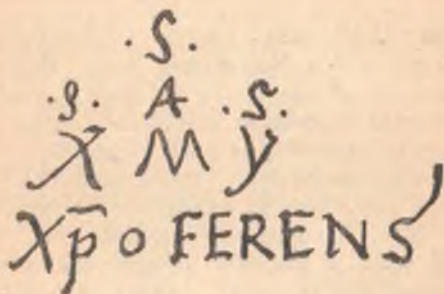
В октябре 1500 года судно с Колумбом и его братьями прибыло в Кадикский порт. Весть о прибытии адмирала, закованного в цепи, разнеслась по Кадиксу, оттуда проникла в близлежащую Севилью и вскоре стала злобой дня всей Испании.

С непосредственностью, свойственной народной массе, всюду эту новость встречали возмущением и протестом. Как, человек, открывший для Испании кратчайший путь в Индию, давший кастильской короне огромные новые земли, сейчас, в благодарность за свои услуги, подвергается унижениям, с ним обращаются, как с последним колодником? Испанский народ не хотел знать причин, не ждал обвинительных материалов. Он чувствовал всю неприглядность действий своих правителей и шумно изъявлял свое негодование.

Капитан каравеллы, доставившей Колумба в Испанию, уступил просьбам своего арестанта и взялся передать его письмо придворной даме донье де ла Торре, бывшей кормилице принца Хуана. Это длинное письмо, написанное Колумбом в пути, — подлинный крик раненого сердца, — полно жалоб, мольбы и возмущения. Вот отдельные отрывки из него:

«... Я прибыл к Кастилию, чтобы преданно служить вашим королям, и услуги мои таковы, равных которым никогда не было. Семь лет я провел в тру-

дах, достойных внимания, а между тем сегодня нет человека, достаточно подлого, кто бы не осмелился меня оскорблять. Испания, в которой всегда торжествовали благородные чувства, выказывает себя по отношению ко мне более враждебной, чем если бы я отдал Индии маврам.

The image shows a handwritten signature in dark ink on a light-colored background. The signature is enclosed in a simple rectangular border. It consists of three lines of text. The first line has a single letter 'S' with a dot above it. The second line has three letters: 'S' with a dot above it, 'A' with a dot above it, and 'S' with a dot above it. The third line has three letters: 'X' with a dot above it, 'M' with a dot above it, and 'Y' with a dot above it. Below these three lines is a long, horizontal line of text that reads 'Xp̄o FERENS'.

Подпись Колумба

...Клевета людей презренных причинила мне больше вреда, чем сколько доставили пользы все мои заслуги... Они до того чернили мое доброе имя, что, начини я строить госпитали и церкви, их называли бы разбойничьими вертепами.

...Следовало бы обратить внимание на то, что я подчинил все эти народы владычеству их величеств и отдал в их власть новую область, благодаря которой Испания, бывшая до сих пор бедной, сделалась богатою. Если я и совершил какие-нибудь ошибки, то они проистекли не из преступных намерений, и надеюсь, что их величества поверят мне в этом. Они

всегда являли милосердие к тем лицам, которые оказывались умышленно виновными перед ними. Это убеждает меня, что они будут не менее снисходительны и ко мне, погрешившему от неведения, как они убедятся в том впоследствии. Надеюсь, что они примут во внимание мои великие заслуги, польза которых становится очевиднее с каждым днем ...Причина зла заключается в том, что лицо, присланное для обследования моих действий, имело в виду занять мое место, если ему удастся обвинить меня.

...Я надеялся, что плавание в Парию с ее жемчугами и золото Эспаньолы уймут немного ненависть ко мне, потому что дверь к золоту и жемчугам уже открыта. Прибудут скоро и драгоценные камни и пряности. Торговля расширится до счастливой Аравии и Мекки, как я писал о том государям».

Двор был в то время в гренадской Альгамбре. Де ла Торре тотчас передала письмо адмирала королеве. Почти одновременно до двора достигли слухи о народном негодовании по поводу унижения Колумба. Фердинанд и Изабелла поняли, что прямолинейный Бобадилья переусердствовал. Они вынуждены были предоставить адмиралу хотя бы моральное удовлетворение и решили поэтому свалить всю вину на ревизора.

Изабелла направила срочного гонца с повелением немедленно освободить арестованных и оказать им все знаки внимания, следуемые их высокому положению. Одновременно Фердинанд и Изабелла послали Колумбу очень ласковое письмо, в котором выражали сожаление о причиненных ему обидах вопреки их желанию и инструкциям. Письмо сопровождалось двумя тысячами червонцев.

Короли приглашали адмирала явиться поскорее ко двору.

Отодвинуты тяжелые тюремные запоры. В темницу вбегает кадикский коррехидор, за ним кузнец, факельщики и покрытый пылью гонец.

— Начать с дона Крестоваль, — приказывает коррехидор.

Кузнец завладевает руками Колумба, несколько минут лихорадочно работает молотком, напильником и шипцами.

Цепи спадают с узника.

— К вам королевский гонец, дон Крестоваль.

В неверном свете смоляных факелов видит Колумб протянутый ему свернутый в трубку пергамент и туго набитый сафьяновый кошелек. Дрожащими, натруженными цепью руками берет он послание, срысывает печати и читает длинный, спадающий к полу свиток.

«Нашему адмиралу моря-океана... с глубоким возмущением узнали мы... понесет заслуженное наказание... вопреки нашей воле и указаниям... видеть нашего доблестного помощника... одежду и свиту, достойную его высокого положения».

Слезы застилают глаза адмирала, мешают ему читать слова утешения и тонкой королевской лести. Пергамент покрывается пятнами влаги, в которой расползаются затейливые завитки придворного писаря.

Но усилием воли Колумб справляется с охватившей его слабостью. Ему на помощь приходит пронизывающее его мозг опасение. Почему королева именует его адмиралом и ни разу не называет вице-королем? Не думает ли она отнять у него право на управление открытыми им землями?

Колумб поспешно вытирает ладонями глаза, выпрямляется и торопливыми шагами покидает тюрьму.

Он хочет поскорее добраться до Альгамбры и узнать от королей об их намерениях.

В середине декабря 1500 года Колумб появляется в Альгамбре в богатой придворной одежде. Оказавшись перед Фердинандом и Изабеллой, Колумб с новой силой предается воспоминаниям о пережитых им страданиях и несправедливости. Он предстал, наконец, перед своими господами, которым в течение восьми лет отдавал все свои знания и силы. Его господа отплатили ему черной неблагодарностью.

Рыдания душат адмирала. Он падает на колени. Могучее тело бьется в потрясающих его конвульсиях. Фердинанд и Изабелла берут его под руки, с усилием поднимают, усаживают рядом с собой, утешают как ребенка.

Отважный моряк, человек железной настойчивости, в течение долгой своей жизни мужественно сокрушавший бесчисленные препятствия на своем пути, отдался предательски завладевшему им чувству беспомощности.

Глядя на долго не успокаивающегося Колумба, Фердинанд и Изабелла могли заметить, как тяжело отразились на нем невзгоды, усталость, болезни. Кисти рук его изуродованы узлами подагры, белая голова дрожит, лицо изборождено морщинами, рот глубоко запал.

Когда волнение адмирала, наконец, утихло, он начал говорить о своей невинности. К нему постепенно вернулось обычное его красноречие. Он стал уверять королей, что во всех своих действиях руководствовался только их интересами, что его ошибки были последствием не злой воли, а неопытности в новом для него деле управления колонией, где на каждом шагу возникали непредвиденные затруднения.

Изабелла и Фердинанд заверили Колумба в своем

неизменном к нему доверии. Ему обещали, что Бобадилья, допустивший недостойные издевательства над адмиралом, будет немедленно отрешен от управления Эспаньолой. Колумб получит возмещение всех причиненных ему действиями Бобадильи убытков. Короли прикажут возвратить полностью принадлежащее адмиралу имущество. Особенно обрадовало Колумба королевское обещание полного восстановления его в правах и титулах.

— Ваши величества, могу ли я надеяться, что в ближайшем будущем получу возможность отплыть на Эспаньолу и снова взять в свое ведение незаконно отнятое у меня управление вашими поданными в Индиях?

Фердинанд и Изабелла обменялись быстрым взглядом. Адмирал подошел к самому чувствительному пункту. До аудиенции короли твердо решили, что Колумб в Индии больше не вернется. Как сообщить ему об этом? Эту миссию взял на себя Фердинанд.

— Адмирал! Ее величество королева соизволила передать вам наше общее твердое решение восстановить вас во всех ваших правах и титулах. Вы сохраняете также высокое звание вице-короля Индий, а потому и полномочия на управление Эспаньолой. Но несчастные события, потрясавшие остров последние годы, требуют длительных мер для успокоения колонистов и туземцев. Вы согласитесь с нами, что осуществление этих мер будет разумнее всего поручить новому губернатору, появление которого не грозит пробудить старые споры и страсти. Вы должны, адмирал, найти в себе мужество остаться в Испании в ожидании полного успокоения на острове. После этого вы сможете вернуться в вице-королевский дворец в Сан Доминго.

Фердинанд лгал. Опасаясь шумных протестов Колумба, желая избежать возможного выражения недовольствия сторонниками адмирала, он решил сохранить у Колумба надежду на возвращение в Сан Доминго.

После обнадеживающих слов Фердинанда Колумб не сомневался в обещании, данном ему в таких условиях. Он удалился из Альгамбры, исполненный надежд на скорое отплытие в созданную им колонию.

В опале

Стремление королей удержать Колумба вдали от Индий подсказывалось им несложными соображениями. Теперь, когда проложенный Колумбом путь был уже хорошо изучен, дальнейшие разведки могли с успехом выполнять рядовые капитаны, принимавшие участие в трех экспедициях Колумба. Эти капитаны не претендовали на связывающие корону льготы и привилегии. Фердинанда осаждали предложениями о снаряжении экспедиций в западную сторону океана даже за свой счет и с отдачей части прибыли правительству. К чему же было так дорого платить Колумбу за его услуги?

Фонсека, с согласия Фердинанда и Изабеллы, широко раздавал патенты на плавание. С каждым месяцем разведки испанцев в западном полушарии все расширялись. В начале 1500 года из Палоса, жившего теперь лихорадочной жизнью порта, снаряжавшего моряков в путь за добычей, вслед за Висенте Пинсоном отплыл Диего Лепе, которому удалось обогнуть мыс св. Августина и спуститься вдоль южного побережья Индий за экватор. Родриго Бастид осенью 1500 года обследовал побережье материка в водах Караибского моря.

Мы не станем перечислять путешествий многих других испанских капитанов в эти годы. Испанцы рьяно стремились догнать португальцев, добившихся к тому времени новых и решающих успехов. В 1497 году португальский моряк Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и, пересекая Индийский океан, доплыл до Калькутты. Великий план Генриха Мореплавателя был, наконец, полностью осуществлен.

После успеха да Гамы португальцы могли посмеяться над испугавшею их ранее шумихой, поднятою испанцами по случаю удачного плавания Колумба. В то время, как в Лиссабон широким потоком потекли перец, ладан, слоновая кость, сантал, жемчуг и многие другие восточные товары, испанцы за протекшие восемь лет извлекли очень мало выгод из своих западных владений.

В 1500 году португальский капитан Педро де Кабраль отплыл из Лиссабона для следования по пути, проложенному да Гамой вокруг Африки, имея конечной целью Калькутту. После того, как его экспедиция, состоявшая из тринадцати каравелл, миновала острова Зеленого Мыса, Кабраль решил держаться возможно более западного курса, чтобы избежать штилей, обычных у берегов Гвинеи.

Перед судами открылась вдруг в западном направлении земля. Сначала Кабраль принял ее за остров, но, следуя в течение многих дней вдоль берега, он убедился, что перед ним неизвестный западный материк. Капитан со своим флотом добрался до 15 градуса южной широты и обнаружил гавань. Здесь он взял всю землю во владение своего короля. Таким образом была основана португальская колония Бразилия.

Фердинанд ревнивым взором следил за успехами

португальцев и с каждым днем для него становилось все очевиднее, что восстановления монопольных прав Колумба не следует допускать ни при каких условиях.

Меж тем Колумб продолжал верить обещаниям королей. Он считал, что оттяжки и отсрочки его возвращения на Эспаньолу случайны. Ему следует только настойчиво напоминать Фердинанду и Изабелле о себе, чтобы ускорить исполнение данного ему обещания.

Теперь он снова обратился в ходатая при дворе, которого еле выслушивают, от которого стараются отделаться ничего не значащими словами. Великих его дел, блестящих плаваний, триумфального возвращения словно никогда и не было. Никто из прежних его покровителей при дворе не интересовался больше его судьбой.

Положение Колумба стало невыносимым, когда подаренные ему две тысячи червонцев были издержаны. Обещание вернуть ему деньги и имущество не выполнялось. Он попрежнему именовался адмиралом и вице-королем, должен был содержать многочисленных слуг, носить пышные одежды, но стал испытывать самую настоящую нужду. На письма, обращенные к королям, в которых он требовал выполнения обещаний, он подолгу не получал ответа. Добиться приема он не мог.

Для опального адмирала положение при дворе складывалось крайне неблагоприятно. Изабелла, более благосклонная к Колумбу, чем король, все более отходила от управления государством. Она была тяжело больна. Фердинанд стал вершить судьбы страны нередко без участия королевы. Он и Фонсека были теперь почти полновластными хозяевами всего, что касалось западных колоний. Хитрый Фердинанд, прекрасно оценивший силу времени, покры-

вающего забвением великие заслуги и громкую славу, задался целью постепенно, шаг за шагом, ликвидировать права и преимущества Колумба.

Колумб впал в состояние подавленности. Его деятельная натура не могла примириться с вынужденным бездействием, он тяжело переносил свою участь морехода, страстно любящего свое дело и обреченного на долгое пребывание на берегу. Достигавшие Колумба слухи об успехах испанских капитанов причиняли ему настоящие страдания: ведь он мог быть во главе всех этих предприятий!

Надвигавшаяся старость и тяжелые испытания несчастного 1501 года затуманили его сознание. Им овладели бредовые религиозные идеи.

В испанской Национальной библиотеке хранится в рукописи книга, сочиненная Колумбом в этот период его жизни и озаглавленная им «Книгой пророчеств». В ней Колумб доказывает, что открытие западного пути произведено им не на основании знаний, а под руководством божественной силы. Но путь в Индии есть только первая часть задачи, возложенной на него богом. Это только подготовка ко второму великому делу — завоеванию Иерусалима. После того, как он отвоюет у мусульман святую землю, наступит конец мира.

Может быть, Колумб надеялся найти утешение в том, что мир, полный несправедливости, скоро перестанет существовать. Но в этом человеке еще было много сил, и вскоре он вырвался из охватившего его состояния оцепенения и круга маниакальных представлений.

Он снова принялся за изучение морских карт и географии. В его голове родился план отыскания прямого пути в Калькутту на запад от Караибского моря. Во время плаваний он заметил сильные запад-

ные течения в бассейне этого моря. Это послужило Колумбу основанием для остроумного заключения. Адмирал был уверен, что должен существовать пролив, соединяющий это море с Индийским океаном.

Подготовка новой экспедиции

Колумб начал усиленно хлопотать перед королями о новом разведывательном плавании, о снаряжении небольшого флота под его командованием. Несмотря на возражения Совета, Изабелла приказала отпустить необходимые средства. Фердинанд рад был возможности отделаться от назойливого просителя, отправив его за пределы Испании, и поддержал королеву. Уже осенью 1501 года Колумб отправился в Севилью для подготовки своей четвертой экспедиции.

В это же время короли занялись, наконец, Эспаньолой. Дела острова за короткое управление Бобадильи пришли в еще большее расстройство. Фердинанд вспомнил свое обещание Колумбу о смещении Бобадильи и решил послать туда Николаса де Овандо, блестящего царедворца, личного своего друга. Колумбу было сообщено, что Овандо направляется на остров на два года. Чтобы возместить адмиралу новую отсрочку его возвращения в Сан Доминго, Изабелла приказала Овандо позаботиться о немедленном возврате Колумбу его личного имущества, оставшегося на Эспаньоле, а также о выплате причитающейся адмиралу части доходов. Колумбу разрешили послать на остров доверенное лицо для охраны его имущественных интересов.

Король передал адмиралу личную свою просьбу помочь снаряжению судов нового губернатора. Колумб направился в порт, где грузились каравеллы экспедиции Овандо. На якоре стояло тридцать су-

дов. С этим многочисленным флотом на Эспаньолу отправлялось 2500 человек. Тут были члены знатнейших фамилий Кастилии. Сам Овандо был в великолепно наряде. Шелк, золотое шитье и драгоценные камни на новом губернаторе странно контрастировали с францисканской рясой, опоясанной веревкой, в которую снова облачился вице-король Индий.

Приготовления к плаванию самого Колумба подвигались очень медленно. Фонсека чинил адмиралу множество препятствий. Паруса, канаты, матросы давались только после настойчивых и многократных требований.

Колумб просил у королей позволения зайти во время плавания в Эспаньолу. В этой просьбе ему было отказано. Только на обратном пути ему разрешалось пристать к острову, но лишь для того, чтобы пополнить свои запасы.

Перед отплытием Колумб стал настойчиво хлопотать перед Фердинандом и Изабеллой о новом подтверждении его прав. В который уже раз короли заявили, что все статьи их договора с Колумбом остаются нерушимыми. В особом письме они просили адмирала не беспокоиться о своих делах и отправиться в путь, положившись во всем на них. Охрану интересов Колумба в Испании они рекомендовали передать его старшему сыну Диего.

Однако Колумб уже перестал верить королевским обещаниям. Он решил обеспечить интересы своей семьи, доверив их защиту родному городу Генуе. Прежде чем отправиться в путь, он велел снять копии со всех своих патентов, грамот и других документов, полученных им у королей, засвидетельствовал их у севильских алкальдов и отослал с двумя нарочными в Геную для хранения в банке св. Георгия. Дальнейшие события полностью оправдали опасения Колумба.

Ч

Четвертое плавание

Четыре каравеллы отплыли из Кадикса 9 мая 1502 года, имея на борту 150 человек. С адмиралом были его брат Бартоломео и пятнадцатилетний сын Эрнандо. Переход через океан был совершен в благоприятных условиях. Пассаты без устали гнали флотилию к западу, и суда ни разу не меняли парусов до 15 июня, когда подошли к карибскому острову Мантинино. Отсюда Колумб стал подыматься к северу-западу, прошел мимо Доминики, Санта Круса и Порто Рико. Вскоре он появился в виду Сан Доминго.

Адмирал нарушал, таким образом, строгое распоряжение королей, запретивших ему заходить в порт Эспаньолы. Вероятно, Колумб не мог преодолеть свой страстный интерес к делам колонии. Поводом к заходу в Сандомингский порт он избрал плохое состояние одной из каравелл. Колумб рассчитывал обменять ее на другую. Кроме того, ряд верных признаков показывал адмиралу, что надвигается буря. Никто не сможет преследовать его за то, что он, спасая свой флот, укрылся в запретном порту.

В это время в Сан Доминго заканчивались приготовления к выходу в море флотилии, привезшей на остров Овандо. На судах находились отрешенный от управления колонией Бобадилья, Ролдан и многие его сообщники, а также все золото, добытое на острове за время управления Бобадильи.

На просьбу Колумба о разрешении зайти в порт

новый губернатор ответил решительным отказом. Надо полагать, что он имел на этот счет строгие предписания двора. Не помогли и указания на надвигающуюся бурю.

Огорченному Колумбу пришлось удалиться. Его флотилия стала огибать берег Эспаньолы в поисках защищенной бухты, где можно было бы простоять, пока пронесется ожидаемый адмиралом ураган.

Капитаны судов Овандо, готовившиеся к отплытию в Испанию, не поверили предупреждениям Колумба и вышли в море. Здесь они попали в шторм исключительной силы. Несколько каравелл пошло ко дну. Среди погибших были Бобадилья, Ролдан. Затонуло и все золото.

Хотя флотилия Колумба и находилась под прикрытием берега, сила налетевшего урагана была так велика, что три каравеллы были сорваны с якорей, отнесены в открытое море и потерпели сильные повреждения. Только судну, на котором был адмирал, удалось отстояться до конца бури в бухте.

После починок, длившихся несколько дней, эскадра подняла паруса и поплыла на запад мимо южного берега Ямайки. Теперь на море господствовал штиль. Течение относило суда на северо-запад, к берегам Кубы. Проплыв мимо Садов Королевы, они достигли большого острова, названного Колумбом Островом Сосен. Недалеко от него адмирал принял визит кацика с отдаленных земель, плававшего со своими женами и детьми в огромной лодке шириной в семь футов, перекрытой навесом. Индейцы, сидевшие в лодке, носили одежду из бумажной раскрашенной ткани, их утварь и оружие были сделаны из бронзы.

Кацик, прибывший, видимо, со стороны Юкатана, горячо приглашал Колумба посетить его земли. Если бы адмирал последовал за ним, он достиг бы, надо

думать, Мексики. Дальнейшее его плавание могло бы дать блестящие результаты. Но Колумбом владело желание поскорее открыть западный пролив Карибского моря и пробраться через него в Калькутту. Он поплыл поэтому в юго-западном направлении, под прямым углом к Юкатану.

Вскоре эскадра подошла к острову Гуанаха, лежащему у гондурасского берега, а затем пристала к материку. Бартоломео высадился на берег у устья большой реки, названной Колумбом Рекой Обладания, и взял всю землю во власть испанцев. Отсюда поплыли вдоль побережья прямо на восток, имея землю с правого борта.

Плавание сразу стало мучительным. Приходилось день и ночь бороться с противными ветрами и встречными течениями. За сорок дней было пройдено не больше 80 лиг. Часто за один бурный день суда относилось так далеко назад, что они теряли результат плавания трех-четырех предыдущих суток. Корабли расшатались, паруса и снасти изорвало ветром. Матросы не знали покоя и валялись с ног от усталости. Но Колумб с удивительной настойчивостью продолжал идти все в том же восточном направлении.

Только к середине сентября флотилия добралась до мыса, за которым берег круто загибался к югу. С этого пункта ветер стал попутным. Измученный адмирал назвал этот мыс Слава Богу (Грасиас а Диос).

Дальнейшее плавание к югу было настоящим отдыхом. Шли вдоль берега, получившего в настоящее время название Мосkitного. За ним простирался Богатый Берег — Коста Рика. Эскадра останавливалась у островов, приставала к материку. Без труда вступали в сношения с индейцами, пополняли запасы воды, дров, продовольствия и плыли все дальше в поисках западного пролива.

Когда подошли к побережью, названному Колумбом по имени одного из туземных селений Верагуа, адмирал и его спутники увидели на шеях индейцев украшения из настоящего высокопробного золота. Как и в предыдущие плаванья, началась мена драгоценного металла на бубенчики и бисер. Матросы просили адмирала задержаться в этих богатых краях, но Колумб повел суда дальше на юг, обещая матросам пристать к Верагуа на обратном пути, после открытия пролива.

Колумб начал расспрашивать туземцев на всех стоянках. Как и прежде, он подвергал их ответы очень своеобразному истолкованию. По записям Колумба можно судить, что его воображение сохраняло в эти годы всю свою прежнюю силу. «Все прибрежные индейцы восхваляли мне великолепие Сигуарской страны, лежащей от них к западу дней на десять пути. Они говорили, что жители той страны носят золотые короны и браслеты, вышивают золотом свои одежды, делают из него украшения для столов и стульев и вообще употребляют этот металл на самые обыкновенные домашние поделки. Увидев кораллы, они сказали, что сигуарские женщины носят из них ожерелья на шее и вокруг головы, а когда показали им перец и другие пряности, они заявили, что те края изобилуют ими. Сигуара — по их описаниям — страна торговая, с большими ярмарками и приморскими портами, в которые входят корабли, вооруженные пушками. О жителях говорили, что они воинственны, имеют, подобно испанцам, щиты, шпаги, латы и арбалеты и ездят верхом на лошадях».

Трудно сказать, какая из индейских деревушек Мосkitного берега называлась Сигуарой. Но воображение Колумба сделало ее совсем похожей на одну из чудесных китайских областей Марко Поло. Колумб

был поражен одним из собственных измышлений — будто бы море, огибая большой мыс, простирается до самой Сигуары, от которой на расстоянии десяти дней пути протекает Ганг.

Попав снова в заколдованный круг своих видений, Колумб гнал суда к югу, несмотря на протесты экипажа, желавшего собрать побольше золотых украшений у жителей Верагуа.

Экспедиция шла все дальше и дальше, следуя за изгибами берега. Колумб пристально наблюдал за каждым углублением, изучал устья рек. Его охватило нетерпение человека, близкого к отчаянию от долго не сбывавшегося страстного желания.

Наконец, каравеллы достигли того места побережья, до которого два года назад добрался, следуя в обратном направлении — от берегов Парии, Родриго Бастид. Колумб должен был убедиться в своей ошибке — прохода на запад не было.

Блестящая догадка Колумба, так остроумно сочетавшая морские течения с очертанием побережья, не нашла себе подтверждения. Путь на запад был прегражден тонкой тридцатикилометровой полосой Панамериканского перешейка. Но бедный адмирал не мог знать этого.

Колумб был подавлен еще одним крушением своих планов. Ему придется возвратиться домой с пустыми руками. Его ждут новые издевательства двора, новые посягательства на его права. Он готов был продолжить поиски. Может быть, Бастид прошел мимо пролива? Не упустил ли он сам этот пролив в одну из ночей, когда его валила с ног усталость?

Но против его намерения восстала команда. Матросы и офицеры и слышать не хотели о новых поисках. Они были совершенно равнодушны к целям Колумба и требовали возвращения к берегам Верагуа, где так

легкомысленно было оставлено на шеях и в ушах индейцев настоящее звонкое золото.

Теперь и Колумб готов был вернуться к Верагуа. Может быть, привезя королям золото Верагуа и основав колонию в районе золотоносных земель, он сможет умиловить своих врагов.

5 декабря эскадра повернула обратно. Расстояние, отделявшее ее от Верагуа, было невелико — не больше 30 лиг. Но на преодоление пути ушел целый месяц. Встречный ветер дул со все возрастающей силой. Несмотря на искусство штурманов, суда были отогнаны от побережья и вынесены далеко в открытое море. Здесь их настигла буря, продолжавшаяся шестнадцать дней.

Море кипело, как котел. Устрашенные штормом невиданной ярости, какие бывают только в тропиках, матросы готовились с минуты на минуту пойти ко дну. Суда затоплял ливень, о котором адмирал красноречиво говорил, что «с неба лился не дождь, а второй потоп». Каравеллы так наполнились водой, что матросам угрожала опасность утонуть на еще плавающих судах.

Когда шторм утих, обессиленные команды стали вычерпывать воду, сушить намокшее продовольствие. К их страданиям присоединились муки голода. Сухари были попорчены червями. Для того, чтобы матросов не рвало при еде, они глотали сухари в темных углах. Когда удалось поймать на крюки несколько акул, люди почли это за счастье. На несколько дней они избавились от голода.

Золото и беды Верагуа

6 января каравеллы подошли к устью двух, близко расположенных рек: Верагуа и Белен. Якорную сто-

янку выбрали в более глубоком Белене. Расспрашивая туземцев, Колумб выяснил, что золотые россыпи находились в верхнем течении Верагуа, в землях кацика Квибиана.

Колумб направил на разведку золотоносных земель отряд во главе со своим братом. В пути Бартоломео встретился с Квибианом. Это был высокий, стройный индеец, одаренный большой сметливостью и хитростью. Он сумел скрыть свои враждебные чувства к пришельцам, встретил их приветливо и обещал дать проводников к золотым копиям. Большой отряд испанцев в течение нескольких дней шел за проводниками и достиг мест, где было много золота. Испанцы подбирали крупинцы его на поверхности земли, между корнями деревьев.

Колумб решил основать на Верагуа новую испанскую колонию. Он собирался оставить здесь часть своих спутников. Колонисты должны будут собирать золото путем обмена и начнут разработку месторождений. По приказанию адмирала приступили к возведению домов, складов для хранения золота и других построек.

Когда работы подходили к концу и суда адмирала уже готовы были уйти в море, река Белен, на которой стояла эскадра, внезапно резко обмелела. У самого ее устья образовался песчаный пережат, преграждавший выход судам. Каравеллы оказались как бы в мышеловке. Приходилось ждать дождей, которые подымут уровень Белена и позволят пройти над отмелью.

В это время испанцы начали замечать подозрительные передвижения туземцев вокруг нового поселения. Нотариус экспедиции Диего Мендес вызвался произвести разведку в близлежащих землях. Мендесу удалось проникнуть незамеченным в глубь земель Кви-

биана. Здесь он обнаружил многотысячное войско, собранное кациком в строжайшей тайне для внезапного ночного нападения на поселок и суда белых. Повидимому, за короткое свое пребывание на берегу Верагуа белые успели своими бесчинствами вызвать к себе ненависть индейцев.

Бартоломео Колон взялся покончить с замыслами Квибиана. Взяв с собой небольшой, хорошо вооруженный отряд, он на шлюпках поднялся по реке до резиденции кацика и со своими людьми явился в дом Квибиана, не подозревавшего, что план его стал известен врагам. Внезапное нападение на кацика и его приближенных, короткая борьба и перенесение плененных на шлюпы было делом нескольких минут.

Индейцы, увидев своего вождя связанным, во власти белых, стали умолять отпустить его, предлагая любой выкуп золотом. Но для спокойствия будущей колонии Бартоломео решил отправить воинственного царька в Испанию.

Однако испанцы поторопились торжествовать легкую победу. Связанный по рукам и ногам кацик во время перевозки к испанскому лагерю непостижимым образом выбросился из лодки в море. Испанцы решили, что он утонул. Но индеец, для которого вода была второй стихией, сумел добраться до берега.

Колумб по опыту своих прежних столкновений с индейцами решил, что урок, данный подданным Квибиана, достаточен, чтобы держать их в страхе. Их кацик утонул, многочисленная его родня находилась в плену на каравеллах. Адмирал был уверен, что туземцы не посмеют напасть на поселок.

Вода в реке прибыла и покрыла песчаную отмель. Колумб стал торопиться в путь. Он дал остающимся во главе с Бартоломео колонистам необходимые наставления, обещал исхлопотать для них у

Овандо присылки продовольствия и готовился к отплытию во главе трех каравелл. Одно судно он решил оставить в лагере.

Благополучно миновав отмель, каравеллы вышли в море. Но встречные ветры и сильное волнение задержали их в течение нескольких дней у устья Белена. Адмиралу пришла мысль пополнить запасы пресной воды и заодно передать Бартоломео некоторые забытые им распоряжения. Суда эскадры стали на якорь в одной лиге от устья Белена. Отсюда Колумб направил шлюп с восемью матросами и тремя солдатами под командой капитана Диего Тристана.

Когда шлюп подошел к месту расположения поселка, Тристан и его спутники оказались перед неожиданным зрелищем. Между горстью испанцев и толпою индейцев происходило жаркое сражение.

Расчеты Колумба не оправдались. Спасшийся Квибиан не смирился перед могуществом белых. В лесу, примыкавшем к поселку испанцев, кацик собрал отборных воинов и напал с ними врасплох на спавших чужеземцев. Только отвага Мендеса и Бартоломео позволила организовать сопротивление.

Испанцы отразили шпагами первый натиск индейцев, а затем пустили в ход огнестрельное оружие. Туземцы отступили в лес и спрятались за деревья, из-за которых стали засыпать своих врагов дротиками и стрелами. Судьбу сражения решил пес, оставленный адмиралом поселенцам. Нападение этого страшного зверя внесло смятение в ряды наступающих. Испуская вопли, бросились они в разные стороны.

Тристан и его люди наблюдали за ходом сражения с реки. Когда индейцы бежали, капитан велел гребцам подняться вверх по реке до пресной воды. Поселенцы, собравшиеся на берегу, криками предупреждали его об опасности его затеи и советовали остаться

в поселке. Но Тристан не внял их советам. Шлюп отделился от поселка на целую милю.

Испанцы остановились и начали наполнять свои бочки. Тут их со всех сторон окружили пироги туземцев. Белые были так поражены стремительностью нападения, что не успели воспользоваться ружьями. Началась рукопашная схватка, в которой огромный перевес был на стороне индейцев. Весь экипаж шлюпа был истреблен. Только одному матросу удалось броситься в реку и скрыться незамеченным. Он принес в поселок ужасную новость о гибели Тристана и его спутников.

Испанцами овладела паника. Маленькая горсточка белых, думали они, не сможет долго держаться против враждебного населения. Когда истощатся заряды, поселенцы неизбежно погибнут от стрел и копьев индейцев. Если же они возведут укрепления, туземцы возьмут их измором.

Потерявшие голову люди бросились на оставшуюся у них каравеллу. Теперь единственным их желанием было поскорее выйти в море. Но река снова резко обмелела. Несмотря на бешеные усилия, беглецам не удалось вывести каравеллу из устья.

Возвратиться в покинутый поселок никто не решался. Оставалось возвести укрепление на открытом месте у морского берега. Здесь соорудили подобие редута, перетащили в него с каравеллы продовольствие и установили против двух оставленных проходов по фальконету — небольшой пушке, заряженной картечью.

Охваченная страхом горсть белых с минуты на минуту ожидала нового нападения. Скоро вся округа наполнилась звуками. Со всех сторон неслись свист, крики. Индейцы готовились к новой атаке.

В это время Колумб и экипажи трех каравелл,

стоявших на якоре в ожидании Тристана, томились беспокойством за его судьбу. Колумб видел, как шлюп Тристана вошел в устье реки. Если с капитаном приключилась какая-нибудь беда, то причиной ее могло быть только нападение индейцев. Но какая же судьба ожидает оставленных на берегу поселенцев?

При мысли о брате сердце Колумба болезненно сжалось. Если с поселком приключилось несчастье, адмирал будет причиной гибели Бартоломер. Колумб решил немедленно послать на разведку последний оставшийся у эскадры шлюп. Но отправленные люди не смогли пробиться через прибрежные буруны и вернуться обратно.

Пока Колумб терзался неизвестностью, на флагманском судне произошло событие, усилившее его тревогу. Несколько пленных туземцев, содержавшихся в трюме, бежало. Ночью они сорвали люк и, воспользовавшись темнотою, бросились в море и добрались вплавь до берега.

Часть пленных удалось, однако, поймать и водворить обратно в трюм. Когда на утро Колумб спустился для проверки оставшихся, он увидел там одни трупы. Все пленные, в том числе женщины и дети, убили себя. Многие из индейцев лежали на земле с петлей на шее, затянутой ногами. Другие висели на обрывках веревок, касаясь пола коленями.

Страх охватил адмирала. От людей, так любящих свободу и умеющих столь мужественно умирать, можно было ожидать жестоких ударов. Что-то будет с оставленными на берегу?

Один из лоцманов флотилии, Ледесма, вызвался переплыть через прибрежные буруны и пробраться в поселок. Одолев водную преграду, Ледесма отыскал маленькое укрепление. Его обитатели находились в совершенной подавленности. Они окружили лоцмана,

с плачем умоляя его передать адмиралу, чтобы он поскорее забрал их на суда, пока индейцы не перебили всех.

Тяжело было Колумбу примириться со второй неудачей этого несчастного плавания. Но теперь его поглощала забота о судьбе оставленных людей и особенно брата.

Однако принять людей на борт было нелегко.

Прибрежное волнение мешало пробраться со шлюпом к укреплению. Колумб решил стоять на якоре до наступления полного штиля. Но пока ожидали тихой погоды, на эскадру налетела новая буря.

Волнение длилось девять дней. Источенные червями суда, держась на якорях, скрипели и трещали, грозя развалиться среди моря. Колумб переживал неопишемую тревогу. Когда буря утихла и можно было пробраться на лодке к укреплению, начали перевозить на суда людей и наиболее ценное имущество. Закончив это тягостное дело, Колумб поспешил сняться с якоря и уйти поскорее от берега Верагуа.

У берегов Ямайки

В конце апреля эскадра из трех каравелл поплыла от Верагуа к востоку. Это было направление, противоположное Эспаньоле. Матросы и капитаны решили, что адмирал намеревался вернуться прямо в Испанию, не заходя в Сан Доминго. Начались протесты против подобного безрассудного предприятия. Каравеллы еле держались на воде. Их корпуса, пораженные червоточинной, походили на пчелиные соты. Только непрерывная откачка воды насосами и вычерпывание ведрами позволяли еще кое-как продолжать плавание. При таком состоянии кораблей едва ли можно добраться и до Эспаньолы.

Колумб не хотел посвящать экипаж в свои планы. Его целью была Эспаньола, но прежде чем взять северное направление, он стремился пройти возможно далее к востоку, чтобы при дальнейшем движении на север ослабить снос судов к западу течениями Караибского моря. Адмиралом руководило также желание сбить с толку своих лоцманов, лишить их ясного представления о местонахождении берега Верагуа. Сколько моряков уже плавало по его картам к Парии и Эспаньоле! На этот раз он хотел оставить в тайне путь к Верагуа. В письме к королям он говорил, что «ни один из моих лоцманов не в состоянии ни отыскать пути к Верагуа, ни описать, где лежит эта земля».

Когда достигли Порто Белло, Колумб вынужден был бросить здесь одну из своих каравелл, грозившую ежеминутно пойти ко дну. Экипаж ее перебрався на оставшиеся два судна. Адмирал поплыл дальше к востоку, дошел до Дариенского залива и отсюда 4 мая круто повернул прямо на север, в направлении Эспаньолы. Однако 10 мая вместо Эспаньолы перед эскадрой оказались Королевские Сады, расположенные близ южного берега Кубы. Опасения адмирала оправдались. Течения отнесли его сильно к западу.

Пришлось снова менять курс и плыть в юго-восточном направлении. До Эспаньолы оставалось еще двести лиг. Несмотря на поднявшееся волнение, Колумб пытался сохранять направление на Сан Доминго, но его относил теперь ветрами и течением к северному берегу Ямайки.

На судах оставалось мало провизии. Приходилось сильно урезать рационы. Ослабевшие матросы дни и ночи работали у насосов, вычерпывали воду. Колумб видел, что добраться до испанской колонии ему не удастся. Выйти в открытое море на своих судах

он не решался — они могли затонуть при первом порыве ветра. Адмирал принял героическое решение. Он приказал посадить каравеллы на мель вблизи ямайского берега.

Матросы крепко связали между собою два оставшихся судна и затопили их на мелководье, так что из воды торчали только кормы и носы. На образовавшихся таким образом четырех островках Колумб велел соорудить подобие шалашей.

Нетрудно представить себе душевное состояние адмирала, вынужденного закончить таким бесславным образом свое плавание. Однако действия его были при данных обстоятельствах глубоко продуманы. Из тяжелого опыта форта Рождества и поселения на берегу Верагуа Колумб знал, как опасно оставлять белых среди туземцев. Он рассчитывал, что, удерживая людей на обломках судов, ему удастся посредством суровой дисциплины избежать насильственных действий со стороны экипажа, которые неизбежно привели бы к озлоблению индейцев. Колумб понимал, что потерпевших кораблекрушение могло спасти теперь только поддержание самых дружественных отношений с туземцами.

Вскоре к лагерю стали подплывать индейцы на пирогах. Они предлагали белым кассавный хлеб, плоды, воду в обмен на их безделушки. Для избежания возможных споров при обмене Колумб назначил двух людей для торговли с индейцами. Добытое путем обмена продовольствие делилось между всеми поровну.

Несмотря на радушие туземцев и постоянный подвоз пищи, испанцы скоро стали испытывать острый недостаток продовольствия. Индейцы Ямайки, как и собратья их на других островах, никогда не делали запасов. К тому же они довольствовались малым. Туземцы ближайших к лагерю деревень не могли поэто-

Улица в Генуе, на которой находился дом Колумбов

*Герб Колумба: слева — герб, данный Колумбу королями;
справа — герб, измененный Колумбом*

му снабдить испанцев достаточным количеством продуктов.

Спасти положение вызвался уже знакомый нам Диего Мендес, добрый гений этого плавания адмирала. Он направился в глубь острова и заключил со многими кациками своеобразные «торговые договора». Кацики обязались отрядить своих подданных на сбор кассавы, плодов и на охоту за дичью для снабжения ими испанского лагеря. В обмен им должны были выдаваться ножи, гребни, зеркальца, бисер. При каждом кацике оставят испанца, который будет принимать продукты и тут же производить расчет.

Мендес — человек веселого нрава и ловкий дипломат, — обеспечив снабжение белых, выменял у одного кацика за медный таз большую лодку и, погрузив на нее продовольствие, прибыл обратно в лагерь.

Опасность голода была устранена, но нужно было придумать как выбраться с Ямайки. Каким путем передать колонистам Эспаньолы весть о находящихся недалеко от них, потерпевших крушение, испанцах? Ямайку отделял от Эспаньолы пролив шириной в сорок лиг. Переплыть его на туземной лодке невозможно. Скорее всего, смельчаки были бы вынесены сильным течением в море и погибли бы среди его просторов.

Все же это был единственный путь к спасению. Но кого можно склонить к подобной попытке? Колумб считал способным на такой безумно смелый шаг только отважного Мендеса. Мендес, пожалуй, согласится. Адмирал позвал его к себе, и между ними произошел следующий разговор:

— Сын мой, Диего Мендес, — сказал Колумб. — Из всех нас только ты и я понимаем опасность настоящего нашего положения. Нас здесь горсть, а этих дикарей несметное количество. Они непостоянны по

природе и раздражительны. При малейшем поводе к неприязни они могут забросать нас головнями и сжечь в наших соломенных каютах. До сих пор они выполняют условие, которое ты заключил с ними насчет продовольствия, но кто знает, долго ли это будет так. Может быть, завтра по какому-нибудь капризу они нарушат договор и оставят нас без пищи. Не имея никаких средств принуждения, мы полностью зависим от них. Я думал об одном средстве, но прежде хотел узнать твое мнение. Вот в чем дело: что, если бы кто-нибудь взялся поплыть в Эспаньолу на твоей лодке и привести нам оттуда корабль? В таком случае мы были бы спасены. Что ты об этом думаешь?

— Я прекрасно понимаю всю опасность нашего положения, сеньор, — отвечал Мендес, — и знаю, что она больше, чем думают многие. При всем том, я не считаю, чтобы кто-нибудь отважился принять на себя подобное гибельное поручение. Мне кажется, что это дело не только трудное, но и вовсе невозможное. Чтобы достигнуть Эспаньолы, нужно пересечь пролив в сорок лиг, где морские волнения чрезвычайно сильны. Не знаю, кто решится добровольно подвергнуть себя столь очевидной опасности.

Колумб мог ответить только красноречивым взглядом.

— Сеньор, — воскликнул Мендес, — я не один раз подвергался опасности смерти для спасения вас и всех, кто здесь находится. Я готов жертвовать собою и теперь. Но есть недовольные, жалующиеся на то, что ваша светлость всегда поручает мне одному дела, приносящие славу. Поэтому прошу вас собрать весь экипаж и вызвать охотника на предлагаемое вами предприятие. Может быть, и найдется кто-нибудь. Если же все откажутся, то я выйду вперед и сослужу вам эту службу.

Когда Колумб предложил собранным людям свой проект, все объявили его безрассудным. Мендес был теперь удовлетворен. Он выступил вперед и заявил:

— Сеньор, у меня не две жизни, но я готов пожертвовать собою для вас и для блага моих соотечественников.

Адмирал стал писать письма Овандо и королям. Сохранившееся послание Изабелле прекрасно передает душевное состояние Колумба во время его пребывания на обломке судна у берегов Ямайки. Письмо это, написанное в июле 1503 года, походит на вопль. Все оно проникнуто глубокой скорбью и вызывает живейшее сочувствие к писавшему его человеку, разочаровавшемуся в самых дорогих своих надеждах.

«...Преследуемый, забытый, я не могу вспомнить об Эспаньоле и Жемчужном Береге без того, чтобы слезы не увлажнили моих глаз. Благосклонность и выгоды должны доставаться тому, кто подвергает себя опасности. Несправедливо, что люди, всегда препятствовавшие мне в моих делах и замыслах, пользуются теперь плодами их, что трусливо бежавшие из Индий, вернувшиеся в Испанию, чтобы оклеветать меня, получают самые выгодные службы и посты.»

...Мне было двадцать восемь лет, когда я поступил на службу ваших величеств, а ныне у меня все волосы поседели, я стал хилым и слабым. Все, что у меня было, так же, как и у моего брата, отнято у нас и продано, вплоть до рясы, которую я носил, к великому моему позору.

...После того, что мне удалось отдать под ваш скипетр обширные земли, я надеялся предстать перед вами, как победитель, с удовлетворением в душе. Вместо этого я со своими братьями был закован в цепи. Меня лишили пристойной одежды. Со мной обращались жестоко. Мне причиняли мучения без того, что-

бы раньше судить меня или уличить, как преступника. ...Двадцать лет моей службы, в течение которых я вынес столько трудов и опасностей, не принесли мне ровно ничего, и по сей день у меня нет крова в Испании, который я мог бы назвать своим. Чтобы поесть и уснуть, мне некуда идти, кроме плохой гостиницы, и часто мне нечем бывает заплатить за нее.

...До сих пор я плакал о других, а теперь... о, пусть сжалится надо мною небо, пусть плачет обо мне земля. Житейские дела мои таковы, что я не имею ни одного мараведа, заброшен здесь, в этой Индии, одинокий, больной, измученный заботами, окруженный свирепыми дикарями и каждый день при смерти. ...Плачьте же обо мне все, в ком есть христианская любовь к ближнему, кто любит истину и справедливость».

Но не все письмо адмирала заполнено стенаниями. Как это ни странно, но рядом с ними он излагает свои планы будущей деятельности.

Старый, больной Колумб еще не отказывается, видимо, от борьбы. Еще тлеют в нем остатки прежней огромной жизненной силы. Он рассказывает Фердинанду и Изабелле о золотом изобилии Верагуа, где «в первые два дня по моем прибытии я увидел больше золота, чем было найдено на Эспаньоле в продолжение моего четырехлетнего пребывания там». Колумб восхваляет свое новое открытие, снова и снова говорит о возможности получения громадных количеств драгоценного металла. Как символ веры, вырывается у адмирала признание: «Золото, — пишет он, — удивительная вещь. Кто обладает им, тот господин всего, чего он хочет. Золото может даже открыть душам дорогу в рай».

Мендес взял письма адмирала, запасся продовольствием и вместе с гребцами-индейцами пустился в путь.

В первый раз его постигла неудача. Когда пирога следовала вдоль берега Ямайки к проливу, Мендеса с гребцами захватило в плен какое-то воинственное племя. Счастливая случайность позволила испанцу бежать во время ссоры индейцев из-за дележа добычи, и он вернулся в лагерь.

Начали готовиться ко второй попытке. В лагере нашелся еще один смельчак, желавший попытать счастья. Это был один из капитанов Колумба, генуэзец Фиеско. Приготовили две лодки. Решено было, что, если Мендес доберется до Эспаньолы, он поможет Овандо снарядить каравеллу к Ямайке, а сам отправится дальше, в Испанию, с письмами к королям. Фиеско же должен будет вернуться поскорее в лагерь, чтобы сообщить о благополучном окончании предприятия.

Бунт Порраса

С отплытием Мендеса и Фиеско началось томительное ожидание. Обессиленные недоеданием, изнуренные нездоровым климатом, люди целые дни проводили в унылом созерцании той части горизонта, откуда должен был появиться Фиеско. Но по мере того, как проходили недели и месяцы, надежда угасала. Перед Колумбом и его экипажем вырастала страшная перспектива жизни на Ямайке до конца их дней.

Колумб терзался огромной своей ответственностью за жизнь доверившихся его водительству моряков, за судьбу брата и сына. Непрестанные волнения лишили его сил. Он был прикован своими недугами к постели.

Колумбу казалось, что он достиг предела бедствий. Однако ему пришлось испытать еще новое несчастье — бунт его товарищей. Отчаявшимся лю-

дям хотелось на ком-нибудь выместить свои страдания. Началось с того, что матросы стали грубо обращаться с адмиралом, обвиняя его в неумелом руководстве плаванием. Из-за него оказались они в этой западне.

У недовольных нашлись вожаки. Это были братья Франсиско и Диего Поррасы. Франсиско был капитаном одной из потопленных каравелл, а Диего — королевским контролером экспедиции. Франсиско Поррас начал убеждать матросов, что Колумб не хочет предпринять ничего для оставления Ямайки, потому что ему некуда возвращаться. На Эспаньолу его не пускают по распоряжению королей, а в Испанию он боится явиться после полного провала экспедиции. К тому же он стар и болен и не в состоянии вынести путешествия на челне через пролив. Боясь остаться один, он не делает ничего для спасения остальных участников экспедиции.

Эти нелепые рассказы жадно воспринимались матросами и офицерами. Озлобление против Колумба выросло до такой степени, что нашлись люди, предлагавшие прикончить его в постели.

В начале января 1504 года в каюту адмирала ворвался Франсиско Поррас. Он стал обвинять Колумба в умышленном удержании людей на Ямайке, осыпал его грубой бранью и заявил, что покидает лагерь. Поррас закричал во весь голос: «Что касается меня, то я отправляюсь в Кастилию; кто хочет, может последовать за мной» Призыв Порраса был услышен во всех углах тесного лагеря. «Я еду с вами... И я... и я... Кастилия... Кастилия...» — раздалось со всех сторон.

За Поррасом последовали почти все здоровые люди экипажа — сорок восемь человек. Они захватили лодки, купленные Колумбом у туземцев, и двинулись в сторону пролива, отделявшего Ямайку от Эспаньо-

лы. В лагере остались только тяжело больные да несколько преданных адмиралу людей.

Попытка мятежников пересечь пролив кончилась неудачей. Море было беспокойно, и челны смогли отойти от Ямайки только на четыре лиги, а затем вынуждены были повернуть обратно. Бунтовщики решили дожидаться полного штиля и тогда возобновить попытку.

Через месяц, когда погода, казалось, совсем благоприятствовала, пустившиеся в море лодки Порраса попали недалеко от берега в полосу сильной зыби и боковых течений и должны были снова вернуться.

Теперь люди Порраса окончательно оставили свой план, бросили челны и отправились в глубь острова. Здесь они начали разбойничью жизнь. Грабя туземцев, отбирая у них продовольствие, они всюду говорили, что действуют по приказанию адмирала, и предлагали отправиться к нему за получением платы.

Восемь месяцев протекло со времени отплытия Мендеса и Фиеско. В лагере никто уже не сомневался в их гибели. Среди оставшихся после ухода Порраса снова нашлись люди, склонявшие матросов на путь возмущения, захвата лодок и новых отчаянных попыток добраться до Эспаньолы.

Развязка пришла неожиданно. В один из вечеров на горизонте показался парус. Когда с каравеллы заметили лагерь Колумба, судно стало на якорь на расстоянии пушечного выстрела от затопленных судов и спустило шлюпку. К лагерю подплыл Диего де Эскобар, участник мятежа Ролдана, в свое время приговоренный Колумбом к смерти и спасенный от казни Бобадильей.

Эскобар холодно приветствовал Колумба, передал ему письмо Овандо и подарки губернатора — бочку вина и окорок. Вслед за этим шлюпка немедленно от-

плыла от лагеря и стала на некотором расстоянии от него. Отсюда Эскобар сообщил Колумбу, что его превосходительство губернатор Эспаньолы узнал от Мендеса и Фиеско о бедствии, которое терпит экспедиция адмирала, и направил его, Эскобара, из'явить Колумбу участие и сожаление по поводу того, что не мог до сих пор направить судов для перевозки адмирала и его экипажа на Эспаньолу. Как только в Сан Доминго придут каравеллы из Испании, они будут посланы к Ямайке. Эскобар просил поскорее приготовить ответное письмо, так как он намерен тотчас сняться с якоря.

Странное поведение Эскобара поразило Колумба. Он заподозрил Овандо в умышленной посылке врага, от которого нельзя было ожидать никаких проявлений сочувствия. Губернатор, по всей видимости, хотел убедиться, живы ли еще Колумб и его люди.

В своем ответном письме Колумб никак не выказал своего недовольства поведением Эскобара. Он просил губернатора оказать поскорее помощь и сообщал о бунте Порраса.

После ухода судна Эскобара Колумбу предстояла трудная задача успокоить людей, пораженных жестокостью соотечественников. Он сказал им, что Эскобар не мог забрать на свою маленькую каравеллу всех потерпевших кораблекрушение. Эскобар предлагал, рассказывал Колумб, увезти его одного на Эспаньолу, но адмирал отказался, желая остаться до конца со своим экипажем. Спешное отплытие каравеллы он объяснил стремлением Эскобара не терять ни минуты, чтобы поскорее подготовить их перевозку в Сан Доминго.

Слова адмирала немного успокоили экипаж. Все стали с нетерпением ожидать прибытия спасителей.

Колумб попытался также добиться примирения с Поррасом. Он отправил к нему двух парламентариев, предложивших участникам бунта полное прощение, если они немедленно прекратят грабежи и вернуться в лагерь. Но Поррасу удалось убедить свою шайку, что предложение Колумба — только ловушка.

Поррас предложил своим людям напасть на лагерь и умертвить адмирала. Колумб узнал о планах бунтовщиков и послал им навстречу Бартоломео с отрядом. Бартоломео начал было переговоры с Поррасом, но главарь бунтовщиков, глядя на изнуренных сторонников Колумба, напал на прибывших.

В сражении Бартоломео удалось взять в плен Франсиско Порраса. Бунтовщики, лишенные главаря, обратились в бегство. На другой день они принесли Колумбу повинную. В письме к адмиралу они клялись не выходить больше из повиновения.

Наконец, прибыли с Эспаньолы два корабля. Один был снаряжен Мендесом на личные средства адмирала, другой — губернатором Овандо. 28 июня адмирал и его спутники после года жизни на обломках судов у ямайского берега отплыли к Эспаньоле. Так закончилось последнее и самое бедственное плавание Колумба.

На растерзанной Эспаньоле

Плавание адмирала из Ямайки в Сан Доминго было исключительно тяжелым и длилось около двух месяцев. Когда Колумб добрался, наконец, до Сан Доминго, его ожидал здесь очень любезный прием. Овандо вышел ему навстречу, с большим почетом проводил в свой дом, где Колумб, его брат и сын прожили до конца их пребывания на острове.

Несмотря на исключительную предупредительность и знаки почтения со стороны Овандо, между вице-

королем и губернатором сразу же возникли несогласия и споры. Когда Овандо собственной властью освободил Парраса, Колумб потребовал немедленной отмены этого распоряжения. Он указывал губернатору на данное ему королями право суда над взбунтовавшимися подчиненными. Овандо, в свою очередь, ссылался на свои полномочия правителя и верховного судьи. С трудом Колумбу удалось добиться отсылки Парраса в Испанию для суда над ним.

Колумб разглядел за подчеркнутой вежливостью Овандо скрытую враждебность. Овандо не выполнил приказаний королевы о выплате адмиралу причитающейся ему части доходов. Колумб не мог добиться от губернатора даже отчета. Представитель его интересов на острове дважды жаловался королеве на умышленную запущенность расчетов.

За короткое свое пребывание на Эспаньоле Колумб мог видеть, к какому бедственному положению привел туземцев хозяйничанье испанцев на острове в течение двенадцати лет, со времени их водворения на нем.

Угнетение индейцев Эспаньолы началось еще во времена правления Колумба, когда адмирал, раздав землю в собственность колонистам, прикрепил индейцев к участкам, обязав работать на земле своих белых господ.

В 1502 году, при замене Бобадильи Овандой, королева велела объявить туземцев свободными, но эта королевская милость длилась недолго. Ованда заявил королям, что освобождение индейцев приведет к тяжелым последствиям для колонии. Индейцы, говорил он двору, ленивы и беспечны и не пойдут на работу по найму.

Уже в 1503 году последовало разрешение Изабеллы «занимать индейцев работой, если это необходи-

мо для их пользы». Пользуясь этим разрешением, Овандо снова восстановил крепостную систему. Он определил продолжительность работ индейцев в рудниках и на полях белых сначала в шесть месяцев в течение года, а затем увеличил этот срок до восьми месяцев.

Современник Колумба Лас Касас очень ярко описывает жизнь туземцев в эти годы.

«Испанцы обременяли индейцев тягчайшими работами и обращались с ними бесчеловечнее и более жестоко, чем во времена Бобадильи. Их часто отсылали в места, удаленные от их жилищ и семейств, и удерживали там на изнурительных работах. Если кто-нибудь из этих несчастных, утомившись, оставлял на минуту работу, его осыпали ударами плети. Пища их состояла из одного кассавного хлеба, недостаточно питательного при чрезмерно тяжелом труде.

Когда надсмотрщики-испанцы обедали, туземцы, подобно голодным собакам, бросались под стол подбирать кости, которые те иногда кидали им: обглодав и высосав кость, они растирали ее между камнями в порошок и посыпали им свой кассавный хлеб, чтобы не пропала ни малейшая частица такой драгоценности.

Если индеец, доведенный до крайности, в надежде избавиться от тяжелого и непрерывного труда и варварских истязаний своих мучителей, искал спасения в горах, — его преследовали, как дикого зверя, секли без милосердия и, чтобы предупредить новую попытку к побегу, заковывали навсегда в кандалы.

Множество этих несчастных жертв погибало до истечения срока, определенного для работ. Те, которые переживали его, получали позволение вернуться домой, с тем, чтобы в следующем году опять явиться на работу в назначенное время. Но их жилища, большей частью находились в 40, 60 и даже 80 лигах от

места работы. А все путевые запасы их состояли из небольшого количества кореньев, сладкого перца и кассавного хлеба.

Изнуренные продолжительной и тяжелой работой, многие из них не имели сил добраться до дому. Я часто встречал их: иные валялись мертвые среди дороги, другие с трудом переводили дыхание от усталости и изнеможения, сидя в тени под деревьями. Некоторые, борясь со смертью, произносили слабым голосом: «есть... есть...». Наконец, те, которым удавалось добраться до жилищ, находили их чаще всего пустыми. В продолжение восьмимесячного их отсутствия жены и дети их разбрелись или умерли; поля, единственный источник их пропитания, заросли травой. В унынии, в изнеможении им ничего не оставалось, как только ждать у порога своих хижин медленной смерти».

Если туземцы делали попытки сбросить с себя иго пришельцев, в области, охваченные восстанием, направлялись карательные отряды, истреблявшие для острастки поголовно всех.

Тот же Лас Касас повествует об усмирении племени Чигаев, происходившем незадолго до возвращения Колумба на остров.

«Овандо отдал приказ предать огню и мечу провинцию Чигей... Когда испанцы достигли границы Чигея, на всех высотах вспыхнули огни. Широкие столбы дыма, оповестив жителей о приближении неприятеля, распространили всеобщую тревогу. Старики, женщины и дети были удалены немедленно в уединенные пещеры, скрытые в лесной чаще, а воины занялись приготовлением к бою.

Испанцы вступили в открытую безлесную равнину, удобную для действий кавалерии. Захватив в плен нескольких туземцев, они стали допрашивать их о

силах и намерениях неприятеля, но не получили никакого ответа. Испанцы прибегли к пытке, но также без всякого успеха — дикари остались непреклонными среди истязаний. Этот народ предпочитал смерть измене.

Испанцы продолжали углубляться внутрь провинции и в одном селении были встречены соединенными силами нескольких второстепенных кациков. Дикие воины ждали их, выстроившись вдоль улиц, со своими луками и стрелами, но совершенно нагие и без всякого прикрытия. При появлении врагов они подняли ужасный вопль и пустили в них тучу стрел, но с такого расстояния, что ни одна стрела не достигла цели. Испанцы ответили залпом арбалетов и ружей. Индейцы, увидев, что многие из них упали мертвыми, обратились в бегство, не дождавшись атаки шпагами. Но и в бегстве они проявляли большое мужество: некоторые воины вырывали из своих ран стрелы, глубоко вонзившиеся в тело, ломали и грызли их зубами и в бессильной ярости бросали их в испанцев.

Разбитые и рассеянные чигаи устремились с семьями к своим естественным крепостям — горным пещерам — и укрепились в них. Испанцы преследовали их, но с величайшим трудом. Проводниками им служили несколько пленных, которых они принудили к измене неслыханными истязаниями. Они гнали их перед собой на веревке, обвязав одним концом шею своей жертвы, а другой держа в руке. Некоторые из несчастных, достигнув края пропасти, кидались в нее стремглав, стараясь увлечь за собой и своих тиранов.

Наконец, испанцы открыли убежище побежденных и не пощадили ни возраста, ни пола. Все, даже беременные женщины и матери с детьми на руках, пали под ударами бесчеловечных убийц».

Таково было положение на острове — излюбленном детище Колумба.

Адмирал стал торопиться с отъездом в Испанию. Починили каравеллу, на которой он прибыл из Ямайки. Командование над ней принял Бартоломео. Сам Колумб и его сын поместились на другом судне, нанятом для их переезда. Обе каравеллы отплыли из Эспаньолы 12 сентября 1504 года.

Колумб почти не подымался с постели до самого прибытия в Испанию. 7 ноября суда бросили якорь в Сан Люкаре.

Последние усилия

Адмирала снесли на носилках на пристань и отвезли в близлежащую Севилью. Старый, больной, измученный непосильными трудами, он теперь больше всего нуждался в покое. Подагра почти парализовала его. В дни, когда физические его страдания несколько ослабевали, он порывался направиться в Сеговию, где был в то время двор, но это были обманчивые, кратковременные облегчения, за которыми следовали новые жестокие приступы болезни.

Он отправил брата и сына в Сеговию отстаивать его интересы перед королями. Сам он мог только писать Фердинанду и Изабелле и немногим оставшимся у него при дворе покровителям.

Нескончаемые дни вынужденного безделья, долгие бессонные ночи. Колумба преследует одна и та же мысль, давящая, как жернов. Восемь лет бился он за принятие своих условий. Он честно выполнил все свои обещания королям. Как же случилось, что они отступили от своих клятвенных обязательств? Ему не только не уплатили условной части доходов, но безнаказанно отобрали все, что он имел на Эспаньоле.

Индиями управляют помимо него, пожизненного вице-короля. Он, адмирал моря-океана, не знает даже, какие капитаны плавают в открытых им морях.

Колумб не хочет еще сдаваться. Каждый день пишет он письма королям, своим покровителям, сыновьям, брату. Исписанные неровными строками листы — теперь единственная его связь с миром. Писать он может только ночью. Днем пальцы сводит судорога, они не могут удержать пера.

«Губернатор поступил со мною жестоко, — пишет он Диего, — все уверяют меня, что мне следует от одиннадцати до двенадцати тысяч кастелянов, а я не получил и четвертой части. Я не получаю ничего из моих доходов и живу в долг».

Он просит сына, состоящего на службе королевы, добиться от нее уплаты жалованья участникам последней его экспедиции. «Они бедны, и вот уже около трех лет, как оставили свои жилища. Они подвергались бесчисленным трудам и опасностям и принесли на родину весть о новых золотых месторождениях Верагуа».

Он направляет королям свои отзывы и советы, касающиеся дел Эспаньолы. Его глубоко обижает посылка в Сан Доминго трех епископов без его ведома. Но советы Колумба, как и его жалобы и просьбы, остаются без ответа.

Вернувшиеся в Испанию братья Поррас выпущены на свободу. Они появляются при дворе и там поносят адмирала. Оскорбленный Колумб просит не верить клеветникам, требует наказания их, оправдывается в своих действиях. «Их возмущение при всем том, что я сделал для них, поразило меня так же, как если бы солнце стало вдруг посылать мрак вместо света... Может ли быть что-либо гнуснее и бесчеловечнее? Если их величества оставят это дело без вни-

мания, то кто же снова решится управлять людьми на их службе?»

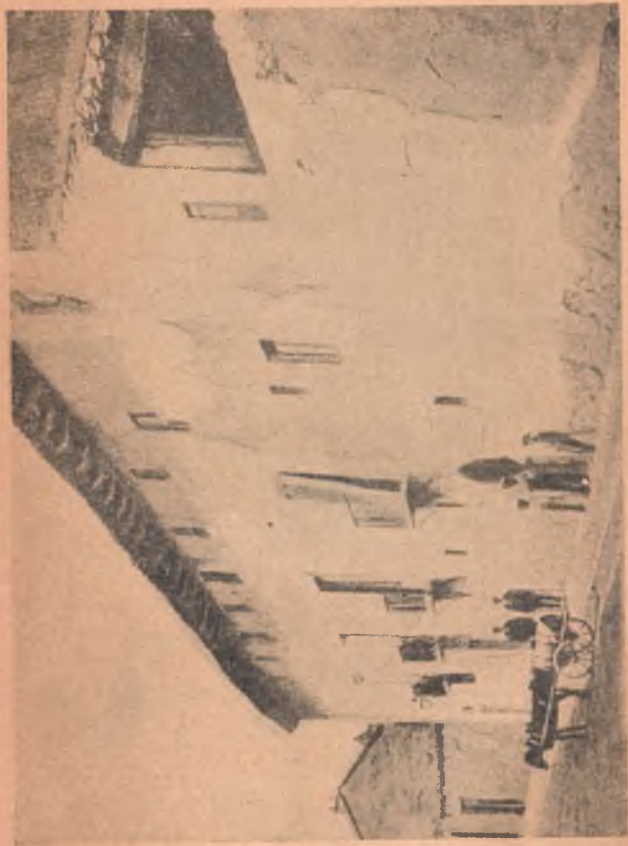
Сыновья и братья адмирала очень редко отвечают на его письма. Почти не пишет ему старший сын, поглощенный придворными делами. Больной робко выговаривает ему: «Тебе бы следовало знать, что письма твои — моя единственная отрада». Он много говорит сыну о ценности родственных чувств, призывает его любить младшего брата Эрнандо. «Если бы у тебя вместо одного было бы десять братьев, то и тогда их было бы немного. Как в радости, так и в несчастье братья мои были моими лучшими друзьями».

Расчеты адмирала на восстановление его прав покоились на благосклонности к нему королевы. Изабелла умела так тонко разыгрывать роль покровительницы, что Колумб был уверен в ее бескорыстной к нему доброте. Колумб надеялся просьбами и жалобами склонить ее на защиту его интересов против злой воли Фердинанда.

Смерть Изабеллы, последовавшая в конце ноября 1504 года, была тяжелым ударом для Колумба. Отныне ему придется добиваться признания своих прав у Фердинанда, еле терпевшего его. Колумб просит сына узнать, не оставила ли Изабелла каких-либо распоряжений относительно него в своем завещании. Он получает отрицательный ответ: нет, королева не упоминает о нем в своей последней воле.

Весна 1505 года приносит облегчение физическим страданиям Колумба. Он поднимается с постели, начинает ходить, появляется на улицах Севильи. Он направляет Фердинанду просьбу о разрешении представиться ко двору. Получив приглашение, он в сопровождении брата отправляется в мае верхом на муле в Сеговию.

Фердинанд принимает Колумба ласково, засыпает

Дом, в котором умер Христофор Колумб

его любезными словами, расспрашивает о здоровье, о планах на ближайшее будущее. Адмирал рассказывает о последнем своем плавании, много говорит о богатствах Верагуа, но Фердинанд остается совершенно безучастным. Он едва слушает Колумба. Он смотрит на старого, трясущегося адмирала и думает, что скоро, повидимому, будет избавлен от необходимости выслушивать этого неугомонного человека. Фердинанд провожает адмирала ледяной улыбкой.

Через несколько дней Колумб подает королю формальную челобитную, в которой перечисляет все свои заслуги перед Испанией и требует выполнения договора, скрепленного королевскими подписями и печатями. Фердинанд снова принимает Колумба и предлагает передать его требования на рассмотрение опытного, искусного посредника. Адмирал предлагает епископа Диего де Десу. Этот выбор приемлем и для Фердинанда. Однако адмирал тотчас же заявляет, что рассмотрению Десы он готов предоставить только денежные свои требования, а не беспспорное право на управление Индиями. Такой поворот дела нежелателен королю, и он заканчивает аудиенцию, не дав и на этот раз Колумбу никаких обещаний.

В течение следующих месяцев Колумб был много раз принят королем. Между немощным стариком и коварным государем происходила неравная, хотя и упорная борьба. Колумб взывал к чувствам Фердинанда, к его королевской чести. Видя жестокую непреклонность короля, Колумб объявил, что готов отказаться от всех своих доходов и прибылей, если Фердинанд даст ему сумму по своему усмотрению, которая позволила бы ему прожить без нужды остаток его жизни. Фердинанд, однако, не удовольствовался этой уступкой. Он настойчиво предлагал Колумбу поместье в Кастилии взамен прав вице-короля Индий.

Задышающийся, еле волочащий ноги старик, в котором чуть-чуть теплится жизнь, выпрямляется во весь рост перед готовым восторжествовать неблагодарным владыкой. Это — прежний, непреклонный в своих требованиях гемуэзец.

«Ваше королевское величество, мое право на управление Индиями бесспорно. Оно восторжествует даже над злою волей и неблагодарностью». Когда Колумб покидает королевские покои, его провожает сардоническая улыбка Фердинанда: «Мы скоро примиримся на участке на сандомингском кладбище».

Фердинанд передал спор с адмиралом на рассмотрение «Совета по делам совести короля и королевы». Совет два раза разбирал дело, но не пришел ни к какому решению. Члены совета хорошо знали намерения Фердинанда и не торопились облегчить его совесть.

В жизни Кастильского королевства готовилось важное событие. Из Фландрии должна была прибыть вместе со своим супругом, Филиппом Австрийским, наследница престола Кастилии, дочь Изабеллы Хуана. Колумб загорелся новой надеждой. Он решил отправиться навстречу Хуане и добиться от нее подтверждения своих прав. Из Сеговии он проследовал в Саламанку, а оттуда в Вальядолид. Но здесь силы изменили ему. Он снова слег.

Из Вальядолида он еще раз обратился с мольбою к Фердинанду. Теперь он просил уже не о себе, а о своем сыне Диего. Он отказывался от всех денежных притязаний и просил лишь о закреплении за его детьми принадлежащих ему титулов и званий. «Это дело касается моей чести, — писал он Фердинанду. — Во всем остальном поступите, как заблагорассудится. Возвратите или удержите, смотря по тому, как признаете полезней для ваших интересов. Я останусь доволен.

Я думаю, что главная причина моего недуга — тревога, терзающая меня от неопределенного положения этого дела». Фердинанд и на эту просьбу отвечает предложением поместья в Кастилии.

Колумб исчерпал все свои силы в борьбе. Он больше уже не надеется на успех. В одном из последних своих писем он говорит: «Повидимому, король не признает нужным исполнить обещания, данные мне им и королевой и утвержденные их словом и печатью. Бороться с его волей — то же, что бороться с ветром. Я сделал все, что должен был сделать».

Смерть Колумба

Дом бедного ремесленника на окраине Вальядолида. Крепко сжимая руки своих сыновей, мечется в бреду Колумб. Как только сознание возвращается к нему, он требует перо и с огромным усилием возобновляет много раз прерванное писание нового завещания. Снова пишет он о майорате, просит наследников тратить десятую долю своих доходов на помощь бедным родственникам. Заново распределяет доли братьев и обоих сыновей.

Но вот перо остановилось. По лицу умирающего пробегает тень. Глаза испуганно метнулись, смотрят пристально на младшего сына. По небритым щекам текут слезы...

«Приказываю сыну моему Диего заботиться о донье Беатрисе Энрикес, матери Эрнандо, особе, перед которой я состою в неоплатном долгу. Пусть это будет сделано тобою для облегчения моей совести, потому что на моей душе это лежит тяжким бременем, по причине, которую я не имею права здесь объяснить».

Перо валится из рук, глаза устало смыкаются. Но после короткого отдыха он пишет снова:

«Поручаю сыну моему Диего уплатить лиссабонскому купцу Кабранка 5 тысяч мараведов, дону Жуану Бельтраму, члену совета Гвинейской компании, — 12 тысяч мараведов...»

Долго еще пишет Колумб длинный перечень своих португальских кредиторов. В конце списка он не забывает и нищего еврея, живущего у ворот лиссабонского гетто. Ему нужно вернуть пол-серебряного дуката.

Жизненные заботы окончены. В последний раз адмирал моря-океана ставит свою подпись и отворачивается к стене. Он хочет покоя. Надвигающаяся ночь несет с собой жар, беспмятство. Умиравшим завладевают кошмары. Он задыхается...

Колумб умер на рассвете 20 мая 1506 года.

Азорские острова — архипелаг в Атлантическом океане, принадлежащий Португалии. Острова тянутся с юго-востока к северо-западу между 37° и 40° северной широты и 25° и 31° западной долготы. Делятся на три группы: юго-восточную, состоящую из островов Сан Мигель и Санта Мария; центральную — острова Файал, Пико, Сан Хорхе, Терсейра и Грасиоса и северо-западную — острова Флорес и Корво. Азоры — наиболее отдаленная от европейского континента, принадлежащая к нему островная группа. Ближайший к Европе остров Сан Мигель отстоит от нее на 800 морских миль.

Азорские острова впервые были открыты карфагенянами. Арабские географы XII века описывали девять лежащих далеко на западе островов, повидимому, Азорские острова. Португальцы овладели островом Санта Мария в 1432 году. Занятие ими всех островов архипелага было закончено в 1457 году.

Астролябия — инструмент для измерения углов, употребляемый при астрономических наблюдениях и землемерных работах. Астролябия была известна еще в древности и применялась для определения широт греческими географами. При ее помощи мореплаватели XV века отсчитывали высоту звезд над горизонтом. Астролябия была в дальнейшем значительно усовершенствована. Она известна в настоящее время под именем секстанта, которым нередко пользуются для навигационных целей капитаны и штурманы плавающих в море судов.

Восточная Римская империя или Византия — могущественное государство с центром в Константинополе. Основание этой империи относится обычно к 330 году нашей эры, когда император Константин Великий перенес свою столицу из Рима в главный город римской мегарийской колонии на берегу Мраморного моря. Этот город стал с тех пор именоваться Константинополем, т. е. городом Константина.

Камбалу или Ханбалиг (ныне Бейпин). До завоевания Китая монголами именовался Та-Ту или Великой Столицей.

Камбалу — по-монгольски значит Город Великого Хана. В 1267 году Кублай-хан (см. ниже) перевел сюда из Каракорума столицу монгольского царства.

Канарские острова — испанский архипелаг в Атлантическом океане, лежащий в 100 километрах к западу от африканского берега между 27 и 29° северной широты и 13 и 18° западной долготы. Главные острова — Тенериф, Большой Канари, Пальма, Гиерро и Гомера — гористые, резко выраженного вулканического происхождения. О Канарских островах упоминает еще римский естествоиспытатель Плиний. Греческие географы именовали острова, входящие в состав архипелага, Счастливыми. В XII веке они посещались арабскими мореходами. В 1479 году специальный испано-португальский договор отдал их под власть испанских королей.

Кипчакская орда — иначе называемая Синей Ордой. Монгольское ханство, занимавшее территорию между устьем Волги и низовьями Сыр-Дарьи. До прихода монголов в этих степях жило тюркское племя половцев или кипчаков, ведшее войны с Киевской Русью и нападавшее на днепровские торговые пути «из варяг в греки».

Козьма Александрийский — Индикоплеустес, торговец и путешественник, живший в VI веке нашей эры. Он плывал по Красному морю и Индийскому океану, посетил Абиссинию и страны Персидского залива, Индию и Цейлон. Козьма стал впоследствии монахом и в 548 году в Синайском монастыре написал свою знаменитую «Христианскую топографию», опровергавшую учение древних греков о шаровидной форме земли.

Кублай-Хан — великий монгольский хан, наследовавший своему брату Мангу-Хану. Царствовал 35 лет и умер в 1294 году. Его владычество было периодом процветания монгольской империи. Кублай-Хан объявил себя китайским богдыханом и основал собственную монгольскую династию китайских императоров Юань, пришедшую на смену чисто китайской династии Сунов. Он присоединил к монгольским владениям Тибет и Индо-Китай. Для его царствования характерны расцвет литературы, науки и торговли на обширной территории Средней Азии и Дальнего Востока, занятых монголами.

Левант — от итальянского слова «леванте» — восток. Это общее, сохранившееся до настоящего времени, наименование городов и земель, расположенных на побережье восточной части Средиземного моря: Греции, Турции, Сирии и Палестины, а

также Египта. Жители этого побережья часто именуются левантинцами.

Лига или легуа — испанская мера длины. Сухопутная лига во времена Колумба равнялась 5572,7 метра, а морская — 5565,33 метра.

Мараведы — денежная единица, введенная в Испании маврами. Мараведы были сначала золотыми и серебряными монетами, а начиная с 1474 года — медными. Медный реал, примерной стоимостью в 16 копеек золотом, содержал 34 мараведа.

Марин Тирский — греческий географ и математик, основатель математической географии. Жил во II веке нашей эры. Основная его заслуга перед географической наукой заключается в измерении широт и долгот многих стран, городов и местностей. За первый меридиан он принимал линию, соединяющую полюс через Канарские острова. Труды Марина Тирского дошли до нашего времени только в пересказе Клавдия Птолемея.

Марко Поло — итальянский путешественник, первый европеец, посетивший внутреннюю и восточную Азию. Родился в 1256 году в Венеции. Сопровождал в 1271 году своего отца Николо и зятя Маффео Поло, венецианских купцов, в их второе путешествие в столицу монгольского хана Кублая. Молодой Марко добился благоволения хана и был им направлен с особыми заданиями в отдаленные области монгольской империи. Эти путешествия были использованы Марко Поло для собирания фактов и заметок. После 24-летнего отсутствия Марко и его отец вернулись в Венецию. Здесь, благодаря большим богатствам, привезенным из Китая, Марко Поло стал именоваться «господином Миллион». В 1298 году, принимая участие в несчастном для венецианцев морском сражении с генуэзцами при Курцоле (1298 г.), Марко Поло попал в плен. Слава об его путешествиях и богатстве дошла и до Генуи. Генуэзцы содержали его в заключении в очень мягких условиях. Он имел возможность диктовать здесь свои воспоминания о посещенных им странах Востока некоему пизанцу Рустиджилло, который впоследствии отредактировал их на французском языке. Эта книга была первым европейским описанием внутренней и восточной Азии и вскоре стала излюбленной книгой во многих странах Европы. (См. книгу В. Шкловского — «Марко Поло» серии ЖЗЛ, 1936 г., № 3).

Оронт — древнее наименование реки, носящей ныне имя Нар-Эль-Ази, главной водной артерии Сирии. Это — небольшая

речка, текущая в северном направлении и впадающая в Средиземное море близ сирийского порта Суэдия. Долина Оронта была в древности и в средние века важным путем для проникновения в глубь Азии торговых караванов и армий.

Пассаты — ветры, дующие в тропических морях земного шара. В Северном полушарии эти ветры в течение всего года имеют постоянное юго-западное направление, а в Южном полушарии они направлены на северо-запад. Между пассатами Северного и Южного полушарий в зоне экватора лежит полоса постоянного штиля.

Помпониус Мела — римский географ, живший в середине I века нашей эры. Родился на юге Иберийского полуострова. Составленный Мелой небольшой географический справочник заключал в себе ряд сведений о восточном побережье Атлантического океана, значительно уточнявших представления греческих географов. В частности Мела отстаивал мысль о существовании свободного морского прохода вокруг юга Африки.

Посидоний (130—50 годы до нашей эры). Греческий философ, много занимавшийся астрономией и геодезией. Ему принадлежит второе, после Эратосфена, измерение земной окружности. Он воспользовался для своих вычислений разностью склонения над горизонтом в Александрии и на острове Родосе звезды Канопус созвездия Аргонавтов. Как самый метод измерения, так и его результаты были значительно хуже, чем полученные Эратосфеном (см. ниже). Посидоний определил земную окружность в 180 000 стадий.

Порто Санто — небольшой холмистый остров, размером в 11 километров на 4 с половиной километра, в группе островов Мадейры, принадлежащих Португалии. Впервые был открыт португальцем Гонзалесом Зарко в 1418 году.

Птолемей Клавдий — знаменитый греческий астроном, математик, физик и географ, живший во второй половине II века нашей эры в египетской Александрии. Основные труды Птолемея — 13-томное сочинение по астрономии и математике, известное под именем «Алмагест» и 8-томная «География». Астрономические воззрения Птолемея, согласно которым центром вселенной была земля, вокруг которой вращались солнце, планеты, кометы и звезды, были в течение 13 веков непререкаемой истиной и продержались вплоть до торжества учения Коперника о вращении земли вокруг солнца. Географические представления Птолемея, очень подробно и с большой ясностью изложенные в его 8-томном труде, заключали в себе ряд ошибок и заблуждений в сравнении с гениальными выво-

дами и положениями Эратосфена, жившего за 400 лет до Птолемея. В частности Птолемей принял для величины земной окружности исчисление Посидония, а не Эратосфена.

Региомонтанус (1436 — 1476). Под этим именем известен немецкий астроном Иоган Мюллер, родом из Кенигсберга. В 1462 году совершил вместе с кардиналом Бессарионом поездку в Рим, где усердно изучал «Алмагест» Птолемея. В 1468 году вернулся из Рима в Вену, откуда по приглашению венгерского короля Матяша направился в его столицу Буду. С 1471 года жил в Нюрнберге. При содействии мецената Бернарда Вальтера построил в этом городе первую европейскую обсерваторию. В Нюрнберге же Региомонтанус начал публикацию знаменитых в то время астрономических календарей «Эфемеридов», дававших на 32 года вперед положение звезд, фазы луны, сведения о затмениях и т. д. В «Эфемеридях» Региомонтанус опубликовал найденный им способ определения географических долгот методом «лунных расстояний». В 1472 году Региомонтанус был вызван папой Сикстом IV для участия в работах по реформе календаря в Рим, где и умер в 1476 году.

Сарацины — обычное среди христиан средних веков наименование их мусульманских противников, главным образом, мусульман Европы. Греки и римляне в древние времена обозначали этим словом разбойничьи кочевые племена, обитавшие в пустынных областях Аравии и Сирии.

Саргассово море или море водорослей — покрытая плавающими водорослями часть Атлантического океана, лежащая к западу от Канарских островов и тянущаяся до берегов Америки. Поверхность Саргассова моря исчисляется в 60 тысяч квадратных миль и тянется с востока на запад широкой полосой, местами достигающей 20 географических градусов. Все водоросли Саргассова моря представляют собой растения, оторванные течениями и ветрами от берегов Южной Америки или Антильских островов. В некоторых местах Саргассова моря водоросли так густы, что затрудняют движение судов.

Страбон — древнегреческий географ, родившийся около 60-го года до начала нашей эры. Его главным творением была 17-томная география, в которой он подробно описывал страны средиземноморского бассейна, а также Галлию (Францию), германские и балканские земли. Из азиатских стран наиболее подробно описаны им малоазиатские колонии, хотя он упоминает также о Китае и Индии.

Страбон определял протяженность (с запада на восток) зна-

когого грекам и римлянам европейско-азиатского материка — от западной окраины Иберийского (Пиренейского) полуострова до восточного берега земли Серов (китайцев) в 70 000 стадий (см. Эратосфен), а ширину этого материка (с севера на юг) — в 30 000 стадий. Этот континент был, согласно Страбону, окружен со всех сторон океаном. Вне его Страбон допускал возможность существования материков, еще неизвестных обитателям Средиземного моря.

Т а р и к - б е н - С е й д — арабский полководец, призванный вестготским графом Юлианом и архиепископом толедским на Пиренейский полуостров из африканской Берберии для помощи им в междоусобной борьбе с вестготским королем Родриго. Тарик со своими ордами берберов переправился через узкий пролив, отделявший африканский берег от европейского, и высадился в Испании у мыса, получившего имя «Джебель-эль-Тарик» (мыс Тарика), или, в европейском произношении, Гибралтара, и разгромил войска Родриго близ Хереса де ла Фронтера.

Ф у л а или Крайняя Фула — остров в северной части Атлантического океана, открытый древними греками. Точное его местоположение осталось неизвестным. Страбон (см. выше) считал Фулу северной оконечностью обитаемой земли. Птолемей (см. выше) называл этим именем один из шотландских островов, лежащих к северу от Шотландии. В XV веке ее отождествляли то с Исландией, то даже с Норвегией.

Ч и п а и г о или Сипанго — наименование, данное Марко Поло (см. выше) Японским островам, лежащим к востоку от Китая. Чипанго является искажением китайского наименования Японии Жи-Бень-Го. Сам Марко Поло, как известно, в Чипанго не был. Впервые европейцы появились в Японии лишь в 1542 году, когда буря пригнала португальские корабли к острову Тапега-Сима.

Э р а т о с ф е н — древнегреческий астроном, географ, математик и филолог, живший от 276 до 194 года до нашей эры. Его величайшим делом было первое измерение объема земного шара. Установив, что город Ассуан в Египте лежит в 5 000 стадий (древнегреческая мера, равная 157,7 метра) к югу от Александрии, он провел измерение склонения солнца в Александрии в полдень того дня, когда оно находилось в зените Ассуана. Таким образом он определил угловое расстояние между этими двумя городами в $\frac{1}{50}$ полного земного круга. Отсюда он исчислил окружность земли в 250 000 стадий.

1. Fernando Colombo: „Historie del Signor don Fernando Colombo e vera relatione della vita dell ammiraglio don Christoforo Colombo“ Venetia, 1571.

Это „Правдивое описание жизни адмирала дона Христофора Колумбо“ принадлежит перу сына Колумба Эрнандо Колону. Оно представляет собою первое жизнеописание великого мореплавателя. „История“ страдает отсутствием объективности и искажает многие факты.

2. Bartolomé de Las Casas. Historia de las Indias, Madrid, 1875. („История Индий“).

Фундаментальный труд епископа де Лас Касаса, друга Колумба, впервые напечатанный в Мадриде лишь в 1875 году.

3. Andres Bernaldes, curadelos Palacios. „Histoiria de los Reyes Catolicos“. Grenada, 1856. („История католических королей“).

Автор—священник из Лос Паласиос, Андрей Бернальдес, современник и друг Колумба.

4. Peter Martyr d'Anghiera: „Opus Epistolarum“, Madrid 1530 („Сборник писем“ Петра Мартира).

Петр Мартир был летописцем царствования Фердинанда и Изабеллы. Письма его хорошо передают впечатление, произведенное открытием западных земель на передовых испанцев того времени.

5. Conzalo Fernandes Oviedo y Valdes: „Historia General de las Indias, Sevilla, 1535 („Общая история Индий“ Гонсало Фернандо Овиедо и Вальдес).

Овиедо, хорошо знавший Колумба, написал историю открытия Индий, проникнутую скептическим отношением к адмиралу и его деятельности.

Перечисленными пятью книгами исчерпываются основные сочинения авторов, лично знавших Колумба.

6. Francisco Lopez de Gomara: „Historia General de las Indias“, Saragossa, 1552—53. („Общая история Индий“ Франсиско Лопес де Гомара).

7. Antonio de Herrera: „Historia General de las Indias occidentales“, Madrid, 1615. („Общая история западных Индий“ Антонио де Геррера).

8. Juan Bautista Munos „Historia del Nuevo Mundo“, Madrid, 1793. („История Нового Света“ Хуана Баутиста Муньос).

9. Fernandes de Navarrette: „Colleccion de los viages y descubrimientos que hicieron por mar los espanoles“, 5 vols, Madrid, 1825—27 („Сборник о путешествиях и открытиях, совершенных испанцами в заокеанских странах“ Фернандес де Наварретте).

Пятитомное собрание архивных документов, положившее начало научному изучению деятельности Колумба.

10. Washington Irving: „History of the life and Voyages of Columbus“, 4 vols, London, 1827—28.

„Сделавшее эпоху“ четырехтомное произведение известного североамериканского литератора Ирвинга. Книга включает в себе обширный фактический материал. На протяжении XIX века биографы Колумба, за редким исключением, находились под сильнейшим воздействием этого апологетического жизнеописания, давшего сусальный и исторически-искаженный образ великого генуэзца. Имеется русский перевод (см. ниже).

11. William Prescott: „History of the Reign of Ferdinand and Isabella“, 4 vols, London, 1837.

Краткий рассказ о Колумбе дан автором на фоне событий в Испании. Прескотт великолепно изобразил историческое окружение Колумба.

12. Alexandre Humboldt: „Examen critique de l'histoire de la géographie du Nouveau continent et des progrès de l'astronomie nautique aux 15ème et 16ème siècles“, 4 vols, Paris, 1836—37.

Это произведение, в особенности 3-й его том, дает компетентную оценку Гумбольдтом Колумба как морехода и естествоиспытателя.

13. Henry Harisse: „Cristophore Colomb, son origine, sa vie, ses voyages“, 2 vols, Paris 1884.

Для критического изучения жизни и деятельности Колумба труды американца Генри Гаррисса имели исключительное значение. Гаррису принадлежат архивные исследования, точно установившие родословную и социальную принадлежность Колумба.

14. Peschel. Oscar: „Zeitalter der Entdeckungen“ Stuttgart 1877.

Автор дает анализ состояния географических знаний в передовых странах Европы в XV веке. Книга переведена на русский язык (см. ниже).

15. Fiske, John: „The discovery of America“ 2 vols, New York, 1892.

Увлекательно написанное исследование, знакомящее в очень доступной форме с развитием мореплавания в Португалии и Испании. Имеется русский перевод (см. ниже).

16. Justin Winsor: „Christopher Columbus and how he received and imparted the spirit of discovery“, Cambridge, 1892.

Одно из лучших исследований о Колумбе. Автор уделяет особое внимание рассмотрению взаимоотношений Колумба с индейцами Эспаньолы. Переведена на русский язык (см. ниже).

17. John Boyd Thacher: „Christopher Columbus“, 3 vols, New York, 1903—1904.

Трехтомный сборник документов. В книге фотографическим способом воспроизведены многие редкие письма и сочинения Колумба.

18. Kretschmer, Konrad: „Die Entdeckung Amerikas“, Berlin, 1892.

Исследование научных основ западного плавания Колумба.

19. Sophus Ruge: „Columbus“, Berlin, 1902.

20. Pessagno, E: „Questioni Colombiani“, Genova, 1926.

21. „Coleccion de documentos ineditos para la historia de Hispano-America“, Madrid, 1930.

22. Luis Astrana Marin: „Cristobal Colon“, Madrid 1930.

23. Sumien, H. „La correspondance du savant florentin Toscanelli avec Christophore Colomb“, Paris, 1927.

24. H. H. Houben: „Christopher Columbus: The tragedy of a discoverer“, London, 1935.

25. Maurice David: „Who was Columbus“, New York, 1932.

Книги о Колумбе и его времени на русском языке

1. Ирвинг, Вашингтон: „История жизни и путешествий Христофора Колумба“, 4 тома, СПб, 1837. Перевод Н. Бредихина.

2. Пешель, Оскар: „История эпохи открытий“, Москва, 1884.

3. Фiske, Джон: „Открытие Америки“, 2 тома, Москва, 1892—93.

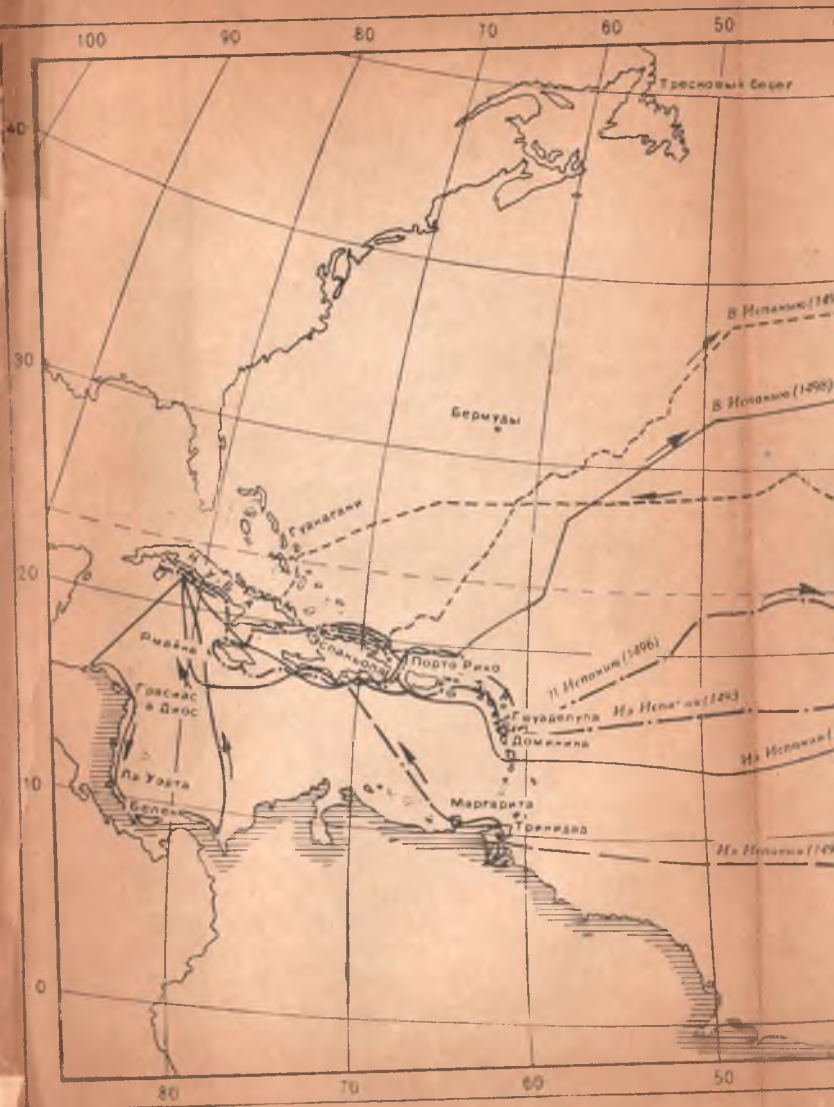
4. Уинсор, Джустин: „Христофор Колумб и открытие Америки“, СПб, 1893.

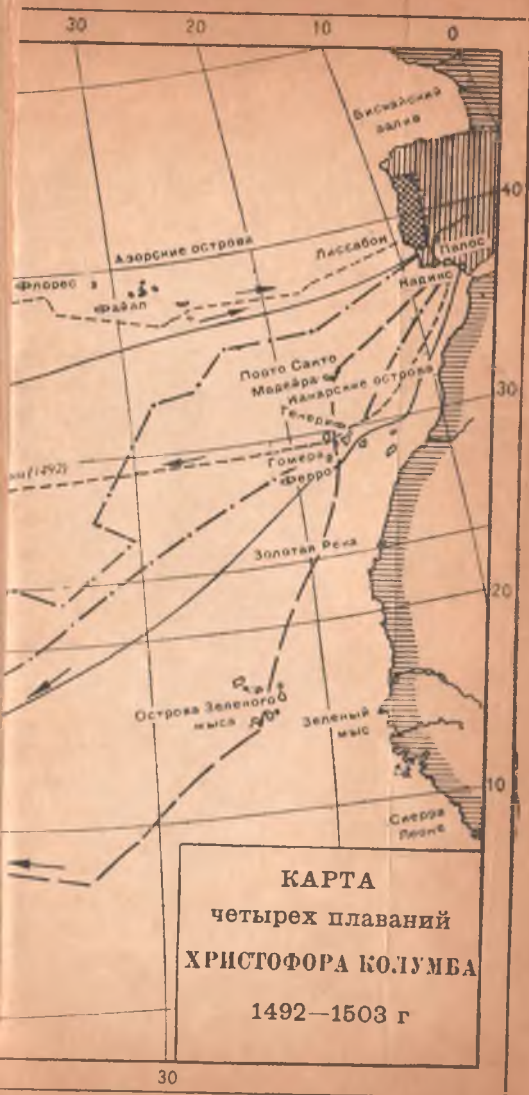
5. Иенсен, Иоганнес: „Колумб“ (повесть), Москва, 1927. Перевод с датского.

Поэтическое описание первого плавания адмирала. Блестяще написанную повесть портит тенденция автора, произвольно изображающего Колумба, как представителя северной расы.

6. Андре, Мариус: „Подлинное приключение Христофора Колумба“. Москва, 1928. Перевод с французского.

Книга написана очень живо, но без знания источников. Из поля зрения автора выпадают важнейшие факты, например, связь колумбова проекта с планами Тосканелли.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	5
Торговые пути на Восток	5
Итальянские торговые республики	8
Пути на Восток обрываются	13
Замысел	19
Христофор Колумб на родине	19
Южный португальский путь на Восток	25
Колумб в Португалии	36
Картограф и книгоноша	38
Женитьба	45
Переписка с Тосканелли	63
Колумбов проект перед судом португальцев	69
Черная Испания	74
Колумб—хотатай при кастильском дворе	84
Саламанкская хунта	88
Томительное ожидание	91
Успех	98
Подготовка к плаванию	103
Осуществление	109
Первое плавание	109
Гуанагани	124
Крейсирование в архипелаге	128
Куба	132
На Эспаньоле	138
Обратный путь	148
Триумф в Испании	154
Трудности	163
Гибель форта Рождества	163
Основание Изабеллы	168
Первый мятеж	173
В горах Чибao	174
Плавание к Кубе и Ямайке	176
Беды Эспаньолы	182
Конфликт	191
Королевский контролер Агуадо	194
Снова в Испании	197

Крушение	202
Третье плавание	202
Рай найден	208
Заговор Ролдана	211
Колумб и Ролдан	216
Королевский ревизор Бобадилья	222
Колумб в цепях	225
В Кадиксе	231
Альгамбра	234
В опале	237
Подготовка новой экспедиции	241
Конец жизненного пути	243
Четвертое плавание	243
Золото и беды Верагуа	248
У берегов Ямайки	254
Бунт Порраса	261
На растерзанной Эспаньоле	265
Последние усилия	270
Смерть Колумба	275
Примечания	277
Библиография	283

Технич. редактор Е. Ривес.

Корректор И. Я. Слонимский

Обложка Г. С. Бершадского.

Гравюра А. Соловейчик

Издат. — Жургазоб'единение.

Уполном. Главлита Б — 30182

Тираж 50.000. Зак. тип. 585. Изд. № 327. Одано в произв. 20/VIII 1937 г.

Подпис. к печати 21/X 1937 г. Формат бумаги 1/32 72 × 105 9/16 п. л.

Типогр. и цинкогр. Жургаза, Москва 1-й Самотечный, 17.

1. Путешествие в 1492 и 93 гг.
2. " " в 1493, 94, 95, 96 гг.
3. " " " в 1498 г.
4. " " " в 1502, 3, 4 гг.

11 Окт. 1492

Острова Багамские

КАРТА
ЗАПАДНОЙ ИНДИИ
для руководства
при чтении описания путешествий
ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

23 Сент. 1504

19 Янв. 1498
Путь

24 Ноеб.

27 Ноеб.

14 Дек.

Монте Крист Горы

Нисобелло

Сан Доминго

Чикаго

12 Сент. 1504

27 Авг.

20

1494

Ноеб. 1502

17 Янв. 1494

12 Март

16

20

27

18

30

19

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

Т В Е Р Д

Москитный
Берег 1503

2 Июня

3 Июня 1503

Р. Батан

Р. Батан

Р. Батан

Р. Батан

Р. Батан

М. Грасиас а Диос
МОСКИТНЫЙ
БЕРЕГ

ОНДУРА

КИН ОБАН

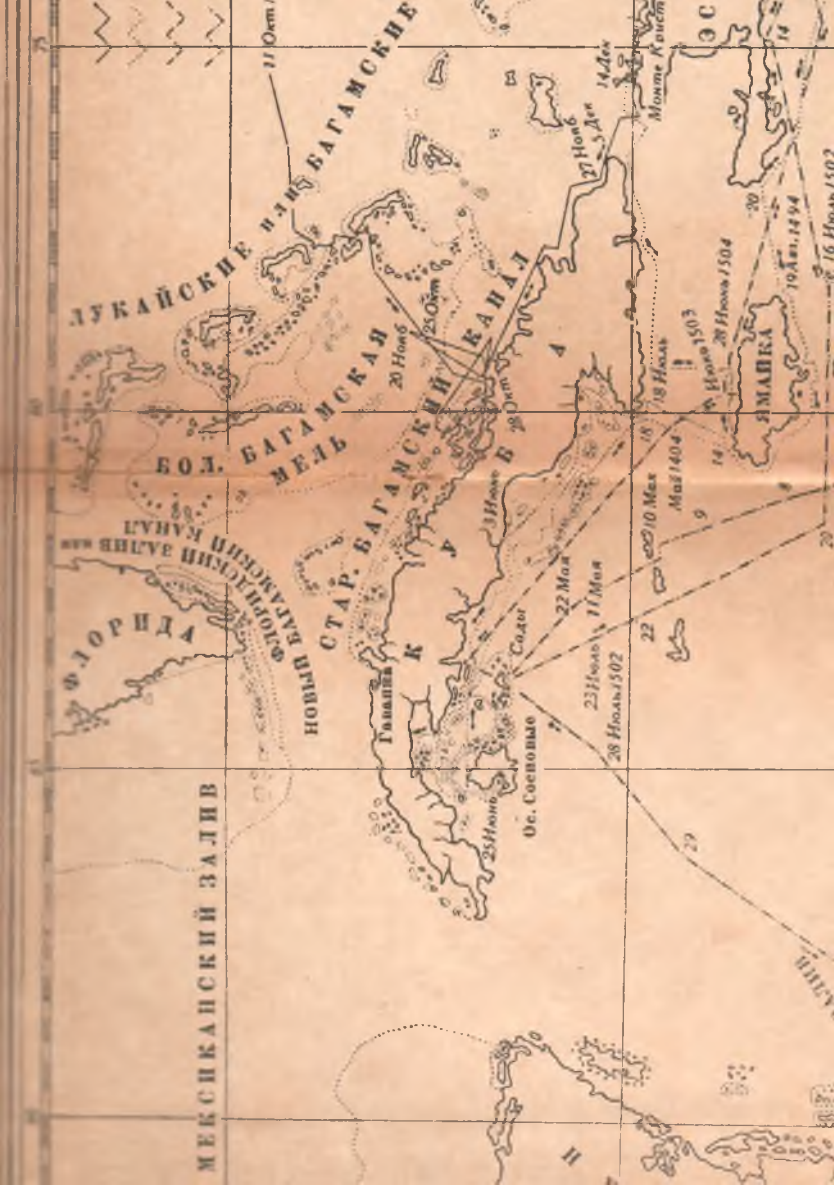
ЖНОЕ МОРЕ

ПЛАН

Западная Парикская долина

85

90

Цена 2 руб. 25 коп.

Журналино-газетное
объединение
Москва